

А. В. Шотман

ЗАПИСКИ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС –
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА – ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

А. В. Шотман

ЗАПИСКИ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

ЛЕНИЗДАТ · 1983

Научный редактор Т. П. Бондаревская

Шотман А. В.

Ш80 Записки старого большевика. (Под научн. ред. Т. П. Бондаревской). — 4-е изд. — Л.: Лениздат, 1983. — 208 с., с ил.

Об авторе воспоминаний В. И. Ленини писал: «...тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия».

Александр Васильевич Шотман — член партии с 1899 года, потомственный питерский рабочий, делегат II съезда РСДРП от Петербургской партийной организации, позднее — член ЦК РСДРП, член ВЦИК, делегат XIII—XVII съездов партии, бессменный член ЦКК.

Настоящие воспоминания А. В. Шотмана впервые опубликованы в 1932 году.

Издание воспоминаний А. В. Шотмана посвящается 80-летию II съезда РСДРП.

Ш 0505020000—025 281—84
М171(03)—83

63.3(2)5

© Лениздат, 1983, 4-е изд.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор настоящих «Записок» Александр Васильевич Шотман (1880—1939) — профессиональный революционер, один из видных деятелей ленинской гвардии большевиков. В 1918 году В. И. Ленин писал о нем: «...тов Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия»*.

Потомственный питерский пролетарий-металлист, А. В. Шотман прошел вместе с партией большой путь от ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» до победы социалистической революции в нашей стране. Он — питерский делегат съезда, на котором была создана большевистская партия. В постановлении ЦК КПСС «О 80-летию Второго съезда РСДРП» подчеркнуто: «На историческую арену вышла партия нового типа — партия рабочего класса, партия научного коммунизма, партия социалистической революции и коммунистического созидания»**.

Трудовая жизнь А. В. Шотмана началась с двенадцати лет. Как видно из его воспоминаний, он с детства отличался свободолобием, большой самостоятельностью и упорством. С присущим ему юмором А. Шотман рассказывает о своей первой

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 65.

** Правда, 1983, 5 апреля.

«битве с существующим строем», в которую он вступил еще в первом классе начальной школы. За нею последовали многие другие, уже не детские...

Пытливый и любознательный юноша рано начал присматриваться к окружающей жизни. В селе Александровском, где прошли детские годы А. Шотмана, жили потомственные рабочие, давно порвавшие связь с землей и существовавшие только на заводские заработки. Александр видел ужасающую нищету в то время далекой рабочей окраины Петербурга. Семьи многих его товарищей скитались по чужим углам, прозябали в нужде. Он был свидетелем слез, пооек и драк, происходивших у заводских ворот в дни получек. Мимо села Александровского тянулись в столицу по Неве баржи, и Шотман впервые увидел здесь шедших бечевой бурлаков, грязных, оборванных, измученных, впервые услышал «Дубинушку». Подростка поражали контрасты нищеты рабочей окраины и роскоши центра Петербурга, где он изредка бывал с отцом. Все чаще и чаще задумывался Шотман над тем, почему существует такая несправедливость. У него накопилось «превеликое множество неразрешенных вопросов», ответ на них он стал искать в книгах. У рабочих, даже не отличавшихся политической сознательностью, он учился ненависти к угнетателям. Его тянуло к тем, кто боролся за справедливость. И он с тревогой и сочувствием провожал взглядом полицейские кареты с государственными преступниками, что неслись из столицы через село Александровское в Шлиссельбургскую крепость. А в шестнадцать лет Шотман был уже активным участником стачки рабочих завода Нобеля.

Важным событием в жизни Шотмана было

чтение первой нелегальной брошюры. «Прочел я эту первую запрещенную брошюру,— пишет Александр Васильевич в своих воспоминаниях,— в один прием, забравшись для этого, во время обеденного перерыва, в огромный пустой ящик, стоявший во дворе завода. Помню, брошюра произвела на меня сильное впечатление, и я стал чувствовать себя после этого почему-то на целую голову выше других». Вслед за первой он получил другие нелегальные брошюры, познакомился с листовками, носил первый кружок, постепенно приобщался к революционному подполью.

Под влиянием общественно-политической обстановки, насыщенной революционными идеями, прочитанных книг А. В. Шотман из заурядного молодого человека без определенных убеждений постепенно превращался в социалиста, глубоко проникавшегося новыми, передовыми идеями. В 1899 году Шотман стал социал-демократом, членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В автобиографии, отвечая на вопрос, что послужило причиной вступления в РСДРП, Александр Васильевич коротко написал: «Побудило вступить в партию... пробудившееся у меня классовое самосознание» *.

На путь революционной борьбы А. В. Шотман вступил в тот период, когда в России назревала величайшая народная революция, когда марксистские идеи властно завоевывали умы. С середины 90-х годов в России начался ленинский этап в развитии марксизма. На политической арене действовало уже новое поколение пролетарских революционеров, которое не ограничивалось пропагандой революционно-демократических идей, а вело

---

* ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 2177, л. 1.

рабочий класс России к открытой политической борьбе за социализм. В. И. Ленин поставил тогда на первый план задачу подготовки профессиональных революционеров из передовых рабочих, которые могли бы стать костяком партии нового типа и выросли бы в политических руководителей масс. «Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), — писал В. И. Ленин в «Что делать?», — тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс» *.

А. В. Шотман стал одним из таких рабочих-революционеров, которые отдали всю свою жизнь борьбе за рабочее дело. Он был руководителем Обуховской обороны, активным участником трех революций, неоднократно сидел в тюрьмах, познал этапы и ссылки.

Большая часть революционной, партийной деятельности А. В. Шотмана протекала в Петербурге. В 1899—1901 годах он был организатором и руководителем ряда социал-демократических кружков в Выборгском и Невском районах. Рабочий-самоучка, он выделялся среди товарищей начитанностью и верным пониманием стоявших перед пролетариатом задач. В 1902 году Шотман — организатор Выборгского партийного района, член Петербургского комитета РСДРП, агент ленинской «Искры».

В 1903 году Петербургская организация — крупнейшая организация Российской социал-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 133.

демократической партии — направляла А. Шотмана делегатом на II съезд РСДРП. Это был уже закаленный в борьбе революционер-профессионал, убежденный искровец. Е. Д. Стасова, в то время секретарь Петербургского комитета РСДРП, в письме В. И. Ленину, направленном после выборов делегата на съезд, характеризовала Александра Васильевича как энергичного, ответственного работника, который хорошо знает дела в ПК и «обо всем расскажет» *.

Два месяца пребывания в Женеве, где находился тогдашний центр русской социал-демократии, были для А. В. Шотмана настоящим университетом. Александр Васильевич прочел много революционной литературы, которой не было в Питере, помогал отправлять ее в Россию, встречался с деятелями группы «Освобождение труда» — Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич. А самое главное — он впервые познакомился с В. И. Лениным, около трех месяцев общался с ним, и это общение наложило глубокий отпечаток на всю дальнейшую политическую деятельность А. В. Шотмана. Александр Васильевич рассказывает, с каким нетерпением и волнением он ждал встречи с Владимиром Ильичем, уже призванным руководителем русской социал-демократии. Ленин ввел его в круг внутрипартийных дел, разъяснил смысл имевшихся в то время глубоких идейных разногласий в партии. «Я был всецело на его стороне», — писал А. В. Шотман после первых встреч с В. И. Лениным. Неизгладимое впечатление произвели на него выступления В. И. Ленина на предсъездовских совещаниях и на съезде. Сравнивая выступления В. И. Ленина и Г. В. Плеханова,

---

* ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3, л. 1286, л. 24.

А. В. Шотман писал: «Когда говорил Плеханов, я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина. Почему, право, не могу объяснить, но так было, и не только со мною, но и с другими рабочими-делегатами — Степановым и Андреем», они «восхищались практическим чутьем Ленина, его знаниями и каким-то особенным умением излагать свои мысли».

На съезде А. В. Шотман с самого начала и до конца входил в группу «твердых» искровцев. Он поддерживал все ленинские резолюции *. 20 августа Н. К. Крупская писала в Петербург Е. Д. Стасовой, что о работе съезда «подробно расскажет Берг. Он славный, надежный товарищ».

«Я голосовал за линию, проводимую Лениным» — так коротко охарактеризовал он свое поведение на съезде. И этой линии он был без колебаний верен на протяжении всей своей долгой, активной партийной работы.

После II съезда А. В. Шотман стал агентом ЦК РСДРП. С нелегальным паспортом он объехал ряд городов России, знакомя партийные организации с решениями съезда. Затем вел работу в Северном комитете РСДРП, позднее в Одессе, снова в Петербурге и других городах. И в годы революции, и в годы черной реакции Шотман оставался твердокаменным большевиком. С. И. Гусев, секретарь Одесского комитета, в 1905 году в письме В. И. Ленину характеризовал Шотмана как «великолепного работника» **.

---

* См.: Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 107, 186, 187, 279 и др.

** Пролетарская революция, 1925, № 12, с. 32.

В годы нового революционного подъема Александр Васильевич, будучи членом Гельсингфорского комитета РСДРП, вел сложную работу по обеспечению связи Петербургской организации большевиков с Заграничным бюро ЦК РСДРП. С помощью Г. Ялавы, Копонена и других машинистов Финляндской железной дороги он вместе с Н. А. Рахьей регулярно доставлял в Петербург газету «Социал-демократ», листовки и другие материалы Центрального Комитета. Исключительно большое значение имела организованная ими в Финляндии, около Выборга, типография ПК РСДРП. Ответственной и рискованной была работа по переправке через границу профессиональных революционеров. За эту обширную работу по организации связей ЦК с Россией товарищи в шутку прозвали Александра Васильевича «министром иностранных дел».

А. В. Шотман был активным корреспондентом «Правды». По два-три раза в неделю за подписью «П. Дашилов» печатались его корреспонденции о жизни и борьбе рабочих Финляндии, о работе финляндской социал-демократической партии.

В сентябре 1913 года А. В. Шотман участвовал в Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, представляя вместе с А. Е. Бадаевым и И. Ф. Арманд Петербургскую организацию большевиков. Совещание избрало Шотмана членом ЦК РСДРП и одновременно членом Русского бюро ЦК.

Но до конца 1913 года он еще находился за границей, выполняя партийные поручения, неоднократно встречался с В. И. Лениным, переписывался с ним. «Дорогие друзья! — писал Шотман В. И. Ленину и Н. К. Крупской 9 декабря из Вены. — Простите, что так долго не писал. Все

откладывал, думал, что Вы вот-вот приедете, а вчера узнал, что Вы приедете недели через две». Из этого письма мы впервые узнаем о его заграничной жизни: «Я уже две недели работаю на маленьком заводе. Работаю не на токарном станке, а на фрезерном, но это почти одно и то же. Вот плата плоховатая: 54 голлера в час, при 9¹/₂-часовом рабочем дне. До сих пор я за границей только тратил деньги, теперь же начинаю «наживать». Правда, на эти гроши не разгуляешься, но кое-как одному прожить можно. Теперь в Вене безработица, трудно найти в другом месте работу, а в других местах лучше платят. Не решил еще, долго ли здесь проживу, в Россию тянет. Вот приедете, поговорим об этом».

Александр Васильевич сообщал, что «набрал книг... все вечера сижу дома и читаю», что изучает немецкий язык *. «Учусь примерно, — пишет он. — С утра до вечера болтаю с соседом по станку. Купил три словаря, один «лилипут», пошу и жилетном кармане, — как что понадобится, смотрю в словарь и спрашиваю». Сообщал, что «начал статью о Финляндии для „Просвещения“», горевал, что «в «Правду» уже не напишешь! Вероятно, скоро другая вместо нее будет?» Письмо кончалось: «Жму крепко руку. Ваш Берг» **.

А через несколько дней Шотман выехал в Россию, как член ЦК объехал несколько городов — Петербург, Одессу, Херсон, Николаев, Екатеринослав, восстанавливая разгромленные полицией комитеты, налаживая их связи с ЦК РСДРП.

---

* Чуть позднее, в нарымской ссылке, он изучит и французский язык, будет без словаря читать в подлиннике французских писателей.

** ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 779, л. 1, 2.

Последовал новый арест и ссылка в Нарымский край на шесть лет. Сюда же была сослана и его жена Екатерина Федоровна вместе с шестилетним сыном.

Организаторские способности и революционный энтузиазм А. В. Шотмана ярко проявились в 1917 году: в феврале он принял деятельное участие в установлении революционной власти в Томске, в мае приехал в Петроград и сразу же активно включился в партийную работу. Его часто видели выступающим на рабочих и еще чаще на солдатских собраниях, в большевистском клубе «Правда», который помещался в бывшем особняке Кшесинской. Сотрудничал Шотман в большевистской газете «Деревенская беднота». Он вел работу в Финском союзе при ЦК РСДРП(б), объединившем финских рабочих, проживавших в столице, был членом Петроградского окружного комитета большевиков, который руководил партийной работой в уездах Петроградской губернии, принимал энергичное участие в борьбе партии за массы, за большевизацию Советов, за мирное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Лично я участвовал во всех наших выступлениях и демонстрациях», — писал он позднее. Нередко его можно было увидеть за токарным станком, работал он и механиком. Уже на второй день по приезде в Петроград он участвовал в монтаже ротационной машины в большевистской типографии «Труд». Здесь Шотман после четырехлетнего перерыва снова встретился с В. И. Лениным. «Владимир Ильич, — рассказывал он об этой встрече, — был в хорошем настроении, много шутил и весело смеялся над шутками других. Очень весело смеялся моей шутке, когда я, дотрагиваясь до его несколь-

ко потертого пиджака, с серьезным видом сказал, что, как мне помнится, Владимир Ильич был в этом костюме на II съезде партии».

Особенно ответственное задание А. В. Шотман выполнял в труднейшие для партии посленюльские дни 1917 года — он осуществлял связь ЦК РСДРП(б) с В. И. Лениным, находившимся в своем последнем подполье — в Разливе, и организовал переезд вождя из Разлива в более безопасное место.

После победы Великой Октябрьской революции А. В. Шотман активно включился в строительство Республики Советов. Все свои силы, огромный опыт и незаурядные организаторские способности он отдавал борьбе за диктатуру пролетариата, за укрепление Советской власти, за построение социализма в нашей стране. Партия посылая его на ответственные и трудные участки великой борьбы за социализм. В ноябре 1917 года А. В. Шотман был назначен членом коллегии Наркомата почт и телеграфа. А в январе 1918 года, когда под влиянием Октябрьской революции началась рабочая революция в Финляндии и там было создано революционное правительство во главе с Ю. Сиролой, О. Куусиненом и А. Тайми, Александр Васильевич был направлен в Гельсингфорс для руководства военным отделом Красной гвардии. Затем он был членом Русско-Финляндской комиссии Наркоминдела и много сделал для налаживания отношений с Финляндией. При его содействии был заключен договор между РСФСР и Финляндской республикой.

С мая 1918 года А. В. Шотман — секретарь и член президиума ВСНХ, участвовал в работе Совета Труда и Оборона (СТО), осуществлявшего непосредственное руководство всеми хозяйствен-

ными организациями страны. По заданию Совнаркома и СТО А. В. Шотман был председателем Урало-Сибирской экономической комиссии и председателем Сибирского совпархоза, затем возглавлял экомсовет Юго-Восточного края, являвшегося тогда основным поставщиком хлеба, был председателем ЦИК Карельской АССР.

В личном листке коммуниста, заполненном на А. В. Шотмана в 1923 году, ему была дана такая характеристика: «Рабочий, серьезный положительный работник, хозяйственник с широким взглядом и основательным опытом в области строительства советской промышленности. Большевик старого закала, решительный администратор, но умеющий тщательно учитывать реальные возможности».

Начиная с 1918 года А. В. Шотман был членом ВЦИК, а с 1931 года работал заведующим отделом кадров ВЦИК. Он делегат XIII—XVII партийных съездов, бессменный член ЦКК. Умер Александр Васильевич 14 мая 1939 года.

«Записки старого большевика» охватывают период создания Коммунистической партии и ее деятельности до лета 1905 года. Изложенные в исторической последовательности, воспоминания насыщены богатым фактическим материалом. Свообразный живой язык автора — обладателя типично финского юмора — придает его «Запискам» особый интерес.

Книга печатается по изданию 1963 года, совершенно идентичному изданию 1932 года, ставшему библиографической редкостью.

Публикуемые фотографии предоставлены Государственным музеем Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде и ввучкой А. В. Шотмана — Г. А. Шотман-Мовлевой.

КРУЖКОВАЯ РАБОТА

Первое мое выступление против порядков, существовавших в России до 25 октября 1917 года, произошло в 1887 году. Мне было тогда семь лет. Произошло это в селе Александровском¹, за Невской заставой, где я за семь лет до этого родился. Отец мой в это время работал слесарем на Обуховском заводе², а я учился в финской начальной школе. Случилось это так.

Один из мальчишек, на год или на два старше меня, чем-то обидел мою старшую сестренку, учившуюся со мной вместе. Рассчитав, что одному мне с обидчиком не справиться, я подговорил товарища и вместе с ним во время перерыва тут же, в классе, набросился на обидчика и стал его лупить. Увлечшись этим занятием, мы не заметили, как пришел учитель. Увидав драку, он прекратил ее весьма быстро. Затем, поставив нас в угол на колени, он тут же учинил суд и приговорил нас обоих к ударам линейкой по протянутым рукам. До этого меня еще ни разу не били. Стоя в углу, я твердо решил до этого не допустить, и как только учитель повернулся, чтобы взять линейку, я бросился к двери, благо она была близко, и стремглав выбежал на улицу. Только поздно вечером мать нашла меня в поле у еврейского кладбища, где я с восхищением наблюдал за игрой в орлянку.

Дома я терпеливо перенес причитавшееся мне количество розог и тут же дал себе слово в школу эту больше не ходить, даже в том случае, если меня ежедневно будут пороть.

На следующее утро мать, как всегда, снабдила меня завтраком, т. е. куском хлеба, выпроводила меня вместе с сестренкой в школу. Но я, верный данному себе слову, в школу не пошел, а пошел на реку Неву, где весь день наблюдал, как выгружают с баржи дрова, ловят удочками рыбу, бабы полощут белье и громко между собою ругаются.

Вечером опять-таки мать меня нашла, но уже не порола, а только с отцом весь вечер почему-то ругалась. Наутро меня в школу не послали, а затем я узнал, что мы все отсюда уезжаем далеко, в другой конец города.

Через несколько дней тронулись мы в путь. Я сидел на большом возу рядом с сестрой, которая держала на руках младшего брата, а мать шла с младшей сестрой на руках то рядом, то сзади воза, наблюдая, чтобы ничто с воза не упало. Отец еще дня за два уехал.

Поселились мы на Выборгской стороне, в Крапивном переулке. Отец поступил на завод Людвиг Нобеля³ слесарем.

Итак, из первой моей битвы с «существующим строем» я вышел победителем, из чего и сделал вывод: чтобы достигнуть цели, необходимо быть, во-первых, упрямым, а во-вторых, не бояться... даже розог.

Вскоре после переезда меня определили сразу во второй класс такой же начальной школы, какую я более или менее благополучно и кончил через два года. Этим и завершилось мое образование.

А. В. Шотман.
1936 г.

С 9 до 12 лет моими основными занятиями были: днем соби́рание щепок на постройках и угля, сыпавшегося с тачек каталей, возивших его с баржей на фабрики, а также драка с мальчишками из соседнего Роченсальмского переулк⁴. По вечерам я посещал Пушкинскую библиотеку на Сампсониевском проспекте⁵, где я без всякого руководства, без разбора прочел за это время огромное количество книг и книжонок.

Первую публичную речь я произнес в 1892 году. Мне в это время было уже 12 лет. Хотя я был тогда еще беспартийный, но речь произнес ярко монархическую. Произошло это вот почему. В те времена на Марсовом поле ежегодно на масленицу устраивали «народное гулянье» с балаганами, каруселями, перекидными качелями, с горячим сбитнем, берлинскими пышками и

прочими удовольствиями. А кроме даваемых народу развлечений, приучали его еще и к спорту — спорту, конечно, чисто русскому. «Спорт» этот состоял в лазании вверх по намазанному бревну, в попадании длинной палкой в отверстие, проделанное в особом рода ведре, наполненном водою (причем промахнувшийся получал содержимое ведра на свою голову), и в хождении по крутящемуся бревну, устроенному так, что некоторые недостаточно ловкие «спортсмены» ломали себе ноги, руки или свертывали шею. «Победители» награждались довольно ценными призами.

Мне удалось благополучно пробежать взад и вперед по крутящемуся бревну, за что я и получил приз. Но прежде чем получить приз на руки, я должен был произнести с высокого павильона, стоявшего посредине Марсова поля, «речь». «Речь» свою я произнес под диктовку петербургского градоначальника фон Валя, сидевшего в павильоне за трибуной и собственноручно раздававшего призы. «Речь» эта заключалась в следующем: «За здоровье его императорского величества Александра Александровича, ура!.. За здоровье его императорского высочества наследника цесаревича Николая Александровича, ура!.. За здоровье августейшей семьи его императорского величества, ура!» Кричать я должен был, как меня предупредили, во все горло, так как стоявшая толпа была очень большая, что я и проделал блестяще. После этого фон Валь поднес мне великолепный фарфоровый сервиз на раскрашенном подносе.

Когда я принес приз домой и рассказал отцу, как я его получил, он как-то особенно на меня поглядел и покачал головой, ничего не сказав.

Мои уличные занятия к этому времени привяли довольно буйный характер, отчего страдали не

только соседние мальчишки, но и взрослые, а также стекла соседних домов.

Все чаще и чаще приходили соседи жаловаться моим родителям на мои «подвиги», и отец мой все больше и больше задумывался, куда бы меня «определить». Наконец через каких-то влиятельных лиц удалось получить рекомендацию в казенное ремесленное училище при арсенале на Сямбирской улице⁶. Подготовился я к экзамену хорошо и по всем предметам сдал блестяще, но срезался самым жестоким образом на законе божьем. Казалось бы, с меня, как лютеранина, православному попу не следовало бы строго взыскивать, но начальство решило иначе, и меня не приняли.

Добыча угля и щепок к тому времени у меня сильно сократилась, а «подвиги» становились все более и более для соседей невыносимыми. Мои «подвиги» чуть было не окончились печально, когда я раз бросил вслед убежавшему противнику увесистую палку, которая угодила в висок случайно подвернувшейся старушке. Старушка чуть было не отправилась на тот свет. Чаша терпения моего отца переполнилась, и он «определил» меня в ученье в сапожную мастерскую. Мастерская эта помещалась в том же доме, где мы жили, и, несмотря на то, что я все же имел возможность ежедневно забегать домой и вообще жил лучше других учеников, привезенных из деревни, жизнь эта мне казалась ужасной мукой. Вставать приходилось в 5 часов утра, а спать ложиться в 10 часов, а иногда и в 12, особенно по субботам.

Жизнь эта мне стала невтерпёж, и я решил бежать. Бежать я решил в Финляндию⁷, в Выборг, где жил мой дядя, портной. Так как бежать одному мне было скучно, я подговорил недавно поступившего в ученье Петьку, по прозвищу

«Нос», с которым мы бежали равным утром в воскресный день. Пройдя по Выборгскому шоссе⁹ верст пятнадцать, но больше, Петька стал выть, жаловаться на голод и наконец плакать. Несмотря на все мое красноречие, не удалось его убедить продолжать путь, и я, скрепя сердце, повернул с ним обратно, решив бежать с более стойким товарищем. О нашем побеге никто не догадался, так как мы вернулись в тот же день, а сами мы тоже никому об этом не говорили. В мастерской работало 14 человек, из которых пятеро были учениками. Как я ни подговаривал кого-нибудь из них бежать со мной, ни один не согласился.

Окружающая обстановка, отчасти постоянная угроза индурем^{*} несколько укротили мой буйный нрав, и я поемногу примирился со своим положением. А через полгода я уже умел не только дратву сучить и голенища тачать, но и подметки подколачивать и заплатки ставить. Еще через полгода я уже самостоятельно шил новые сапоги и ботинки. Всего я пробыл в этой мастерской год и два месяца, не закончив всего обучения, так как отцу удалось устроить меня в чертежную контору того же завода Л. Нобеля, где и он работал. Поступил я в эту контору в качестве мальчика для побегушек. Главным моим занятием было наклеивать чертежи на папки и разносить их по мастерским да два раза в день заваривать и подавать чай чертежникам. Свободное от этих обязанностей время я посвящал изучению чертежного искусства. Заметив мою любознательность и усердие, с каким я изучаю чертежную премуд-

---

^{*} У сапожников — ремень, которым они прикрепляют свою работу к ноге. (Здесь и далее в подстрочнике — примечания автора.)

рость, заведующий конторой, инженер Герке, стал делать мне указания и время от времени давать простые чертежные работы. Через год я уже умел выполнять довольно сложные работы, и отец стал уже поговаривать, чтобы я остался и дальше в чертежной, чтобы потом, благодаря протекции инженера Герке, поступить в какое-либо техническое училище, а там, «глядись, и инженером будешь».

Меня же больше прельщала работа в мастерской за станком. И когда мне наконец исполнилось 15 лет и я уже по закону мог поступить учеником в механическую мастерскую, мне после долгих споров удалось убедить отца в этом, и он определил меня учеником в то же слесарное отделение, где он сам работал.

Чугунолитейный и механический завод Людвиг Нобеля помещался на Выборгской стороне по Самсоновской набережной⁹. Работало на нем в то время около 600 человек. Изготавливали на нем главным образом паровые машины и насосы и производили в большом масштабе опыты с только что входившими в моду керосиновыми двигателями. Большинство квалифицированных рабочих, как токари, слесари, модельщики, литейщики, были финны, да и все мастера, за исключением одного в арматурном цехе, были также финны. Условия работы, по сравнению с другими заводами, были спосны.

Мне «положили» жалованье — 4 копейки в час, что при 11-часовом рабочем дне¹⁰ составляло 44 копейки в день. Лучшие рабочие получали 2 рубля — 2 рубля 50 копеек в день, что считалось в то время хорошим заработком.

Поработав под руководством отца месяца два, я был переведен на разметочную плиту, где,

благодаря моему хорошему знанию чертежей, мне очень быстро стали поручать весьма ответственные работы. Проработал я в качестве разметчика немного более года, после чего меня перевели в главную сборочную мастерскую, а немного времени спустя я перевелся в токарное отделение, где и выучился токарному искусству.

В 1896 году, когда я еще работал разметчиком, на заводе произошло событие, оставившее во мне глубокое впечатление. Когда я пришел утром на работу, мне по секрету сообщили, что ночью кем-то по заводу были разбросаны какие-то листки, в которых написано, чтобы прекратили работу и чего-то требовали от хозяина. Но как я ни пытался достать хотя бы один листок, это мне не удалось. Через несколько дней после этого на соседних ткацких фабриках Мальцева¹¹ и Шау рабочие и работницы прекратили работу, а еще через день работы прекратились на всех фабриках Выборгской стороны. Это началась знаменитая в истории рабочего движения стачка петербургских текстильщиков, продолжавшаяся на некоторых фабриках до трех недель¹².

Насколько помню, ни один из механических заводов тогда к этой стачке не примкнул¹³, хотя попытки привлечь их как со стороны подпольной организации, так и отдельных фабричных рабочих были. Особенно усиленную агитацию за стачку среди заводских рабочих вели работницы с окружающих фабрик, составляющие огромное большинство среди бастующих. Когда во время обеденного перерыва и вечером по окончании работы мы выходили с завода, насмешкам и издевательствам со стороны работниц не было конца. Особенно скверно в такие моменты чувствовала себя заводская молодежь, когда среди насмешниц

находились знакомые «барышни», за которыми ухаживали наши «кавалеры».

Хорошо врезался мне в память первый политический арест, происшедший на моих глазах, тем более хорошо врезался, что виновником ареста был городской, проживавший у нас на квартире. Хотя квартира наша состояла всего из двух комнат и кухни, а наша семья — из шести человек, все-таки ввиду дороговизны квартирной платы одну пришлось сдавать, и вот в этой-то комнате и жил городской со своей женой. Когда он приходил домой и снимал с себя мундир, это был добродушный человек, и поэтому когда я увидел, как он арестовал на моих глазах нашего рабочего, работавшего в котельной мастерской чернорабочим, за то только, что тот приклеил на забор листовку, призывавшую нас к стачке, то возмущению моему не было конца. После этого я перестал с нашим квартирантом разговаривать, а затем и отец мой под каким-то предлогом отказал ему в комнате. Мы все очень интересовались судьбой этого храброго котельщика и, наконец, узнали, что его выслали куда-то очень далеко, в Архангельскую губернию. К сожалению, не помню сейчас его фамилии, помню только, что это был высокий, здорового телосложения, лет двадцати пяти брюнет. Когда его повел городской, он гордо закинул голову и с легкой насмешкой поглядывал на нас, выходивших в это время из ворот завода на обеденный перерыв.

Все же агитация рабочих и появлявшееся время от времени листовки возымели действие и на наших рабочих. Так, в один прекрасный день по заводу распространился слух, что сегодня вечером, по окончании работ, надо остановиться у ворот, вызвать хозяина, самого Эммануила Людвиговича

Нобеля, и предъявить ему требование, чтобы по субботам рабочие кончали не в 5¹/₂ часов вечера, а в 2 часа дня.

Задолго до окончания работ мы, молодежь, бегали по мастерским, убеждая непременно остановиться у ворот, не бояться и вообще требовать, тем более что, как нам стало известно, на соседнем заводе, у Лесснера¹⁴, администрация уже обещала уступить, если у Нобеля и на других заводах согласятся.

Уже за несколько минут до звонка (у Нобеля вместо гудка звонили в небольшой колокол) мы выбежали из мастерской и стали останавливать у ворот во дворе выходивших рабочих. Остановилось ожидать хозяина не более половины работавших на заводе, остальные, несмотря на наши уговоры, ушли домой, подальше от греха. Простояли мы таким образом в ожидании выхода хозяина около часа, за это время еще добрая половина ушла домой, так что, когда наконец хозяин вышел, нас было около 100—150 человек.

Когда хозяин, стоя на крыльце, окруженный инженерами и мастерами, спросил, что нам надо, для чего мы его вызвали, среди нас не нашлось ни одного, кто бы выступил и предъявил ему наше единственное требование — кончать работу по субботам и перед праздником вместо 5¹/₂ вечера в 2 часа дня.

Видя, что все мнутя, никто не выступает, а хозяин презрительно смотрит на нас и пожимает плечами, я, 16-летний мальчик, решил выступить и, смело выйдя вперед, стал громко излагать хозяину наше требование. Говорил я красноречиво, убедительно, горячо... но хозяин даже не глядел на меня, а продолжал сверлить толпу глазами и ждал, не выступит ли кто-либо по-

солиднее. Это меня ужасно обидело, тем более что из толпы стали меня одергивать за рубашку и тащить назад. Наконец общими силами вытолкнули из толпы вперед старика слесаря, работавшего на заводе лет двадцать, по фамилии Миндстрем, и заставили его изложить наше требование, что он в конце концов и сделал. В ответ на его «речь» хозяин сказал кратко, что если у Лесснера и на других заводах будут кончать в два, то и он согласится. С тем и разошлись¹⁵.

Так неудачно кончилось мое публичное выступление — второе по счету и первое как революционное.

Дома отец меня слегка пожурил, но я почувствовал, что в глубине души он одобряет мое выступление и даже немного гордится этим. Сосед же наш по квартире Н. Д. Блохин, давно уже покойный, работавший токарем на заводе Барановского¹⁶, большой друг моего отца, весьма горячо защищал мой поступок перед отцом и, дружески похлопывая меня по плечу, говорил: «Молодец, молодчага, кабы да у меня такой сынок был!»

Николай Давилович Блохин, с большим горбом на спине, обремененный большой семьей, состоявшей из жены и шестерых детей, причем старшей было всего 12 лет, имел на мою дальнейшую судьбу большое влияние. Благодаря его советам и беседам я стал усердно читать. Книжки я частью брал из Пушкинской библиотеки, частью их приносил Николай Давилович. Очень он любил читать стихи Некрасова и Надсона. Когда, бывало, после получки заходил к моему отцу и оба немножко выпьют, Николай Давилович начинал цитировать своих любимых поэтов или вспоминать время,

когда убили Александра II, и как в то время было страшно жить, как почти каждую ночь шли аресты, а арестованные так и пропадали без вести. В таких случаях отец всегда вспоминал, как, придя арестовать одного рабочего с Семяновского завода¹⁷, где мой отец в то время работал, полиция нашла этого рабочего повесившимся на чердаке, а в комнате у него было много запрещенных книжек.

Вспомнив теперь беседы Николая Даниловича, я думаю, что он, если не в то время, то до этого, был участником революционного движения и если не принимал активного участия в нараставшем рабочем движении, то только из-за своих шестерых малых ребятшек. Мир праху твоему, хороший пролетарий, заронивший революционное семя, полагаю, не в одну мою душу!

В общем мое выступление прошло благополучно, только некоторые знакомые подтрунивали надо мною, да еще старший мастер предложил отцу моему обратить внимание на мое поведение. Вторая стачка текстильщиков в 1897 году не оставила в моей памяти почти никаких следов.

Проработал я на этом заводе до сентября 1899 года, когда, повздорив с мастером из-за жалованья, рассчитался и поступил на соседний завод Леснера уже не учеником, а токарем на поденное жалованье — 1 рубль в день.

Поступил я на этот завод в хорошо известную питерским токарям мастерскую, где мастером был своего рода знаменитость — Гельфорс, по прозвищу «Сама». Прозвали его Самой за то, что, плохо говоря по-русски (он был финн), он любил повторять: «Што ты мена говоришь, а сама повиняю». Это был своеобразный самодур, работав-

ший у Лоснера много лет и затем всеми правдами и неправдами добившийся должности мастера, от какого звания ему ударила кровь в голову и он потерял после этого всякую власть над своей глоткой, с утра до вечера извергавшей ругательства на исковерканном русском языке. Поступали к нему работать только в крайнем случае, если уже больше нигде не принимали. Токарную мастерскую, где он царствовал, называли «проходящими казармами», так как редко кто мог в ней поработать больше шести месяцев подряд. Зато и работала там самая отпетая, т. е. самая беспокойная, бунтующая, публика, обычно уволенная с завода за какие-нибудь скандалы и ссоры с начальством.

Там у меня оказалось несколько человек знакомых, раньше работавших у Нобеля, через которых я быстро приобрел обширное знакомство, а через несколько дней мне всучили первую нелегальную брошюрку. Как сейчас помню, это была брошюра Дикштейна «Кто чем живет».

Прочел я эту первую запрещенную брошюру в один прием, забравшись для этого, во время обеденного перерыва, в огромный, пустой ящик, стоявший во дворе завода. Помню, брошюра произвела на меня сильное впечатление, и я стал чувствовать себя после этого почему-то на целую голову выше других. Получил я ее от работавшего в другом конце мастерской токаря-финна, по фамилии Кеттунен, хорошо говорившего по-русски и, как потом оказалось, состоявшего кассиром нелегального кружка. Возвратив ему в тот же день Дикштейна, я на другой день получил другую брошюру, насколько помнится, «Ничего с нами не поделаешь», затем третью и т. д. Кроме брошюр, прочел я несколько номеров газеты «Рабочая

мысль»¹⁸, издававшейся тогда, если не ошибаюсь, в Бельгии, и пару листовок. Считая меня вполне подготовленным, Кеттунен предложил мне вступить в тайный кружок, в задачи которого входит, по его словам, устраивать стачки, читать и распространять запрещенную литературу, бороться против таких самодуров, как Сама, и пр. Для вступления в кружок от меня требовалась только уплата в кассу кружка 2 копеек с заработанного рубля и сохранение полной тайны; кроме того, я должен был никого не выдавать, в случае если арестуют, и привлекать новых членов, но только таких, относительно которых хорошо знаешь, что они не выдадут в случае чего.

Я уже был настолько подготовлен, что с большой радостью согласился и в ближайшую же получку уплатил членский взнос в размере 66 копеек, так как получил штучные за две недели — 33 рубля. Так как Кеттунен был финн, т. е. человек весьма аккуратный, то он выдавал мне квитанцию с печатью, на которой было написано: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»¹⁹.

Когда я потом познакомился с организацией на других заводах, то там, насколько помню, никаких квитанций не было, так как это при тогдашних условиях было весьма нецелесообразно²⁰. Никаких разъяснений и объяснений я от Кеттунена на свои вопросы и сомнения не получал, так как он и сам-то, видно, знал не больше меня, а неразрешенных вопросов накопилось у меня превеликое множество. Говорил мне Кеттунен не раз о каких-то «интеллигентах»*, которые приходят в кружок и дают всякие разъяснения,

---

* Этим общим именем назывались в то время приходившие в подпольные кружки пропагандисты и агитаторы.

В. И. Ленин.
1900 г.

совместно читают книги и пр., но во все мое пребывание в «проходящих казармах», где, кстати, я проработал всего четыре месяца, мне так и не удалось увидеть ни разу «интеллигента». Все мое участие в тайном кружке, который собирался очень редко и обычно расходился, не дождавшись «интеллигента», заключалось в чтении запрещенной литературы, в аккуратной уплате членских взносов, в передаче знакомым листовок, выходявших чрезвычайно редко, и брошюр... и в мечтах о грядущей стачке.

Были у меня на заводе Нобеля два друга, через которых я хотел завязать связи на заводе, это А. Шульц и Р. Гагель. Но первый категорически отказался распространять листки и брошюры, обругав вдобавок меня дураком, а второй ни слова не понимал по-русски; других же, кому я мог бы довериться у Нобеля, я не видел вокруг себя.

Как и следовало ожидать, работа моя с Самой кончилась огромным скандалом, и расчет я получил с такой быстротой, какой никак не ожидал от Самы. Пока я с Самой ругался, заглушая даже шум расхлябанных шестеренок, и свирепо размахивал перед носом Самы огромным гаечным ключом, шустрый писарь успел дать знать куда следует, и в последний момент, когда я собрался стукнуть самодура, меня схватили подкравшися сзади сторожа и обезоружили. Во время «полемики» с Самой шустрый писарь успел подсчитать причитающееся мне жалование с прибавкой за две недели вперед, и, когда под конвоем сторожей я подошел к конторке, мне осталось только подписать «получил сполна», после чего в сопровождении тех же сторожей выйти за ворота.

Вылетев таким образом за ворота, я принужден был искать нового хозяина. Отец мой тоже при-

Рабочие — члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»: И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, Б. И. Зиновьев, А. С. Шаповалов, Н. Г. Поletaев, М. И. Калишин.

близительно в это время поссорился со старшим мастером у Нобеля и поступил обратно на Обуховский завод, куда немного погоди ему удалось устроиться.

Обуховский сталелитейный завод находился за Невской заставой, на Шлиссельбургском тракте²¹, километрах в десяти от города, занимая огромную площадь между трактом и рекою Невой. Завод был казенный и находился в ведении Морского ведомства. Основным производством завода были пушки, начиная от 47-миллиметровых скорострельных до 12-дюймовых морских орудий; кроме того, изготовлялись еще лафеты, стальные брони для броненосцев и мины Уайтхеда. Работало в то время на заводе около 6000 человек²². Условия работы и заработка на нем были в то время, по сравнению с другими заводами Питера, хорошие, и попасть на него работать можно было, только имея очень хорошую рекомендацию со стороны старожил-рабочих.

Главная масса рабочих состояла из оседлого элемента, работавшего на заводе по нескольку лет подряд: были, например, такие, которые работали по 20 и даже по 30 лет без перерыва. Большая часть из этих старожиллов имела казенные квартиры в так называемых «казенных домиках», состоявших из 4—6 квартир, по две комнаты с кухней каждая. Многие рабочие имели свои собственные домики; были даже и такие, которые имели по нескольку собственных домов, которые они сдавали в аренду. Понятно, что среди этой категории рабочих вести какую-либо агитацию за свержение существующих порядков было бесполезно. Другая же часть рабочих, хотя и не так тесно связанная с заводом, тоже дорожила местом, потому что, как я уже говорил, условия работы и заработки были лучше, чем на других заводах, и вести среди них агитацию было почти столь же безнадежно. И только молодежь, в то из пришедших, а не сыновья старожиллов, кое-как поддавалась агитации, которую вел тогда на заводе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Подпольная организация на заводе в это время (начало 1900 года) была, по-видимому, чрезвычайно слаба, так как в минной мастерской, например, куда я поступил благодаря рекомендации старожиллов — друзей моего отца, я не нашел никакой организации, а лессеровский кружок не мог дать мне никого, через кого я мог бы связаться.

Эта мастерская считалась привилегированной как по характеру производившихся там работ (чистота, точность и сложность, требовавшие высокой квалификации), так и по высокому, по сравнению с другими мастерскими завода, заработку (я, например, 20-летний токарь, зарабатывал со сверхурочными до 100 рублей в месяц).

Этим обуславливался и состав рабочих, состоявший сплошь из старожилы и их сынков.

Проработав некоторое время, оглядевшись и познакомившись с некоторыми молодыми коллегами, я ближе сошелся с Анатолием Ивановичем Ермаковым²³, затем с молодым человеком лет семнадцати, по фамилии Манц, и Борисом Воробьевым²⁴. Приглядываясь ближе к ним и строго следуя наставлениям Кеттунена, я не рискнул им сообщить прямо, что состою в тайном кружке, тем более что я, в случае чего, не мог бы им этого доказать, так как после переезда с Выборгской стороны я фактически потерял связь с Кеттуненом. Поэтому вся моя «подпольная работа» сводилась к простым осторожным беседам с ними и тонким намекам на существующую подпольную организацию.

Судя по некоторым намекам с их стороны, им тоже, по-видимому, приходилось читать подпольную литературу, но формально, по всем признакам, в организации они в то время не состояли. Ермаков, впрочем, более явно намекал на какие-то свои опасные знакомства среди семяяниковских рабочих, где он до этого работал, но дальше этого не шел.

По-видимому, вообще в это время «Союз борьбы» переживал какой-то кризис²⁵, так как даже оставшиеся у Лесснера члены кружка, с которыми я иногда, во время редких поездок на Выборгскую сторону, виделся, не могли мне дать ни одной брошюры или газеты. Если иногда удавалось достать обтрепанную брошюру, то давал я ее читать только Ермакову, с которым мы впоследствии очень подружились.

Через несколько недель после поступления на завод я познакомился с несколькими товарищами,

работавшими в других мастерских. Нужно сказать, что связи между рабочими различных мастерских огромного завода, разбросанных на обширной территории, не было почти никакой, а между некоторыми мастерскими, как, например, между станочной, где изготовлялись лафеты для пушек, и пушечной, где изготовлялись дальнобойные морские орудия, существовала даже какая-то своеобразная вражда. Объяснялось это отчасти тем, что состав рабочих в станочной был более текучий, так как характер работ в станочной не требовал высокой квалификации, как в пушечной, да и заработки были там ниже, чем в других мастерских, тогда как состав рабочих пушечной мастерской был сплошь из старожилы и заработки у них были сравнительно высокие. Благодаря более текучему составу рабочих станочная мастерская сыграла решающую роль в развернувшихся через год на заводе событиях, известных в истории рабочего движения под названием Обуховской обороны. Но об этом после.

Знакомство у меня завязалось с несколькими рабочими как той, так и другой мастерской. Из рабочих станочной мастерской я чуть не с первой встречи подружился с высоким белокурым Николаем Николаевичем Юниковым²⁶ (растерзан учредителями в Самарской губернии в 1918 году), а из рабочих пушечной мастерской — с Сергеем Васильевичем Малышевым²⁷, прозванным «Пожарным» за то, что находился в добровольной заводской пожарной дружине.

От Малышева, Юникова и Ермакова я затем уже не скрывал своей связи с подпольной организацией, как и Ермаков уже потом не скрывал своего знакомства с семяниковскими подпольщиками, и все же дальше чтения изредка попадав-

шихся вам запрещенных брошюр и газеток и мечтаний о хорошем будущем мы не шли, так как ни с какой организацией вплотную связаться нам не удалось.

С наступлением теплых весенних дней меня потянуло из мастерской на простор, потянуло путешествовать, и после недолгих колебаний я взял расчет и поехал в Финляндию. Опять дольше 4 месяцев я не усидел на месте, причем это был первый и последний случай, когда я ушел с завода без скандала или другого какого-либо приключения.

Взятых мною для путешествия по Финляндии 40 рублей хватило ровно на три недели, в течение которых я успел побывать в Таммерфорсе, Бернеборге и Або, и когда я приехал в Гельсингфорс²², в кармане у меня было всего 11 финских марок, т. е. около 4 рублей, которых не хватило бы вернуться в Питер. Волей-неволей пришлось искать работу. Стоя у ворот судостроительного завода в ожидании мастера, чтобы попроситься у него на работу, я встретил знакомого лессперовского токаря, недавно поступившего на завод, которому и удалось устроить меня токарем в ту же самую мастерскую, где и он работал.

Работа на финском заводе после минной мастерской, «богадельня», как называли ее обуховцы, показалась мне каторгой. Эксплуатация рабочих на этом заводе была доведена до совершенства, интенсивность труда доведена до максимума, а заработок даже лучшего токаря не превышал 5 марок в день (1 рубль 85 копеек), тогда как жизнь была едва ли не дороже питерской. Кроме каторжного труда и плохого заработка, обращение со стороны администрации было возмутительно грубое.

Словом, положение в культурной Финляндии мне показалось значительно хуже, чем в варварской России.

Зато финские рабочие имели право открыто организовываться в рабочие союзы и даже имели свои легальные рабочие газеты.

Я, конечно, не замедлил записаться в «Финляндский рабочий союз», как тогда называлась организация, ставшая впоследствии Финляндской социал-демократической рабочей партией.

Нельзя сказать, чтобы на заседаниях этого союза, на которых мне удалось несколько раз присутствовать, было весело. Представьте себе довольно обширную комнату, вдоль стен которой на длинных скамьях сидят часами молчаливые фигуры флегматичных финнов, с удивительным терпением и хладнокровием слушающих монотонные, с бесконечным «э-э-э» речи ораторов, и вы получите точную картину делового собрания членов тогдашнего «Рабочего союза». Такого рода революционная деятельность меня совсем не прельщала: хотелось настоящей борьбы, борьбы, сопряженной с риском, с опасностью, и меня потянуло обратно в родной Питер. Даже празднование 1 Мая меня не захватило, хотя демонстрация с красными знаменами вышла в тот год, по словам финнов, очень внушительной. Конечно, приятно было шагать в стройных рядах демонстрирующих свою организованность товарищей с развевающимися знаменами, к сожалению испорченными вышитыми на них шестернями, рубанками и прочими атрибутами различных ремесел. Делались эти рисунки отчасти для того, чтобы отличить, какой профессиональный союз идет под каким знаменем, но главным образом потому, как мне объяснили, что полиция запрещала демонстрации

с чистыми красными знаменами, как явно революционными. Пройдя по главным улицам города, демонстранты собрались за городом на лужайке, где после заслушания нескольких ораторов уселись группками на траве, и пожилой народ чинно пил кофе, а молодежь танцевала до позднего вечера. Проработав в Гельсингфорсе всего пять недель, я уехал в Питер, откуда получил письмо, что отец находится при смерти. К счастью, известие это оказалось неверным: отец выздоровел. Протолковшись несколько дней у ворот некоторых заводов в поисках работы и не найдя таковой, я обратился к сумасшедшему Саме, который после небольших объяснений с моей стороны принял меня на работу, взяв только с меня обещание больше не драться.

На этот раз мне удалось связаться с подпольной организацией «Союз борьбы» прочно. Кеттупен уже не работал на этом заводе, но через одного члена нашего старого кружка (к сожалению, не помню его фамилии) я познакомился с работавшим в токарной мастерской слесарем, по фамилии, если мне память не изменяет, Таратынов. Ему я потом уплачивал членские взносы, от него я получал нелегальную литературу, он меня познакомил с несколькими членами тайного кружка, и, наконец, через него же я впервые познакомился с интеллигентами, а затем и с организатором Выборгского района Вишняевским, с которым я виделся раза два или три и о дальнейшей судьбе которого не знаю; помню только смутно, что говорили, будто бы его арестовали где-то в Полюстровском районе.

В этот период (лето 1900 года) благодаря Таратынову у меня не переводилась нелегальная литература, которую я читал, как говорится, врасос

я которую наконец приучил читать Артура Шульца. Приучился он к этому волей-неволей, так как в это время мы жили с ним в одной комнате и, кроме нелегальной литературы, у нас часто и читать было нечего. Кроме брошюр Таратынов довольно аккуратно доставлял выходящие в то время за границей газету-журнал «Рабочая мысль» и журналы «Рабочее дело»²⁹ и «Работник»³⁰, из которых мы узнавали о существовании тайных кружков и на других заводах Питера и других городов.

На этот раз на собрания нашего кружка иногда приходил и интеллигент. Кружок наш состоял из пяти-шести человек, включая самого Таратынова. Собирались мы чаще всего на квартире Таратынова, иногда у меня, не стесняясь Шульца, который обычно после этого ругал меня идиотом, и только раз или два, помню, нанимали лодки, высзжали по направлению к островам и затем, опустив весла и плывя по течению, слушали речи интеллигента. Регулярных занятий в нашем кружке не велось, так как редко случалось, чтобы один и тот же интеллигент (обычно студенты петербургских высших учебных заведений) приходил два-три раза подряд. Обычно наши занятия сводились к рассказам интеллигента о жизни заграничных рабочих, об их борьбе с капиталом, о происходивших в Европе революциях, затем давались ответы на волнующие нас вопросы, и на этом расходились. Иногда интеллигент-пропагандист приносил связку литературы, которую мы тут же делили с обязательством распространять ее среди знакомых рабочих, а если это были листки, то, рассыпав по ящикам или каким-либо другим способом, распространить среди более широкого круга рабочих. Иногда, не дождавшись

интеллигента, Таратынов сам руководил беседой, и довольно хорошо.

По мере того как мы приобретали знания, нам хотелось распространить таковые возможно шире и завязать связи с теми заводами, где, по нашим сведениям, не было еще тайных организаций.

У некоторых членов нашего кружка оказались надежные друзья на заводах в других районах Питера, с которыми они потом знакомили приходивших к ним интеллигентов.

У меня также помимо обуховцев и Шульца, работавшего у Нобеля, которого я таки приучил таскать и распространять у себя на заводе листки, оказался друг на судостроительном заводе Крейтона на Охте — Иван Линдстрем.

Побывав в один из воскресных дней у него, я рассказал ему о существовании тайной организации, ее задачах и прочем, убеждая его организовать у себя на заводе такой же кружок, как и тот, в котором я состою, обещав привести к нему интеллигента, если ему удастся сколотить и собрать кружок в 5—6 человек.

Через несколько дней Линдстрем сообщил, что ему удалось организовать кружок в девять человек, который соберется в будущее воскресенье, — необходимо привести интеллигента. Об этом успехе я сообщил Таратынову и просил его позаботиться об интеллигенте. В такой короткий срок ему добыть интеллигента не удалось, и мы решили пойти с ним без такового.

Собрание было устроено на одной из глухих улиц на Охте, в отдельной комнате невзрачной чайной. Собрались все девять человек, исключительно рабочих с завода Крейтона. Заказали чай с вареньем и стали обсуждать задачи нового кружка.

Оставив небольшое количество нелегальной литературы и квитанционную книжечку для сбора членских взносов, мы расстались, обещав на следующее собрание привести интеллигента-пропагандиста.

У крейтовцев оказались друзья на других заводах и фабриках Охтинского района, где также организовались нелегальные кружки, куда мы с Таратыновым, через Линдстрема, доставляли сначала запрещенную литературу, а затем и интеллигентов-пропагандистов.

Так, с завода на завод, из района в район, распространял свою деятельность «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», одним из главных вдохновителей которого был Владимир Ильич Ленин³¹, приведший рабочий класс России к победе над капиталом.

Работая у Лесснера и с энтузиазмом новообращенного завязывая связи на заводах ближайших районов, я не забывал и своих обуховских друзей, доставляя им получаемые мною новинки нелегальной литературы. На самом же заводе я с таким рвением подыскивал новых членов, что скоро чуть не все токари «проходящей казармы» знали меня как члена тайного кружка, и все-таки в течение четырех или пяти месяцев, что я там проработал, ни одного предателя не оказалось среди отпетых токарей у Самы.

Вся атмосфера мастерской, казалось, была в то время пропитана революционным духом: брошюрки читались почти открыто во время работы, и даже сам Сама как будто был заражен этим, совершенно для него не подходящим, ядом, так как занялся собиранием подписки на выходящую в Гельсингфорсе социал-демократическую газету «Työmie» («Рабочий») ³².

Благодаря его умелой агитации чуть ли не все работавшие у него финны подписались на эту газету, в том числе, конечно, и я. Но — увы! — любовь Самы к этой газете была недолговечна. В одном из номеров была помещена злая-презлая статья против самодурства Самы, которую мы демонстративно читали, когда он проходил мимо, и затем, обведя статью красным карандашом, положили ему в конторе на стол. Автором статьи был мой сосед по станку Хомяляйнен, которому Сама, не зная, конечно, об этом, жаловался на людскую неблагодарность, подлость и прочее и так потом возненавидел эту газету, что стоило ему увидеть ее в чьих-нибудь руках, начинал кричать как одержимый.

Уйти с завода опять мне пришлось, хотя и без драки, согласно данному мною при поступлении обещанию, но с шумом и криком превеликим и так же скоропалительно, как и в первый раз. На этот раз пришлось погулять без работы больше месяца. Благодаря связям отца удалось опять поступить на Обуховский завод, но уже не в мивную мастерскую, а в отдел полевых орудий, в просторечии — «полевую».

В это время (февраль 1901 года) на Обуховском заводе имелись подпольные кружки почти в каждой мастерской; литература также получалась в достаточном количестве, особенно листовки, и чуть ли не открыто распространялась среди рабочих. Кружок, в который я вступил, состоял из 6—7 человек. Из членов этого кружка по фамилиям помню только Манна, Юникова, Дмитрия Вересова и Владимира Пернафорта³³. Руководителем кружка, имевшим непосредственную связь с районом, был молодой токарь из мивной мастерской Манн.

Собирался наш кружок редко, еще реже приходил на наши собрания интеллигент, так что большей частью наши собрания проходили в совместном чтении запрещенной литературы, а иногда и легальной, причем из легальной преимущественно Салтыкова-Щедрина и Писарева. Собирались чаще всего у Николая Юникова, иногда у меня и еще у Кармазо, не желавшего официально входить в тайный кружок, но охотно предоставлявшего в наше распоряжение свою квартиру, причем мы разрешали и ему присутствовать на этих собраниях. С наступлением теплых дней мы предпочитали устраивать наши собрания на Преображенском кладбище³⁴.

Литературу приносили из города на квартиру Манна, проживавшего с родителями в казенном доме карточной фабрики, на которой отец Манна служил мастером и от которого Мавну приходилось тщательно скрывать свое участие в подпольной организации.

Когда наконец отец Мавна пронюхал о деятельности своего сына и стал допрашивать его, пришлось квартиру переменить, а затем поручили мне самому ездить за литературой в село Смоленское³⁵. Распределение литературы обычно происходило на небольшой площади по Палевскому проспекту³⁶ под открытым небом. К условленному часу собирались представители заводов и фабрик Невской заставы (Семянникова, Чугунного, Обуховского, Паля, Максвеля³⁷ др.) и в ожидании прихода «почтальона» рассказывали друг другу о жите-бытье на заводах и фабриках.

Обычно литературу приносила пожилая работница, работавшая, если не ошибаюсь, на фабрике Варгунина³⁸. Приносила она ее, когда было много, в мешке или корзине, но обычно в переднике. Тут

же на небольшой площади, на скамейке против окон квартиры, где жил (как потом узнали) околоточный надзиратель, делили листки и литературу пропорционально количеству работавших на предприятиях рабочих и спокойно расходились. Большая часть приходивших за литературой товарищей, как я потом узнал, когда пришлось заменить Маяна, составляла нечто вроде районного комитета. Из тогдашних членов этого комитета по фамилии помню только рабочих Афанасьева³⁹ и Голубева, работавших, кажется, на фабрике Варгунина.

Особенно энергичную деятельность развил «Союз борьбы» к концу февраля, подготавливая к 4 марта в городе большую демонстрацию, о необходимости которой говорили на заводе открыто.

Связь с Выборгской стороной у «Союза борьбы» в это время была, по-видимому, прервана, так как хорошо помню, с какой радостью ухватился за мое предложение познакомить с кружками лесснеровцев и крейтоновцев приходивший к нам интеллигент Иван Иванович⁴⁰.

В один из воскресных дней мы условились с Иваном Ивановичем встретиться на квартире родителей И. Ливдстрема, на Сампсоньевском проспекте, откуда затем втроем пошли на условленное место, в поле за Московскими казармами, где нас уже ожидали представители не только от Лесснера и Крейтона, но и от других заводов. С этого времени я стал часто ездить на Выборгскую сторону, куда уделял получаемую мною и откуда брал не попадавшую почему-то к нам литературу.

К началу демонстрации, устроенной 4 марта на Казанской площади⁴¹, я не попал, так как с утра ездил в село Смоленское за листовками, часть которых потом отвозил на Выборгскую сторону.

Когда я пришел на Невский проспект, Казанская площадь уже была «очищена» казацкими нагайками. Около Думы я встретил группу обуховцев, чудом спасшихся от ареста во время свалки на площади при освобождении одной из избиваемых курсисток.

После этой «студенческой», как ее тогда прозвали, демонстрации мы стали усиленно готовиться к демонстрации 1 мая.

В это приблизительно время (март 1901 года) в нашей организации произошел раскол. Причиной этого раскола была вышедшая за границу в декабре 1901 года газета «Искра»⁴², вызвавшая в нашей среде горячие споры. Как наш кружок, так и большинство других кружков без долгих колебаний признали правильную позицию, занятую «Искрой». Разница между позицией «Рабочей мысли» и «Рабочего дела» — с одной стороны, и «Искрой» — с другой, была для нас, особенно после избиения на Казанской площади, весьма ясна. В это время «Рабочая мысль» и особенно «Рабочее дело» призывали рабочих бороться исключительно за экономическое улучшение условий труда, как-то: прибавку заработной платы, устройство вентиляции в мастерских, чтобы во время работ в мастерских был кипяток и прочее в этом роде.

Это не значит, конечно, что «Искра» игнорировала борьбу за улучшение условий труда на фабриках, заводах, транспорте и пр. Из номера в номер «Искра» печатала статьи и корреспонденции со всех концов России, в которых рабочие призывались вести борьбу за повышение заработной платы, за уменьшение рабочего дня и т. п.

Но в отличие от «рабочедельцев», или «экономистов»⁴³, как их еще тогда называли, «Искра», призывая рабочих бороться за экономические тре-

бования, указывала наряду с этим на необходимость ведения политической борьбы и с первого же номера стала доказывать, что никакие экономические улучшения не будут прочны, если рабочий класс не завоюет себе политических прав.

С появлением «Искры» подпольная работа на Обуховском заводе оживилась весьма заметно, листки и прочая литература стали появляться чаще и аккуратнее, да и пропагандисты-интеллигенты стали аккуратно посещать собрания наших кружков.

Кроме организации «Союза борьбы», ставшей почти целиком искровской, среди обуховцев вела подпольную работу какая-то мало нам, искровцам, ведомая организация под названием «Группа двадцати»⁴⁴. Насколько мы тогда догадывались, эта группа была составлена из осколков разных разбитых организаций. Связь с этой группой имел из известных мне подпольщиков один только Анатолий Ермаков.

ОТ КРУЖКА К ПАРТИИ

Праздновать рабочий праздник 1 Мая в этом, 1901 году было постановлено по новому стилю, но, так как организация не была уверена, что питерские рабочие прекратят в этот день работу, было решено праздновать 1 Мая в ближайшее воскресенье, т. е. 22 апреля, вместо 18-го, приходившегося на рабочий день, и устроить в этот день демонстрацию.

Дня за два до 22 апреля по заводам Питера были распространены в огромном для того времени количестве листки⁴⁵, призывающие питерских рабочих продемонстрировать свою готовность бороться

А. В. Шотман.
1905 г.

за политические права и показать царскому самодержавию и буржуазии свою организованность и солидарность. Демонстрация была назначена на Невском проспекте ровно в 12 часов дня.

Задолго до назначенного часа Невский проспект принял необычайный вид. Широкие тро-

туары по обеим сторонам проспекта, от Екатерининского канала⁴⁶ до Садовой улицы, были покрыты густой толпой рабочих, собравшихся со всех районов столицы. В ожидании установленного сигнала мы расхаживали с таким видом, как будто вышли на простую прогулку, не теряя в то же время из виду наших знаменосцев.

С нашего завода имели при себе знамя, запрятанное до поры до времени под пальто, двое — Ермаков и Иванов⁴⁷.

За несколько минут до сигнала, когда наша группа, во главе с Ивановым, находилась у Гостинного двора, около самой Думы, почти напротив костела, с Ивановым произошел не предвиденный нами случай: запрятанное под пальто знамя сползло ему под ноги. Видя, что дело пропало, так как шинявшие кругом шпики все равно заметили, Иванов быстрым движением схватил выползшее красное знамя и, навернув конец на тросточку, попытался его выкинуть вверх, но это ему не уда-

лось. Со всех сторон бросились на него шпикн, схватили под руки и в одно мгновение усадили его на извозчика. Когда мы в суматохе попытались его выручить, шпикн, объяснив собравшейся толпе любопытных, не заметивших красного знамени (так все это быстро произошло), что это арестован забравшийся в чужой карман воришка, быстро увезли Иванова сначала в участок, а затем в пред-варилку.

После неудавшейся первомайской демонстра-ции по новому стилю решено было прекратить работы 1 мая по старому стилю, но демонстрации на Невском проспекте не устраивать.

Несмотря на то что листовки распространя-лись в это время на заводах в достаточном коли-честве, мне все же хотелось распространить лис-товки специально для рабочих полевой мастерской, где, как мне казалось, рабочие недостаточно го-рячо отзываются на указания общего характера тяжелого положения рабочего класса. Так как приходившие к нам интеллигенты не раз предла-гали нам, рабочим, самим писать прокламации, которые они обещали печатать в подпольной типо-графии, то я решил попробовать написать листов-ку для рабочих полевой мастерской. Придя домой, я с жаром принялся сочинять свое первое воззвание. В тот же вечер я прочел свое произведение отцу, матери и зашедшему Ермакову, которым весьма понравилось содержание прокламации. Так как это было мое первое литературное произведение, то весьма хорошо помню его начало: «Товарищи рабочие! Оглянитесь кругом, неужели вы не види-те, как наш старший мастер, Лев Лаврентьевич Мейер, издевается над вами!» Говорил я о плохом обращении, низких расценках, отсутствия кипят-ка в мастерской и т. п., а закончил: «Долой мас-

тера Мейера и да здравствует 1 Мая!» Так понемногу шли мы от кипятка и мейеров к политическим лозунгам. Напечатали эту прокламацию в количестве 400 экземпляров. Когда мне ее принесли домой и я снова прочел ее отцу, отец решил, что в оригинале было лучше, что мне весьма польстило.

В своей мастерской я распространил штук 200, остальные разошлись по другим мастерским.

В это время революционная атмосфера на заводе до того накалилась, что мы совершенно перестали стесняться. Прокламации раздавались совершенно открыто. Когда администрация завода, желая пресечь «безобразия», посылала собирать валявшиеся на стаяках прокламации сторожей — «хожалых», как их называли на заводе, — мы незаметно приклеивали прокламации им на спину, с которыми они и ходили потом при всеобщем хохоте.

1 мая из 6000 обуховцев не вышло на работу 1200 человек. Я с утра поехал на Выборгскую сторону, где также на большинстве заводов рабочие не вышли на работу, а на Сампсониевском проспекте, около так называемой «Коловни Сегаля», произошла небольшая стычка с конным отрядом полицейских, разогнавших довольно большую толпу бастовавших рабочих и работниц⁴⁸.

Когда мы на следующее утро вышли на работу, по заводу пошли слухи, что все 1200 человек бастовавших будут уволены. В ответ на это мы решили объявить забастовку и в этом направлении и повели усиленную агитацию. Через два-три дня стало известно, что увольнять будут бастовавших частями и что 96 человек⁴⁹ получают расчет через несколько дней. Этого было достаточно,

чтобы взбудоражить весь завод. Три дня прошли в беспрерывных сопещаниях и беготне из одной мастерской в другую, и наконец была послана к начальнику завода делегация из двух человек, которым было поручено заявить, что в случае если будет уволен хотя бы один из бастовавших, то будет объявлена забастовка. Ответ начальника гласил, что будут уволены все, не вышедшие 1 мая на работу «без уважительной причины».

По получении такого ответа было созвано экстренное летучее совещание из представителей мастерских⁵⁰, на котором было решено объявить на заводе с 7 мая забастовку. Тут же условились на следующее утро, 7-го, собраться всем членам организации, которых — мы рассчитывали — соберется человек двести, на дворе за полевой мастерской, откуда всей толпой пойти в ставочную, как в самую революционно настроенную мастерскую, остановить там работу. Оттуда уже пойти по другим мастерским, останавливая всюду работы, потом всем заводом выйти на улицу, где и устроить демонстрацию.

На следующее утро собралось нас вместо ожидавшихся двухсот всего 15—20 человек. Прждав напрасно на заднем дворе, где на нас могла обратить внимание администрация завода, около получаса, мы приняли решение остановить завод после обеденного перерыва, когда рабочие будут приходить на завод.

До сих пор мы не знали количества организованных рабочих на заводе, так как между существовавшими кружками определенной связи не было, не было и такого центра, который был бы связан со всеми кружками. Отчасти поэтому и потому еще, что много расходилось прокламаций и брошюр и что бастовало 1200 человек, мы пре-

увеличивали количество организованных в кружки. Это же собрание, положившее начало массовой вооруженной борьбе русского рабочего класса с самодержавно-капиталистическим строем, показало нам, насколько слаба количественно была наша организация на заводе⁵¹.

Задолго до послеобеденного гудка пришла наша небольшая группа к воротам завода. Тут же был составлен такой план: часть войдет во двор завода и будет под разными предложениями останавливать входящих рабочих у ворот, то же самое должны делать оставшиеся у ворот вне завода. Под разными предложениями с шутками и прибаутками, не решаясь всем сообщать настоящей цели задержки, нам удалось остановить у ворот как вне завода, так и во дворе значительную толпу рабочих. Когда прогудел последний гудок, Карамазо⁵², обладавший громовым голосом, вскочил на тумбу и объяснил собравшимся, в чем дело. Часть, остановившаяся из любопытства, в числе которых были и «старожилы», вообще враждебно настроенные против каких-либо «беспорядков», отхлынула и побожала по своим мастерским; оставшаяся же часть, человек около 200—300, стала требовать прихода начальства. Прождав несколько минут напрасно, решили послать в контору делегацию. Послали тех же, что и накануне, т. е. Шурупова и, кажется, Карамазо. Нужно отметить, что ни Шурупов, ни Карамазо ни в одну из наших организаций не входили, хотя Карамазо мы знали хорошо, собирались у него на квартире, давали ему и хранили иногда у него велегальщину; Шурупова же до этого никто из нас не знал.

В ожидании делегации члены нашей организации вели усиленную агитацию, удерживали трусивших, призывали к стойкости, а небольшая группа,

Активные участники Обуховской обороны: А. П. Гаврилов, А. И. Ермаков, К. П. Иванов, Марфа Яковлева.

человек пять-шесть, уселась тут же на павели и стала сочинять требования⁵³. Это показывает, насколько мы были не подготовлены к нахлынувшей на нас забастовке. Когда пришли к соглашению относительно выставленных требований, решили их записать на бумаге. У одного нашелся клочок бумаги, у другого карандаш, кто-то тут же на павели записал, и, когда пришла делегация, а следом за ней помощник начальника, полковник Иванов, нам осталось только прочесть ему наши требования. Нужно сказать, что из всей администрации завода больше всего мы ненавидели полковника Иванова, и когда он явился, мы окружили его плотным кольцом и, вместо того чтобы сразу предъявить ему требования, стали над ним издеваться. Особенно в этом деле отличался Александр Калинин⁵⁴, вообще предлагавший нам весьма радикальные меры расправы с Ивановым.

Натешившись вдоволь, отведя, что называется, душу, стали излагать ему наши требования. Требования наши были изложены приблизительно в 10 пунктах, из которых на первом месте стояли: чтобы никого не увольнять за празднование 1 Мая, чтобы впредь празднование 1 Мая было узаконено, установить 8-часовой рабочий день, чтобы немедленно уволить полковника Иванова⁵⁵; затем шли обычные: чтобы был кипяток, вентиляция, вежливое обращение, увеличение расценок и пр. Особенно возмутило Иванова требование об его увольнении. «Вы скоро, пожалуй, потребуете увольнения и министров!» — возмущенно воскликнул Иванов. «Не только министров, но и царя потребуем уволить!» — закричал я при всеобщем одобрении.

Затем рассудительный Шурупов стал деловым

образом обсуждать с Ивановым наши требования, все время прерываемый нетерпеливыми возгласами окружающих, особенно со стороны разгорячившегося Калинина.

Видя, что с Ивановым не договоришься, так как он на все наши вопросы давал уклончивые ответы, мы стали настойчиво требовать прихода самого начальника, генерал-майора Власьева. Иванов, видя накаленную вокруг себя атмосферу и заметно трусая, согласился пойти и привести начальника. По уходе Иванова ряды наши начали редеть, и мы, боясь, что большинство разойдется, собрались уже идти в станочную, чтобы с ее помощью остановить работу в мастерских, уже начавших работу. Но в эту минуту появился сам начальник, одетый в парадную форму, при всех своих орденах. Седая, внушительная фигура генерала, по-видимому, внушила почтительный страх оставшейся части более «благообразных» рабочих, и наша армия еще более поредела после его появления. Видя это, окруженный надежной охраной, генерал сразу взял твердый, хотя и не заносчивый, тон и на все наши требования ответил отказом, но подумать о них не отказывался и велел нам разойтись.

Мы, оставшиеся в числе 30—40 человек, попытались убедить генерала удовлетворить наши требования, а я даже стал доказывать ему несправедливость существующего строя, эксплуатирующего рабочий класс, и прочее, но в конце концов пришлось нам разойтись. Войдя в свою мастерскую, работавшую полным ходом, сопровождаемый насмешливыми, даже враждебными взглядами, я подошел к станку, но к работе не приступил, вместе со мною не приступили к работе человек пять, хотя в мастерской работало около 300 че-

ловек. Часть рабочих, главным образом «старожилы», стала поговаривать, чтобы нас пятерых немедленно выкинуть из мастерской, часть оставалась равнодушной, но мы заметили, что все же большинство нам сочувствует⁵⁶. Наша последняя попытка уговорить бросить работу не увенчалась успехом, и мы уже собирались покинуть мастерскую и уйти домой, чтобы назавтра получить расчет, а может быть и арест, но в это время со двора послышались крики. Мы подбежали к окну и сразу поняли, что забастовка началась. Оказалось, что группе рабочих станочной мастерской во главе с Николаем Юниковым удалось не только остановить в своей мастерской работу, но и вывести станочников во двор, остановить работу в мишной и других небольших мастерских, а затем направиться к нам. Как только мы увидели в окно подходящую к нашей мастерской толпу, мы стали кричать, чтобы бросали работу, а тем, кто не желал добровольно кощачь работу, мы грозили очутившимися у нас в руках палками⁵⁷. Когда я прибежал в то отделение, где работал мой отец, он уже успел сложить свои инструменты в ящик, собираясь уходить, но некоторым его соседям по верстаку на его глазах мне пришлось пригрозить палкой. Когда я убедился, что все из мастерской вышли во двор, я побежал и присоединился к группе, шедшей во главе большой толпы, направлявшейся к пушечной мастерской. Впереди всех шел, почти бежал Н. Юников. Высокий, стройный, с блестящими голубыми глазами, с развевающимися белокуроыми кудрями, с засученными рукавами и с огромной палкой в руках, он был невыразимо красив в этот момент и невольно влек за собой толпу.

Вбежав в мастерскую, где работали самые

закорепелые «старожилы», и рассыпавшись по мастерской, мы стали останавливать станки и сбрасывать приводные ремни. Юников, я и еще не помню кто третий вбежали в машинное отделение, чтобы остановить главную машину. Но машинист, несмотря на наши угрозы, не хотел останавливать сам, а указал нам, как ее остановить, что мы и сделали.

После того как все мастерские были оставлены, огромная шеститысячная толпа вывалила за ворота. При выходе из ворот нас встретил отряд городских человек в двадцать во главе с околоточным надзирателем. По-видимому, околоточный этот был большой дурак, так как сделал попытку остановить выходящую толпу, за что весьма жестоко и поплатился. Как только он выступил вперед и что-то стал говорить, небольшая группа рабочих подбежала к нему и на глазах не двинувшихся с места городских сорвала с него пашку, револьвер, затем, избив его до крови, бросила в канаву.

С торжествующими лицами, с ликующими сердцами расходились мы по домам, не забыв предварительно остановить работу на соседнем большом заводе быш. Берда, где в это время работал мой нобелевский друг А. Шульц.

Придя домой, умывшись и переодевшись по-праздничному, я пошел к Ермакову, который жил на той же Александровской улице, почти напротив нашей квартиры, где немного погодя собрался не только наш кружок, но и представители других кружков. Первым делом стал вопрос: как быть дальше? Нужно было также вздать листовку, разъясняющую происшедшее, и указать дальнейшее поведение, необходимо было подумать и обезопасить себя и особо отличившихся, не входяив-

ших в организацию, от репрессий и пр. Нужно отметить, что в течение всей этой недели мы не видели ни одного интеллигента и вообще не имели за это время никакой связи с центром.

Потолковав немного и приняв кое-какие решения, мы всей гурьбой пошли на Шлиссельбургский тракт, где к тому времени, как нам сообщили, собралась довольно внушительная пешая и конная полицейская сила. Придя туда, мы увидели небывалую в этом районе картину. Почти всю ширину тракта, или проспекта, как теперь называется Шлиссельбургский тракт, начиная от карточной фабрики до шлагбаумов Бердова завода, стояли стройные колонны конных городских и жандармов. Мобилизованы были также и все пешие городские, находившиеся в селе Александровском. По обеим сторонам проспекта на широких тротуарах разгуливали по-праздничному одетые толпы забастовщиков и окончившие работу «барышники» с карточной фабрики. Ничто не предвещало кровавого столкновения, которое произошло несколько минут спустя. Началось оно так. Около больших четырех шлагбаумов, закрывающих при опускании их проезд по тракту во время проезда заводских поездов Берда, остановилась небольшая колонна конных городских, а у каждого шлагбаума группировалась заводская молодежь и дразнила городских «фараонами» и пр. Когда же несколько конных городских попытались проехать под шлагбаумами по направлению к Обуховскому заводу, — озорники мгновенно опустили тяжелые шлагбаумы и, кажется, сильно ушибли одного полицейского. Издевательства, насмешки и наконец удар шлагбаумом вывели полицейских из терпения, раздалась команда «Пашки наголо!», и вся эта орава, размахивая пашками, с гиком бросилась сначала на

группы, стоявшие у шлагбаумов, а затем и на гуляющую публику. Среди гуляющей публики произошла паника, все бросились бежать в ворота ближайших домов, и только благодаря канаве, прорытой вдоль тротуаров, конным не удалось как следует разгуляться. Наша группа, проходившая в этот момент как раз около шлагбаумов и так же, как и другие, не ожидавшая ничего подобного, принуждена была укрыться в ближайшие дома⁵⁸. Пробежав некоторое расстояние, преследуемые конными городскими, мы вбежали в калитку между двумя каменными домами карточной фабрики⁵⁹. Едва мы вбежали во двор, отгороженный от проспекта деревянным решетчатым забором, как схватились за лежавшие во дворе булыжники и стали отбиваться ими от полицейских. Одним из брошенных мною булыжников я попал в голову подъезжавшего к нам конного полицейского. Он как-то повестественно склонился к шее лошади и, по-видимому еле держась в седле, отъехал по направлению к Обуховскому заводу. Помню, я от этого вначале ужасно растерялся, бросился почему-то в коридор ближайшего дома и, когда сообразил, что здесь меня легче всего поймать, в случае если ему удастся прорваться к нам во двор, быстро повернул обратно. Увидав, что толпа, хотя и небольшая, продолжает отбиваться, я опять схватился за булыжники и принялся с еще большим жаром бросать их в наступающих полицейских.

Полицейские, видя, что голыми руками нас не возьмешь, открыли стрельбу из револьверов. Стреляли пешие городские с противоположной стороны проспекта, стоя у железной ограды Троицкой церкви. Две-три попытки городских взять нас под прикрытием огня штурмом не удалось, так

как мы, несмотря на стрельбу в упор, не только не разбежались, а, наоборот, усиливали бомбардировку. У нас уже появились раненые, всего только трое, да и те легко: одному прострелили руку немного ниже локтя, другому чуть не целиком оторвало большой палец на ноге, третьего не помню куда ранили. Работница карточной фабрики Марфа Иковлева, подававшая нам до этого камни, теперь превратилась в сестру милосердия и стала перевязывать раненых. Мы же к этому времени до того разгорячились, что вскакивали на забор и, выставя раскрытые груди, кричали «фараонам»: «Стреляй, сволочь, все равно не победишь!» Рядом со мной сражался, не отставая от меня ни на один брошенный мною камень, старый приятель А. Шульц, который всего еще только год тому назад ругал меня дураком и идиотом, что я читаю и распространяю нелегальщину.

В конце концов нас, вероятно, взяли бы полицейские, так как устали мы порядочно, да и кампни поблизости уже были все разобраны, но в это время неожиданно для полицейских из ограды Троицкой церкви в тыл им посыпался град булыжников, что и заставило их быстро отступить. Мы воспользовались этим, вышли со двора, соединились и общими силами загнали всю полицейскую силу в переулок у Обуховского завода; насколько помню, у рабочих, кроме булыжников и двух-трех охотничьих ружей и пары револьверов, не было другого оружия, у полицейских тоже были только револьверы, стрелявшие какими-то невероятно толстыми пулями⁶⁰. Мы, упоенные победой, подошли довольно близко к переулку, где спрятались полицейские со своим раненым в голову начальником, но потом быстро принуждены были отступить под винтовочным огнем, открытым

пришедшими на помощь полиции матросам, проживавшими на заводе в количестве 40 человек. Эти матросы были присланы на завод задолго до всяких событий на заводе в качестве приемщиков, с одной стороны, и в качестве обучающихся — с другой. Еще до забастовки мы не раз беседовали с этими матросами, они нам казались такими славными ребятами, и вдруг эти славные ребята стреляют по нас. Это нас страшно возмутило. Но скоро мы убедились, что ребята хотя и стреляют усиленно, но не столько по нас, сколько по крыше противоположного дома, находившегося от них через улицу. На следующий день мы убедились в этом, увидя изрешеченный карниз двухэтажного дома. Действительно, несмотря на убийственный огонь, с нашей стороны было убито всего трое⁶¹, да и то двое из них — мальчик лет тринадцати и один пожилой рабочий — были убиты далеко от места сражения случайными пулями.

Несь этот бой происходил приблизительно часа три, с 6 до 9 часов вечера. Усталые, но гордые, что отбили атаки полицейских и жандармов, собрались мы около станции «паровой конки», как пазывали городскую железную дорогу на паровой тяге, проходившую от села Александровского до Знаменской площади⁶². Тут были Малышев, Ермаков, Юников и еще два-три товарища, фамилий которых сейчас не помню. Домой идти не хотелось, а пивные и трактиры, где мы иногда собирались, были еще с обеда заперты, потребность же поделиться впечатлениями дня была большая.

Поехали в соседнее село Михаила Архангела⁶³, где в трактире за бокалами пива просидели часов до 11 ночи. По возвращении к себе застали пустые улицы, по которым ходили солдатские патрули и почему-то время от времени били в барабаны.

Проходя вдоль домиков карточной фабрики, мы заметили на другой стороне проспекта такую картину: два городских, встретив идущего им навстречу человека, стали ему кричать, чтобы он сошел с тротуара. Но так как шедший человек был глухонемой (рабочий из ставочной мастерской), то, естественно, он не сходил с тротуара. Тогда, подойдя к нему, городские, выхватив длинные пагайки, сбили глухонемого с ног и затем сбросили с тротуара. Мы не вытерпели, побежали к городским и стали их осыпать камнями. Городские позорно побежали, но тут им на помощь неслась группа конных городских с шашками наголо. Увидав приближающуюся конную силу, мы со своей стороны принуждены были бежать, причем один из конных нагнал Ермакова в тот момент, когда тот успел вскочить на крыльцо какого-то дома, и ударом острой шашки разрезал ему на спине пиджак, совершенно не задев тела. И же нырнул в ворота ближайшего дома, перескочил два забора, и когда хотел перескочить третий, то чуть не спрыгнул на стоявших около забора против полицейского участка городских. Просидев некоторое время во дворе, я снова перелез через два забора, затем вышел на улицу и благополучно добрался домой.

Так закончился этот знаменитый в истории рабочего движения день, 7 мая 1901 года, известный под названием Обуховской обороны. На следующий день, когда мы вышли на работу, не насчитали многих товарищей. Оказалось, что после того, как мы вышли из двора домов карточной фабрики, где выдержали чуть не трехчасовой бой, туда ворвались прибывшие из города солдаты вместе с городскими и учинили в квартирах этих двух домов неслыханный до этого погром. Солдаты и городские, ворвавшись в квартиру, первым

долгом хватали находившихся здесь мужчин, часто не принимавших никакого участия не только в боях, но и в стачке, избивали их прикладами, потом связывали и волокли на стоявшие на Цеве баржи и сбрасывали их сверху в эти баржи. Оставшиеся же в квартире городовые производили «обыск», т. е. рвали и ломали что под руку попадало, а более ценное клали себе в карман. В одних этих домах было арестовано свыше сотни человек, да, кроме того, в других домах села Александровского шли всю ночь обыски и аресты, которые затем продолжались весь следующий день и следующую ночь.

Настроение среди рабочих, как бы оглушенных всем происшедшим, было подавленное, «старожилы» особенно враждебно посматривали на нас, зачинщиков. Дня через два был арестован Ермаков, но затем в тот же день выпущен. В эти дни были арестованы Машистов, Ситников, Вересов, Калинин и много других. Когда Ермакова освободили, мы предложили ему немедленно скрыться, так как чувствовали, что тут произошло какое-то недоразумение с его освобождением, но он не послушал нас и стал ходить на работу. Через несколько дней его пригласили в участок, а затем увезли в предварилку. Несмотря на повальные аресты, из нашей организации попались очень немногие, всего человек пять-шесть. Это объясняется, пожалуй, тем, что в те времена провокация в рабочей среде еще не успела свить себе гнезда, как это было в последующие годы. Не обращая особого внимания на враждебность, которая росла с каждым днем по отношению к нам в мастерской, я продолжал в течение двух или трех недель ходить на работу. Но непрекращающиеся аресты и угрозы женщин из домов карточной фаб-

рики, мимо которых мы ежедневно проходили, указывавших пальцами на нас как на виновников ареста их мужей и братьев, заставили меня подумать о перемете места работы. Когда же сестра Ермакова, Вера Ивановна, придя из предварилки со свидания с братом, сообщила мне, что прокурор спрашивал у Анатолия обо мне, я поспешил с отъездом из села Александровского.

Чтобы получить быстро расчет, необходимо было учинить скандал. С этой целью, придя утром на завод, я вместо полагавшегося жестяного номера, который каждый рабочий имел при себе, опустил в ящик проходной конторы записку с весьма ругательной надписью по отношению к администрации. Эту мою проделку, как я и ожидал, заметили, и не успел я отойти от проходной и десяти шагов, как догнавший меня сторож предложил вернуться в контору. Здесь я в добавление к написанному выругался еще и устно, что значительно ускорило получение расчета. К обеду я уже был свободен. В тот же день я отметил в домовой книге выбывшим и поехал на Выборгскую сторону искать работу. Приехав на второй день вечером домой, я остался ночевать у родителей, а утром, проснувшись, узнал, что поздно вечером приходила полиция и, узнав у дворника, что я уже «выбыл», не сочла нужным зайти к нам.

После этого о поисках работы в Питере не приходилось уже думать, все равно арестуют, и я решил проехаться за границу. Так как денег у меня для этого не было, я решил поступить на какой-нибудь пароход хотя бы в качестве кочегара. Все мои попытки получить заграничный паспорт, для чего я садил даже в Выборг, разбивались об одно: необходима выписка из местного полицейского участка. Наконец мне удалось купить у

одного финна заграничный паспорт за 5 рублей, с которым я потом болтался около месяца по набережным Васильевского и Гутуевского островов в поисках места на каком-нибудь из иностранных судов.

В конце концов мне удалось поступить на финское парусное судно. Произошло это просто. Сидел я как-то со знакомым безработным литейщиком, тоже искавшим случая попасть за границу, на берегу Невы на Васильевском острове. Подошел к нам нерусского вида здоровенный дядя и спрашивает, не согласимся ли мы поступить к нему на судно, которое скоро пойдет в Англию, — ему нужны повар и юнга. Мы, недолго думая, согласились и тут же распределили свои должности, причем литейщику досталось, как более родственное ему, ремесло повара, а я, как токарь по металлу, счел себя вполне подготовленным на занятие должности юнги.

Обследовав наши мускулы и узнав, что бумаги у нас в порядке, капитан («дядя» оказался капитаном) повел нас в ближайшую нотариальную контору, где мы и заключили весьма для нас невыгодный контракт на два года. Жалование нам положили по 25 финских марок (около 9 рублей 50 копеек) в месяц. От нотариуса мы поехали прямо на судно, где мне, что называется, с места в карьер приказали вычистить крайне запущенные клозеты. Пока мы выгружали из трюма гипс, а затем в Кронштадте грузили доски, прошло полтора месяца. За это время мне удалось побывать дома только один раз; я узнал там, что за это время было арестовано несколько сот рабочих и что обуховцы в ответ на репрессии устроили в июле еще раз забастовку, но на этот раз без стрельбы.

В конце августа мы вышли в море с полным грузом пиленного леса для Англии. Уже с первых дней по выходе в море я закаялся, что убежал от тюрьмы. Хотя до этого мне ни разу не приходилось сидеть в тюрьме, но я все же думал, что в тюрьме было бы легче, как оно в действительности и оказалось, когда я через два года испытал тюремную жизнь.

С первых же дней плаванья на этом «плавающим гробу», как прозвали мы свое старое трехмачтовое парусное судно, нас стали преследовать неудачи. На третий день, когда мы проходили мимо Ревеля, один из поступивших вместе с нами матросов, эстонец, оказавшийся сумасшедшим, чуть не выпрыгнул за борт, собрав с собой все свои пожитки. Когда его схватили, он стал страшно буйствовать, так что пришлось его связать, и в таком связанном виде мы его затем сдали в больницу в Копенгагене (Дания).

Наше перегруженное судно едва двигалось, и, хотя мы шли на всех парусах, добрались мы до Копенгагена только через полторы недели. Своей сметливостью и затем ловкостью, проявленной мною при первых же моих уроках по лазанью на мачты, я заслужил расположение нашего свирепого капитана. Не раз выражал он свое удовольствие, когда я с ловкостью обезьяны бегал по вантам вслед за своими учителями — старшими матросами.

Уже на пятый или шестой день поставил он меня у штурвала, объяснив сначала, как нужно следить за компасом. Пока был легкий попутный ветер и светило солнце, я справлялся с управлением хорошо.

Но заморосивший мелкий дождь сразу испортил мою репутацию способного, ловкого юнга. При поступлении на судно я скрыл от капитана, что

близорук. Пока солнце освещало компас, находившийся от моих глаз на расстоянии приблизительно $\frac{3}{4}$ метра, я еще кое-как различал румбы и стрелки компаса, но когда от дождя потемнело и залило стекло компаса, я уже ничего не мог разобрать.

Стоя у штурвала и пытаюсь разглядеть по компасу заданный курс и ничего не видя, я как-то всем своим нутром почувствовал, что не туда, куда нужно, веду я свой «плавающий гроб», а как будто бы совсем в другую сторону. Штурвал находился на корме, и никого из матросов, которые выручили бы меня из беды, близко не было.

Так и стоял я одиноко у штурвала, поворачивая его время от времени то вправо, то влево, и ждал смены.

Не знал я тогда, что у капитана в каюте имелся другой, контрольный компас, по которому он мог следить за ходом судна.

Вероятно, с величайшим возмущением следил капитан по своему компасу за ходом управляемого мною «гроба», который произвольно менял курс то с запада на юг, то с юга на север и т. д. Продолжалось, помнится, это недолго. Взбешенный до крайности, выскочил капитан из своей каюты и, сразу подбежав ко мне, дико что-то закричал, чего я сразу не мог понять. Потом, видя, что я со всей серьезностью держусь за штурвал и даже поворачиваю его в разные стороны, он успокоился, стал следить за моими движениями, а затем совершенно спокойно и серьезно осведомился, не слепой ли я, случайно. Пришлось признаться, что хотя я и не слепой совсем, но близорук довольно основательно.

Узнав эту неприятную для него новость, он ужасно рассердился, заорал на меня как одержи-

мый и даже грозил выбросить меня за борт. Затем стал жаловаться подошедшему штурману на свою судьбу, проклиная Россию и особенно Петербург, снабдивший его командой слепых и сумасшедших.

По прибытии в Копенгаген капитан взял меня с собой в город и у оптика купил мне очки.

К великому моему и капитана сожалению, очки мои разбились в первую же бурю в Немецком море. Капитан нашего судна, старый морской волк, был человек жестокий и скупой, вернее жадный. Будучи совладельцем судна, он экономил на всем. Пища была отвратительная. Под видом консервированного мяса американо-американского буйвола нам давали на обед соленую конину, галеты самого последнего, дешевого сорта, сахар серый, несладкий, маргарин вонял мылом. Желая из-за той же экономии использовать каждое легкое дуновение ветра, он безжалостно гонял нас по мачтам, заставляя беспрестанно то поднимать, то опускать паруса. Работа эта страшно утомительная, от которой даже привычные матросы к концу вахты чуть не валялись с ног.

Тяжесть нашего положения усугублялась еще тем, что команды на судно не хватало по штату: вместо полагавшихся 11 матросов ялицо было только восемь. Поэтому при каждом повороте парусов приходилось будить отдыхающую смену.

И все же мы не столько ненавидели капитана, как его помощника — штурмана. Это был блудливый и жестокий подлец. Если в вахту капитана и приходилось из-за его жадности часто лазить на мачты, то все же он совершенно зря туда не гонял нас.

Помощник же, когда он стоял на вахте, гонял нас по мачтам буквально зря: человек, по-видимому, наслаждался нашими мучениями.

По прибытии в Англию я решил бежать с судна. Пока мы выгружали с судна своими силами доски и затем в другом порту брали груз толченого мела или гипса, прошло больше месяца. За все это время капитан не давал нам на руки денег, поэтому и побег приходилось откладывать. И только утром в день отплытия капитан дал мне 8 шиллингов, т. е. около 4 рублей (шиллинг — 48 копеек), для мелких покупок. Получив деньги, я подговорил бежать также и повара-литейщика, который также получил 10 шиллингов.

Вечером, часа за два до прилива, во время которого судно должно было уйти в море, мы вдвоем с поваром сошли незаметно с судна и направились в глубь страны. Порт Фовэй, в котором мы стояли, находится на берегу Ламанша, недалеко от Плимута. Не зная ни дороги, ни английского языка, двинулись мы по направлению к центру угольной промышленности, городу Кардиффу, надеясь найти там работу каждый по своей специальности, так как оба убедились, что в моряки мы не годимся.

Шли мы всю ночь, а день просидели в небольшом лесу. Ночью опять шли, а вечером на третий день после побега... вернулись обратно в тот самый порт, откуда пошли.

Вернулись потому, что никто наших вопросов о дороге в Кардифф, по-видимому, не понимал, так как на все наши вопросы пожимали плечами, а кроме того, мы были уверены, что капитан нашел вместо нас других и уже ушел в море.

Мы знали, что по английским законам беглеца никто не тронет, если судно, с которого он сбежал, покинуло порт.

Когда мы пришли в город и, напившись у фонтана воды, сели на скамейку отдохнуть, к нам по-

дошел полицейский и назвал нас по фамилиям. Мы, бня себя в грудь, стали называть себя другими именами, и, пока мы «изъяснялись» с полицейским и окружившими нас любопытными, к нам подошел... наш капитан, довольно вежливо поздоровался, спросил о нашем здоровье, а потом, взяв меня и повара под руки, повел нас в сопровождении полицейского к берегу, где на рейде мы увидели наш неуклюжий «плавающий гроб», а на берегу в лодке сидели готовые отвезти нас на судно наши матросы.

Вместе с нами на судно поехал и полицейский, который за нашу поимку должен был получить два наших месячных оклада в виде премии.

На судне нас ожидал штурман и, схидно улыбаясь, держал в руках приготовленные для нас ручные кандалы. Когда штурман подошел к нам, намереваясь надеть на наши руки эти «колечки», полицейский взял их из рук штурмана, бегло осмотрев, бросил их на палубу и, сердито ворча, толкнул их еще ногой в сторону.

Как нам после рассказали, полицейский запретил надевать нам на руки кандалы, потому что на них была... ржавчина, негигиенично, значит! Мы пришли в восторг от такой высокой «культурности» англичан.

Судно задержалось оттого, что случайно не оказалось в порту ни одного безработного матроса и повара, и капитан, не будучи уверен, что нас поймут, выписал таковых из Кардиффа (куда мы собрались идти), это в 200 километрах от Фовэй, и ждал их приезда с часу на час. Чтобы мы снова не убежали, капитан распорядился посадить нас в трюм, где мы с поваром и проспали до утра. Когда утром нас выпустили из трюма, нам матросы с радостью сообщили, что ночью с судна

опять сбежали двое, захватив с собою лодку. Когда нас поймали, капитан послал в Кардифф телеграмму с просьбой не присылать затребованных матроса и повара, и теперь, когда у него двое опять сбежали и отход судна опять задерживался, то как капитан, так и штурман были взбешены до крайности и на них было страшно смотреть.

Штурман, хотя и до крайности взбешенный, все же, видно, разума не потерял и, помня урок «культурного» полицейского, дал нам наждачной бумаги и задание срочно отполировать забракованные кандалы для убежавших матросов, если, конечно, они будут пойманы. Беглецы оказались более нас опытными, их не поймали, а вторая телеграмма капитана запоздала; к вечеру приехали новые матрос и повар. Таким образом, у нас оказалось два повара, или кока, как их называют на судах, из которых одному пришлось превратиться в матроса. Три дня пришлось ждать попутного ветра, чтобы наконец отправиться в море с адресованным в Геную (Италия) грузом размолотого мела или гипса. Из Фовэй до Генуи шли мы пять недель, в то время как пароходы проходят это расстояние обычно в 4—5 дней.

В Бискайском заливе, а затем в Средиземном море выдержали страшные штормы, от которых ослабли мачты корабля и появилась сильная течь в трюмах. Воду, белую как молоко от подмоченного груза, выкачивали из трюма день и ночь. Словом, эти пять недель перехода оказались самыми тяжелыми в моей жизни. Помимо чисто физического изнурения нас мучил своими придирками и оскорблениями штурман, который, ни с чем не считаясь, гонял нас на мачты по самым пустячным поводам и в любую качку. Ненависть

папа к штурману удесятерилась, и я поклялся по приходе в гавань избить этого негодяя.

Когда мы наконец добрались до Генуи и стали на якорь, я, желая затеять драку со штурманом, ответил на какое-то его указание оскорбительным для него выражением. Услышав от меня эти слова, он с быстротой молнии бросился на меня, и так как я, стоя на носу корабля на разбросанной по палубе якорной цепи, не ожидал такого быстрого нападения, то с первого же удара упал спиной на эти цепи. Воспользовавшись этим, штурман, придавив мне грудь коленкой, побил меня основательно и порвал мне в клочья рубаху.

Матросам удалось оттащить от меня остервеневшего штурмана, и затем, не отмыв даже крови с лица, заперли меня в какой-то ящик, где я и пролежал до утра следующего дня.

За это время судно наше пришвартовалось к пристани, и затем нам пришлось корзинами выгружать из трюмов размолотый мол.

Целую неделю выгружал я проклятый груз и ждал удобного случая, чтобы отомстить штурману.

Из полученного от А. Шульца письма, которое ждало меня в Генуе больше месяца, узнал я и о приговоре над участниками Обуховской обороны. Суд состоялся, кажется, в сентябре. Было осуждено 29 человек, из них двое—А. И. Ермаков получил 5 лет каторги и А. И. Гаврилов—6 лет. Двадцать человек получили не менее тяжкое наказание—арестантские роты на 5—4 года. В числе осужденных в арестантские роты были Александр Калинин, Семен Машистов, Дмитрий Ситников, Дмитрий Вересов, Николай Чирков и другие рабочие Обуховского завода (в числе осужденных были и не работавшие в то время на Обуховском заво-

Активные участники Обуховской обороны. Задний ряд (слева направо): С. И. Сулимов, А. В. Шотман, В. А. Шелгунов, В. И. Пернафорт, Н. И. Чайпиков. В первом ряду — А. И. Ермаков, С. М. Тетин.

де). Семь человек были осуждены к тюремному заключению на 4, 3 и 1 $\frac{1}{2}$ года без лишения прав состояния; в числе последних была Марфа Яковлева, получившая 3 года тюрьмы⁶⁴.

Это известие о жестоком приговоре пад товарищами только укрепило меня в мысли бежать с этого проклятого судна. Потянуло в Россию продолжать борьбу с диким режимом, осуждающим на ужасные страдания людей только за то, что они требовали лучших, просто человеческих условий труда.

И я твердо решил бежать, бежать во что бы то ни стало.

Пришло наконец воскресенье, отдых от работы. С утра капитан ушел в город. Матросы, у которых были деньги, нарядившись по-праздничному, тоже собирались в город. Только я и повар не имели ни одного гроша, чтобы пойти в город и купить что-нибудь, так как наше жалованье за три месяца вперед, по словам капитана, было отдало английской полиции на покрытие расходов, связанных с нашим розыском после нашего побега.

О своем намерении бежать я сообщил повару, предложив ему бежать со мною. Повар отказался.

Когда расфранченный штурман вышел из каюты, собираясь идти в город, я подошел к нему и потребовал, чтобы он дал мне вместо порванной им на мне рубашки новую. Он послал меня к черту, а я ударил его изо всей силы по зубам. Когда он побежал по направлению к своей каюте, как можно было догадаться, за оружием, я, догнав его и подставив ножку, свалил его на выступавшее на палубе ограждение люка. При его попытке подняться я сильным ударом опрокинул его спиной на люк, после чего я проделал над ним то же самое, что проделал он надо мною неделей раньше. Бил я его и рвал его накрахмаленную рубашку с величайшим остервенением, не оставив на нем, как говорится, живого места.

Стоявшие недалеко матросы, глядя, как я избиваю нашего общего врага, с укоризной обращались... к штурману со словами: «Как не стыдно штурману драться с юнгой», но палец о палец не ударили, чтобы помочь штурману вырваться из моих рук.

Когда мне показалось, что штурман уже достаточно обезврежен, я, насупив набрав полные карман

ны галет, попрощался дружески с каждым матросом в отдельности, сошел с судна и взял курс на запад, т. е. пошел вдоль берега Средиземного моря по направлению к Ницце. Не зная языка, без единого сантима в кармане, шел я четыре с половиной дня от Генуи до Ниццы. Первую половину пути я шел только ночью, скрываясь днем то в кустах, то в пустой бочке. Уже на второй день, заснув под кустом, я проснулся промокший до нитки от проливного дождя, и галеты мои, единственный запас продовольствия, превратились в моих карманах в жидкое тесто.

Почти три дня шел я потом, не имея крошки во рту. Попробовал закусить найденным на дороге незрелым лимоном, но, кроме неприятности в желудке, от этого ничего не вышло: голода обмануть не удалось. Обращаться к прохожим за помощью я боялся, так как слышал, что за нищенство можно попасть в тюрьму. Из этих же соображений и ночевать я никуда не просился, да и нужды, впрочем, особой в этом не было, так как погода все время стояла теплая, несмотря на декабрь месяц. Бывали и неприятности. Так, однажды, заснув в пустой бочке, валявшейся на улице у забора, я проснулся, перепуганный спросонья до полусмерти, не сразу сообразив, что со мною делается. Произошло со мною следующее. Поднявшийся ночью сильный ветер, сирокко, вроде нашего новороссийского норд-оста, подхватил мою бочку и помчал ее вместе со мною по плохо мощенной каменной мостовой в неизвестном мне направлении. С большим трудом вывалился я, вернее, вылетел из своей ночлежки на мокрую мостовую.

Другой раз, заснув на лестнице деревенского дома, я проснулся от боли и страшного крика, раздавшегося над моей головой. Перепуганный на-

смерть, выскочил я пулей на улицу и под жуткие крики, тоже, по-видимому, смертельно перепуганного крестьянина, наступившего в темноте на мое сонное тело, с полчаса бежал по дороге, боясь быть пойманным.

До крови натерты морскими сапогами ноги и совершенно пустой желудок не давали мне полностью насладиться красотами проходимых мною мест. Весь берег от Генуи до Ниццы, на протяжении приблизительно 225 километров, который я прошел пешком, представляет собою сплошной фруктовый сад и цветочный магазин. Деревни, хотя и не блиставшие богатством, содержались в образцовой чистоте. Окрестности городов, из которых запомнились только Савона, Ментона, Сан-Ремо, Монте-Карло со знаменитой рулеткой и Ницца, застроены дорогими особняками-виллами, утопающими в зелени и цветах.

Во всех этих бесчисленных садах и цветниках все подрезано, подчищено, подлизано до тошноты. Каждому цветочку как будто предписано расти определенной формы и запаха, каждое плодовое дерево обязано дать плоды точных размеров и тяжести.

Вся эта красота производила на меня впечатление не естественного, а чего-то искусственного, вроде театральных декораций.

Может быть, усталость и голод были причиной этому.

В Ницце, где я пробыл два дня, мне помогли случайно встретившиеся русские. Они дали мне 10 франков (3 рубля 75 копеек по тогдашнему курсу) и, купив железнодорожный билет до Марселя, усадили в поезд, пожелав мне счастливого пути.

Благодаря тому что был я в Ницце в качестве

босняка, а не туриста, мне пришлось видеть в этом городе миллионеров очаги такой нищеты, каких до этого мне не приходилось видеть, хотя и видел я в Петербурге знаменитые трущобы «Вяземской лавры». Вряд ли где в другом городе так резко проведена черта между безумной роскошью пресытившихся миллионеров и миллиардеров и безысходной, ужасающей нищетой итальянских пролетариев, ютящихся в жилищах, ничего общего с человеческим жильем не имеющих.

В Марселе, куда я приехал поездом за несколько дней до рождества, я встретил в гавани несколько безработных моряков-финнов, которые от радости, что встретили земляка, повели меня в один из бесчисленных матросских кабачков, где и пропили оставшиеся у меня последние 8 франков.

Узнав, что пропили мои последние деньги, они выразили по этому поводу сожаление, обещав устроить меня в одном из матросских общежитий. После этого я их больше не встречал.

Благодаря русскому консулу мне удалось устроиться в ночлежном доме какого-то монашеского ордена, а на питание консул ежедневно выдавал по 1 франку (37½ копеек).

Девять дней болтался я по улицам и набережным Марселя в поисках работы, но неудачно.

Встретив как-то русского моряка, также безуспешно подыскивавшего себе подходящей работы, мы решили отправиться в Англию. Так как ни один капитан не соглашался взять нас к себе на борт, чтобы доставить нас в Англию, мы решили проехать туда сухим путем.

Не имея возможности купить железнодорожные билеты, а ехать мы решили по железной дороге, и зная, что в дороге билетов не спрашивают (от Ниццы до Марселя у меня в дороге билета не

спрашивали, требовали билет только при входе на перрон в Ницце и при выходе с вокзала в Марселе), мы пробрались не через контрольную дверь, а несколько иной дорогой.

Действительно, до самого конечного пункта, а конечный наш пункт был в другом конце Франции, нас никто не тревожил. Когда же мы, выйдя из вагона, пытались выйти на вокзал, у нас потребовали билеты.

Так как билетов у нас не оказалось, то нас арестовали. Через несколько минут мы очутились в арестантском фургоне, а затем и в тюрьме. Через день повезли нас в суд. На суде весьма интересовались, каким путем мы прошли в вагон. Нашим объяснениям, что мы прошли там же, где проходили и другие пассажиры, не поверили. Наши объяснения были довольно правдоподобны, так как, имея при себе 48 франков (мой товарищ не успел еще израсходовать полученных при расчете с судна денег), мы говорили судье (через переводчика), что у нас в России за проезд платят в вагоне и мы очень, дескать, удивлялись всю дорогу, что не приходят за деньгами. Когда же нас на вокзале арестовали, то мы как раз искали кассу, чтобы заплатить за проезд. Когда же судья сказал нам, что за наш проезд следует уплатить в два раза больше, чем у нас имеется денег, мы выразили сожаление, что французы так дорого платят за проезд по железным дорогам, у нас, мол, в России раза в три дешевле. По-видимому, все же судья нам не доверял, так как отложил рассмотренные дела, предложив нам самим пригласить в качестве переводчика... местного русского священника.

Судья, видно, решил, что если русские моряки врут ему, судье, то уж попу-то своему они не

соврут, «ведь известно, что православный русский парод религиозен».

Когда через неделю нас привезли к судье, то в качестве переводчика оказался православный поп. Когда мы и попу повторили наши показания, судья решил, что мы говорим правду, и оправдал нас, а судебные издержки и прочие убытки возложил на управление железной дороги, виноватое в плохой организации контроля. Отобранные при аресте 48 франков нам возвратили.

Если бы было доказано, что сели мы в поезд, пробравшись какими-либо окольными путями, нас присудили бы к 3 месяцам тюремного заключения и к высылке из Франции.

Прожив в Гавре свыше месяца и не находя постоянной работы, кормился я около небольшого ресторанчика-кафе, хозяином которого был бежавший с русского военного судна бывший матрос. За очень скудную пищу мы таскали ему воду, мыли посуду, разливали по бутылкам вино и т. п.

Наконец на пришедшем из Владивостока и шедшем в Ревель русском пароходе удалось мне укрыться и добраться сначала до Копенгагена, где, получив от русского консула разрешение вернуться в Россию, я затем на этом же пароходе, но уже легально доехал до Ревеля.

В Ревеле я застал группу обуховцев, высланных после стачки в административном порядке. По их словам, всего было выслано с Обуховского завода более 500 человек. В Ревель я прибыл самым настоящим босяком, сверх всякой меры нагруженный паразитами, так как четыре дня мне пришлось ехать из Гавра до Копенгагена запряженным на пароходе в ящике, куда матросы бросали свое грязное белье.

При содействии обуховцев, главным образом Роберта Шульца (брата Артура), снабдивших меня малой толчкой грошей, мне удалось добраться до Питера. В Питер я вернулся 4 марта 1902 года, имея в кармане ровно 15 копеек, которых мне в обрез хватило, чтобы досхать на конке до села Александровского. Первое знакомое лицо, которое я встретил по выходе из конки, был Сергей Васильевич Малышев. Мы расцеловались, стоя посредине улицы, затем оглядели друг друга с головы до ног и нашли, что по внешнему виду мы очень похожи друг на друга. Оказалось, что он тоже только что, в тот же день, прибыл из дальних краев, из Одессы, где ему жилось весьма горько и откуда он тоже добрался до Питера, рискуя попасть в тюрьму за бесплатный проезд по железной дороге. Дома меня мать едва узнала. Отец лежал в больнице безнадежно больной. Ходил я на этот раз без работы не более двух недель и затем поступил токарем на завод Л. Нобеля в ту же самую мастерскую, где прошел учебу. Первым делом я принялся за восстановление революционных связей и через старых знакомых лоссеровцев познакомился с работавшим у Лесснера слесарем Израилем Стервиным, по кличке Гриша. Это был интеллигентный, удивительно энергичный и преданный товарищ (погиб при отступлении от Астрахани в 1918 году). Через него я связался с Ильей Тараевым⁶⁵, бывшим в это время организатором Выборгского района, вскоре же арестованным. Гриша в это время был организатором на Петербургской стороне, где он жил и где у него были обширные связи. Благодаря своим знаниям и лекторскому таланту он часто приходил потом в кружки в качестве интеллигента. С ним мы очень

подружились и затем целый год работали, встречаясь чуть ли не ежедневно.

Через неделю приблизительно после поступления моего к Нобелю в больницу Обуховского завода умер мой отец. Похоронив его на Преображенском кладбище, я перевез свою мать и калеку-брата на Выборгскую сторону, где мы поселились на Выборгской набережной, на углу Роченсальмского переулка. Эта квартира, в которой мы снимали одну комнатку, была затем в течение года базой Выборгского района, куда курсистки кипами таскали литературу и листки.

После ареста Тараева организатором Выборгского района был назначен Иван Беляничков⁶⁶. С Беляничковым мне пришлось поработать не больше двух месяцев. Это был замечательный пролетарий, хорошо развитый, читавший в свободные минуты серьезные научные книги, чуть ли не зубривший наизусть Маркса. Он, по-видимому, был чернорабочий, не знавший никакого ремесла, так как впоследствии, через четыре года, когда мне опять пришлось с ним встретиться, он изучал слесарное ремесло, а затем стал шофером.

В период его работы на Выборгской стороне появилась зубатовская организация⁶⁷. У нас была директива вести контрпропаганду против зубатовщины, что нами на Выборгской и было успешно проделано; через довольно короткое время зубатовская организация скрылась с горизонта Выборгской стороны. Собирались обычно зубатовцы на Фивляндском проспекте, в трактире «Выборг». Мне пришлось там побывать несколько раз вместе с Беляничковым, который, не называя себя, конечно, социалистом, выступил там раза два и, по-видимому, там же подхватил шпика, так как скоро был арестован в своей комнате на Оре-

бургской улице, имея основную квартиру где-то в Полюстровском районе. На второй день после его ареста и чуть не был арестован около его комнаты паходившимися в засаде шпиками, от которых удалось убежать только благодаря тому, что я хорошо знал все проходные дворы Выборгской стороны.

Кроме Беляничкова на зубатовских собраниях выступали И. И. Егоров (Нил)⁶⁸ и Федор Яковлев, не примыкавшие к нашей искровской организации.

После ареста Беляничкова я был назначен организатором Выборгского района и в этой должности пробыл около года, т. е. до мая 1903 года. За этот период, с лета 1902 года до лета 1903 года, Петербургский комитет (искровский) развил небывалую по размаху и по количеству выпускавшихся листов подпольную работу. Когда я заменил Беляничкова, связи и кружки были почти на каждом заводе и фабрике не только Выборгской стороны, в примыкающем к Самсоновскому проспекту районе, но и в Полюстровском, вплоть до Охтинского. Типография Петербургского комитета работала великолепно и буквально наводняла прокламациями петербургские заводы и фабрики. Одной из главных экспедиций, куда приносили литературу для Выборгского района, была моя комбата, а обязанности экспедитора выполняла моя мать, связывавшая припесенные листки и газеты в различной величины пакеты пропорционально количеству работавших на фабриках и заводах рабочих.

Как добрая и вместе с тем аккуратная финка, моя мать чрезвычайно тщательно и справедливо распределяла по пакетикам листки, и можно было быть вполне уверенным, что каждый завод и фабрика получают причитающееся количество листов.

Когда же бывал избыток листовок или по характеру их требовалось распространить вне завода, лучшей распространительницы, чем моя мать, у нас в то время не было. Чтобы удобнее подбросить в чужую квартиру листок, она прорвала в своей юбке карман и, сложив определенным образом листки, под каким-либо предлогом заходила в чужую квартиру, а затем при выходе оттуда незаметно роняла из-под юбки листок.

Чаще других приносила нам литературу очень красивая интеллигентная женщина Ольга Викторовна⁶⁹. Ольга Викторовна не ограничивалась доставкой литературы, а часто, застав меня дома, подолгу беседовала со мной на злободневные политические темы и вообще держала меня в курсе политической жизни страны. Первое время по назначении меня организатором района я связи с Петербургским комитетом имел только через нее. Она же познакомила меня с курсисткой медицинского факультета Ольгой Михайловной Гевкиной⁷⁰, впоследствии, в 1905 году, арестованной жандармами на вокзале в Иваново-Вознесенске и тут же на их глазах растерзанной озверелой толпой погромщиков. У нее на квартире, на Широкой улице⁷¹ Петербургской стороны, я впервые увидел большой склад нелегальной литературы. От такого количества и такого разнообразия нелегальных брошюр и газет у меня глаза разбежались. Сама Ольга Михайловна была воплощением революционерки, беззаветно преданной делу рабочего класса. В беседах с товарищами я ее всегда сравнивал с Софьей Перовской, образ хорошо нам тогда знакомый из прочитанной нелегальной литературы.

Ольга Михайловна только что начинала свою революционную деятельность и дальше хранения

и разноски нелегальной литературы не шла. Помню, с каким похищением, смешанным с уважением, смотрела она тогда, в 1902 году, на нас, революционеров, подлинных, прямо с заводов, рабочих. Когда же я потом, в 1905 году, снова встретился с нею — она уже была видной революционеркой.

Некоторое, очень короткое, время связь с Петербургским комитетом у меня была через Петра, фамилии не помню, приходившего ко мне в качестве члена комитета.

Он был «незаконпорожденный», воспитавшийся у петербургских подгородных крестьян, затем работал на питерских заводах, а потом долго сидел по политическому делу в предварилке, где выдержал 14-дневную голодовку, после чего стал страдать эпилепсией, которая ему очень мешала вести подпольную работу, так как иногда с ним случались жестокие припадки на улице. С тех пор я его не видел.

Как я уже говорил, связи на Выборгской стороне у нас были почти на каждом заводе и фабрике.

На заводе Л. Нобеля, где я работал, была организация человек в 10—12, большей частью из финнов.

Из лесперовского кружка, организованного мною из рабочих не только лесперовского завода, помню Адольфа Тайми⁷², бывшего в 1918 году, во время финляндской революции, народным уполномоченным (комиссаром) по военным делам, и Александра Хаапана, отбывшего четыре года финской каторги за участие в финляндской Красной армии. Организатором на фабрике Воронина, через которого у меня была прочная связь с ткацкими бумагопрядильными, точными и про-

чими фабриками, был в то время Ефим Изотов⁷³, по кличке «Мужик». Он работал у Воронина чернорабочим, исполняя иногда должность смазчика. Через него обычно распространялась литература по фабрикам, на которых у него был огромный круг личных знакомств. Однажды с ним произошел такой забавный случай. Он до того увлекся различными способами распространения прокламаций, что почти совершенно перестал стесняться. Забравшись как-то под самый потолок для смазки трансмиссии, он сбросил оттуда пачку листов и попал ими прямо в голову стоявшему внизу директору-англичанину.

Когда наш смутившийся Мужик спустился вниз, директор-англичанин, желая показать, что он не обращает внимания на проделку смазчика, дружески спросил его: «Ну что, Изотов, смазал?» На что Изотов в шутку по-военному, по двусмысленно ответил: «Так точно, господин директор, смазал!»

Связь с кружками Полюстровского подрайона поддерживалась, и литература распространялась через Александра Эркку.

В Охтинском подрайоне, центром подпольной работы которого был судостроительный завод Крейтона, работа велась через братьев Павла и Илью Судаковых⁷⁴.

В районе Черной речки, прилетавшем к Новой деревне, на механических заводах Писдора Гольдберга, бр. Экваль, отчасти на заводе Барановского, наждачном заводе Струкка и на крупной текстильной фабрике Чешера⁷⁵, которая в истории революционного движения упоминается еще с 1880 года, были небольшие кружки; крупнейшим из них был кружок на фабрике Чешера. Во главе его, состоявшего почти исключительно из

мужчин, хотя на фабрике преобладали женщины, был пожилой рабочий, фамилии которого, к сожалению, сейчас не помню. Это был интересный тип революционера-рабочего. По внешнему виду ему было около сорока лет. Его слегка сгорбившаяся фигура, облаченная в ситцевую рубашку и штаны из чертовой кожи со вздутиями на коленях, его впалые без блеска глаза, грустное лицо ничем не выделялись из обычного типа фабричных рабочих, проведших свою жизнь с малолетства за ткацким станком в пропитанных вредной пылью фабричных корпусах. А между тем это был образованнейший из рабочих, которых я в то время знал среди нашей организации. Из всех рабочих искровских кружков Выборгской стороны в его кружке велись наиболее регулярные и серьезные занятия, причем в случае отсутствия интеллигента он сам объяснял членам кружка непонятные места из Маркса. Последнее время, когда я с ним виделся в 1903 году, он проживал в Нейшлотском переулке, где в одном из битком набитых фабричных домишек снимал угол, едва вмещавший его небольшую библиотеку, почти сплошь из книг по философии. В этой квартире он потом, насколько помню, был в этом же году и арестован. Ефим Изотов мог бы дать более подробные сведения об этом интересном рабочем-революционере⁷⁶.

Условия для подпольной революционной работы в это время на Выборгской стороне вообще были очень благоприятные. Длинная вереница видных подпольных работников, начиная от Ленина и покойного Бабушкина, которого мне однажды удалось видеть в 1900 или 1901 году в Полюстровском районе на небольшом собрании, хорошо подготовила район.

Хотя на заводе Л. Нобеля до моего поступления, вернее, в момент поступления никакой подпольной организации не было, но среди рабочих было много таких, для которых нелегальная литература и листки были далеко не новостью.

Несмотря на все мои попытки законспирировать свою работу, это мне не особенно хорошо удалось, так как через какой-нибудь месяц-другой многие на заводе знали, что я являюсь едва ли не главным «закоперщиком» по части крамолы. Однажды, к моему удивлению, мастер слесарной мастерской Линдквист, прежний приятель моего отца, после довольно большой порции листов, пущенных мною по заводу, подошел к моему станку и отеческим тоном предупредил меня быть поосторожней, так как на заводе могут оказаться шпионы. Несмотря на все это, мне удалось проработать там год с небольшим, причем за все это время не было ни одного ареста.

Не только заводы, но как будто бы вся Выборгская сторона была заражена в это время революционным духом, даже босяки.

Те, кто в эти годы работал или проживал на Выборгской стороне, должны хорошо помнить видного босяка Петьку Рыбака, без которого ни одна крупная драка на Выборгской стороне не обходилась, причем в той драке, где участвовал Рыбак, обычно основательно попадало городовым и дворникам, так как Рыбак их органически не переносил, а те его немного побаивались. Этот самый Рыбак великолепно играл на гармонике, а также великолепно пел революционные песни. В летние вечера, когда мы по окончании работ выходили из завода, он с гармоникой уже сидел на разбросанных по набережной бревнах и ожидал наших «заказов». А заказывали мы ему всегда революцион-

ные песни... Очень хорошо он пел про Савву Морозова на мотив «Камаринской»... Затем он начинал про «Попа и черта»:

В церкви, золотом залитой,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвола
Поп в одежде парчевой... и т. д.

Последним номером его репертуара была новая, по случаю бывшей 4 марта 1901 года демонстрации на Казанской площади составленная «Казацкая песня», которую он пел тоже на мотив какой-то народной песни и которую начинал, только справившись предварительно, далеко ли стоит поставой городской.

С тех пор я этой песни не слышал, и в сборниках песен не довелось ее видеть. Приведу ее, насколько помню, как характерную для своего времени.

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту усмирять,
Эх, смуту усмирять!

Рано утром нас будили,
Не кормили, а поили
Водкою одной,
Эх, водкою одной!

Подготовив понемногу,
Вывели нас в путь-дорогу,
К Невскому пошли!
Эх, к Невскому пошли!

По дворам нас рассадили
И пастрога запретили,
Чтобы не орать,
Эх, чтобы не орать!

Долго ль, мало ль мы спдели,
Не шумели, не галдели,
Вдруг команда нам,
Эх, вдруг команда нам!

Выходите на тревогу,
Фараонам на подмогу,
Клейгельс * ослабел!
Эх, Клейгельс ослабел!

Мигом вышли на свободу,
Видим массы мы народу —
Тысяч до пяти,
Эх, тысяч до пяти!

Тут и штатский, и военный,
И бродяга, и поштенный,
Весь народ шумел,
Эх, весь народ шумел!

Кутерьма тут поднялася,
Свалка-драка началась,
Бросились и мы,
Эх, бросились и мы!

Молоток тут пошел в дело,
Офицеру влетело,
Кровью залился!
Эх, кровью залился!

Сам фон Клейгельс, генерал,
Все подальше удирал
И с коня кричал,
Эх, и с коня кричал!

Много силы у солдата,
Но давить родного брата
Можно лишь спьяна,
Эх, можно лишь спьяна!

Как домой вернулись в роту,
Принесли одну заботу —

---

* В то время петербургский градоначальник.

О своем грехе,
Эх, о своем грехе!

Иногда случалось, во время песни незаметно подходил городской и, протискавшись к певцу, начальническим тоном обращался к нему:

— Ты что, Рыбак, опять про Морозова поешь?

— Никак нет, господин городской, сами послушайте.

И под общий хохот тут же импровизирует какой-нибудь непристойный куплетик.

— Ой, Рыбак, смотри попадешься ты когда-нибудь, не отвертись, — пригрозит озадаченный городской и, прикрикнув «для порядка» собравшейся толпе: — Господа, расходитесь, не приказано собираться! — уходит на свой пост.

И Петька Рыбак действительно скоро попался по подозрению в убийстве во время драки, но за недостатком улик был освобожден, а затем немного спустя после этого утонул «по пьяной лавочке», как рассказывали.

Месяца через полтора или два после назначения меня организатором Выборгского района я в конце лета 1902 года был кооптирован вместе с Гришей — Стервным — в члены Петербургского комитета (искровского) ⁷⁷.

Это высокое отличие мне, конечно, очень польстило, но зато и работы и забот прибавилось втрое. Если до сих пор у меня все свободные от работы на заводе часы уходили на беготню по кружкам огромного района, то теперь приходилось иногда по два раза в неделю брать у мастера увольнение на полдня, чтобы попасть на заседание комитета. А так как Елена Дмитриевна Стасова ⁷⁸, бывшая в то время секретарем Петербургского комитета, ухитрялась устраивать собрания комитета часто в архибуржуазных квартирах, то мне пришлось еще

и расход крупный произвести, чтобы приобрести приличный костюм.

В это время в состав Петербургского комитета кроме Елены Дмитриевны Стасовой входили Нина Львовна⁷⁹, имевшая еще кличку Зверь, Анатолий Авдеевич Дивильковский⁸⁰, Бур — Густ Эссен⁸¹, Ольга Петровна и, кажется, еще кто-то, не помню.

Для «солидности», должно быть, меня окрестили Сергеем Сергеевичем, а И. Стернин, несмотря на высокий чин «комитетчика», так и остался Гришей.

На явки, которые, как я уже говорил, происходили часто в весьма буржуазных квартирах, Елена Дмитриевна всегда приходила первой и за малейшее опоздание делала нам весьма строгие выговоры. Не за эту ли строгость ее прозвали Геспералом. Кроме клички Генерал ее звали еще Абсолют, почему не знаю. Не в обиду будь ей сказано, боялся я ее чрезвычайно и готовился к докладам о работе в районе очень тщательно, скорее уменьшая количество членов в кружках и количество бывших собраний, чем было на самом деле, только бы она не заподозрила, что я приукрашиваю положение дел в своем районе. Зато расход литературы, по данным заведующей этим делом, в Выборгском районе был самый большой, что объяснялось надежным составом членов кружков и очень хорошо налаженным аппаратом для распространения.

А типография Петербургского комитета (как я мельком слышал, даже не одна) работала на славу.

Особенно мы гордились чистотой техники, ничуть не уступавшей легальным типографиям. Не помню сейчас точно, в 1902 году или 1903 году первомайская прокламация вышла даже с хорошим портретом К. Маркса, что особенно тогда поразило рабочих⁸².

Но было тогда такого мало-мальски заметного события в политической жизни не только России, но и Европы, на которое не реагировал бы Петербургский комитет в своих прокламациях, воздействуя не только на рабочую массу, но и на интеллигенцию, для которой печатались специальные прокламации. Эти предназначенные для интеллигенции прокламации не распространялись широко на заводах, давались только членам кружков. Распространялись они при помощи рассылки почтой по адресам, выбранным из «Адрес-календаря», и при помощи разбрасывания по театрам.

Для распространения в театрах назначалось по одному человеку от кружка, из которых составлялись тройки, на каждый театр. Обычно эти трое, устроившись на ярусах в разных концах театра, перед самым поднятием занавеса, в тот момент, когда тухнет электричество, бросали вниз удобно сложенные, разлетающиеся всером пачки прокламаций.

Завод же Л. Нобеля, на котором я работал, благодаря тому что главная масса листов для Выборгского района доставлялась ко мне на квартиру, всегда получал их в большем, чем другие заводы, количестве: на 600 рабочих мы часто распространяли по 300 прокламаций. Замечательно быстро и неуловимо распространял на нашем заводе листки, и в любом количестве, молодой токарь эстонец Юлиус Тильте, к сожалению впоследствии при аресте струсивший и разболтавший жандармам все, что знал. В течение получаса во время работы он буквально засыпал все мастерские листовками, а потом с псевдным видом читал где-нибудь на стенке им же наклеенную прокламацию.

Как-то в день 200-летнего юбилея русской печати нужно было экстренно распространить по городу прокламации. Это было, если не ошибаюсь, весной 1903 года⁸³. Ольга Викторовна заходила ко мне в обеденный перерыв с просьбой дать двух товарищей для раздачи листовок на улицах Питера в этот же день. Я обещал, решив сам принять участие в этом деле, несмотря на то что знал, что если Елса Дмитриевна узнает, попадет мне основательно.

Уйдя с завода часа за два до окончания работ и получив в условленном месте на улице от Ольги Викторовны около 300 листовок, мы с Тильте пошли на Невский проспект. На углу Невского и Литейного Тильте, вытащив из-за пазухи часть прокламаций, штук 100—150 (остальные нес я), положил их открыто на левую руку, как это делают разносчики разных объявлений, и пошел по Литейному проспекту, всовывая в руки идущим навстречу прохожим по листовке, громко выкрикивая: «Двухсотлетие печати!»

Я шел в пяти-шести шагах сзади него и наблюдал, как публика реагирует. Некоторые, пробежав глазами листок, удивленно таращили глаза, пожав плечами, складывали аккуратно полученный листок и прятали в карман; другие, взглянув на листок, перво, как-то испуганно его мяли и незаметно бросали в сторону. Так прошли мы с ним до Фурштаттской улицы⁸⁴, здесь один подозрительного вида субъект, посмотрев на полученную листовку, быстро повернул назад и пошел следом за Тильте. Я заподозрил в нем шпика, быстро догнал Тильте и шепнул ему: «Шпик сзади», наняв поблизости одиноко стоящего извозчика, вместе с Тильте сел в пролетку. Обещав на чай, мы быстро помчались через Литейный

мост на Выборгскую. Когда мы заметили, что нас никто не преследует, я вытащил оставшиеся у меня листовки (Тильте успел свои почти все раздать), и мы стали с извозчика разбрасывать их по улицам. Когда я об этом рассказал потом Елесе Дмитриевне, она дала мне «геперальскую» пахлобучку.

К концу 1902 года во всех рабочих районах господствовали как идейно, так и организационно искровцы. О том, нужна ли наряду с экономической и политическая борьба, споров уже почти не было. Да и трудно было не убедиться в необходимости политической борьбы в то время, когда вся Россия начала бурлить и со всех концов необъятной страны раздавался все громче и громче крик: «Долой самодержавие!» 1 мая 1902 года прокатилась по всей России волна забастовок и демонстраций, а вслед за ними следовали полицейские репрессии, вплоть до массовых расстрелов демонстрантов.

За участие в демонстрациях в Сормове, Саратове участники получили ссылку на поселение. На станции Тихорецкой в рабочих, протестовавших против изнасилования и убийства жандармами арестованной учительницы, казаки стреляли. Батумская демонстрация разогнялась стрельбой в толпу. Наконец огромные демонстрации-митинги в Ростове-на-Дону, доходившие до тридцати тысяч участников, с неизменными политическими требованиями окончательно открыли глаза даже самым заплесневелым крохоборам-«экопомистам».

Как последние отзвуки борьбы с «экономистами»-рабочедельцами, мне вспоминаются только споры по организационному вопросу.

Мы, искровцы, доказывали, что при существующих условиях самодержавного режима подполь-

ная организация может работать, только проводя строго и последовательно организационный централизм, строгую дисциплину комитетов и связанную с этим величайшую конспиративность, что не мешало вовсе широкому распространению революционных марксистских идей в массах. Мы откладывали до лучших легальных времен выборное начало на руководящие посты. «Экономисты» же доказывали возможность и при существовавших условиях проведения выборного начала, хотя и не последовательно прямого, а двухстепенного, и «демократического контроля». Как возможно было это на практике провозгласить, мне до сих пор неясно.

Всем этим спорам, можно сказать, положили конец В. И. Ленин своей книжкой «Что делать?», вышедшей в 1902 году. В этой книге были подведены итоги как идейным, так и организационным спорам и резко, ясно и точно указано, как надо дальше вести революционную марксистскую работу.

Книжка эта произвела на нас сильное впечатление⁸⁵, и если до этого кое-кого иногда и смущали возражения некоторых рабочих-«экономистов» против «генеральства» искровских комитетов, то по прочтении этой книги исчезли, так сказать, всякие сомнения.

В мае 1903 года я был делегирован на II съезд партии.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

О том, что мне придется ехать за границу на II съезд партии, я узнал в середине апреля. Это сообщение было для меня несколько неожиданным. Поездка за границу меня не смущала, так

как я уже бывал там и мог ехать совершенно легально, но поездка на съезд партии в качестве делегата меня весьма смущала. О своих колебаниях я сообщил Елене Дмитриевне Стасовой, но она объяснила мне, что на съезд необходимо послать рабочих, особенно от Петербурга. Моя же кандидатура, как члена комитета, в то же время работавшего на заводе и являвшегося организатором такого крупного района, как Выборгский, — самая подходящая. Я не стал спорить.

В то время в Петербурге работали три подпольные социал-демократические организации, и все три претендовали на посылку своих делегатов⁸⁶. Две из этих организаций называли себя Российской социал-демократической рабочей партией и обе имели свой Петербургский комитет. В чем состояли тогда принципиальные разногласия между этими двумя организациями, сейчас не помню, но знаю, что наша организация имела связи почти со всеми заводами; литература, особенно листки, распространялась среди широких рабочих масс исключительно нашей организацией; у другой организации связей среди рабочих совсем не было, имелись лишь кое-какие связи среди студенчества.

Третья организация не имела своего комитета и называлась «Петербургская группа русских социал-демократов». Это была группа рабочедельцев, возглавляемая Акимовым-Махновцем и Мартыновым.

Так как все три организации, как я уже говорил, требовали себе мандат на съезд, а согласно постановлению Организационного комитета, созданного специально для подготовки и созыва съезда, решено было дать Петербургу, как и всем комитетам, только два мандата, то для решения спора

А. В. Шотман.
1917 г.

несколько раз присажали члены ОК⁸⁷. После долгих обсуждений, споров и обследований ОК решил дать папией организации два мандата условно, оба с решающим голосом⁸⁸, и один мандат, также с решающим голосом, «петербургской группе»⁸⁹. После этого решения ОК было заседание нашего Петербургского комитета, на котором мы обсуждали кандидатуры делегатов. Моя кандидатура, как рабочего да еще работавшего на заводе, не вызвала никаких возражений и была утверждена без прений. Что же касается второй, то тут возникли продолжительные дебаты. Как наиболее подходящий кандидат на съезд была выдвинута Елена Дмитриевна Стасова. Эта кандидатура сначала также не вызвала никаких возражений. Но когда возник вопрос о замене секретаря, то тут все в один голос заявили, что Елену Дмитриевну заменить в данный момент нечем. И, действительно, только ее энергия, ее колоссальным связям во всех слоях Питера, умению подбирать людей мы были обязаны тому размаху, сплоченности и твердости, какую проявил в это время искровский Петербургский комитет РСДРП.

Произведенные незадолго до этого значительные аресты среди нашей организации требовали напряжения всех сил для продолжения борьбы и сплочения организации, поэтому в конце кон-

цов решили из членов комитета, кроме меня, больше никого не посылать, а дать второй мапдат члену ОК Гореву-Гольдману, присутствовавшему на заседании. На этом и разошлись.

Съезд намечался в июле 1903 года. Но так как я еще на заседании комитета заявил о своей неподготовленности к такому ответственному делу, а кроме того, надвигалось 1 Мая, когда обычно усиливались аресты, то Петербургский комитет совместно с представителями ОК решил послать меня за границу немедленно с тем, чтобы я там на свободе занялся чтением революционной литературы, познакомился и побеседовал с руководителями партии, ознакомился бы с положением дел нашей партии, а кроме того, был бы застрахован от первомайских арестов.

Работал я в это время на чугунолитейном и механическом заводе Людвига Нобеля на Выборгской стороне. Чтобы получить расчет, необходимо было предупредить контору за две недели вперед, что я и сделал. Было решено, что я переиду границу легально, так как мне, как финляндекому уроженцу, легко было достать легальный заграничный паспорт.

Продолжая работать на заводе, я вместе с тем хлопотал о паспорте, для чего мне пришлось бежать в полицию и финляндекую паспортную экспедицию. Самый паспорт нужно было получить в Выборге, куда я решил ехать, когда получу расчет. Кроме того, нужно было заканчивать подготовку к 1 Мая, подготовить себе заместителя — организатора — и выполнить ряд других дел, связанных с подпольной работой. Жил я тогда с матерью и с калекой-братом на Выборгской набережной. Брат не работал, а мать вела наше домашнее хозяйство; жили на мой заработок.

Нужно было обеспечить мать, пока я буду жить за границей. Елена Дмитриевна достала мне 100 рублей, что вместе с моим жалованьем, которое я получил при расчете, должно было ей хватить месяца на три.

Перед отъездом я виделся с Адель *, с которым мы долго гуляли сначала по набережной Невки вдоль Ботанического сада, а потом в саду. Там он меня подробно информировал, как надо ехать, дал явку в Женеву к А. Н. Потресову (Староверу), снабдил паролем, дал денег на дорогу, и мы с ним распрощались, чтобы встретиться в Женеве.

После этого мне нужно было зайти в полицейский участок на Сампсониевском проспекте за какой-то справкой. Когда я сидел там в коридоре вместе с другими посетителями, вбежал запыхавшийся городской и, не обращая внимания на посторонних, тут же, в коридоре, доложил остановившемуся околоточному, что рабочие фабрики Воронина прекратили не в урочное время работы и выходят из ворот с криками и пением. Это сообщение было неожиданным не только для полиции, но и для меня, районного организатора. Едва получив необходимую мне справку, я чуть не бегом бросился из участка разыскивать Изотова, по кличке Мужик, работавшего у Воронина и бывшего на этой фабрике организатором. Разыскав Изотова, узнал от него, что ему не удалось удержать рабочих от выступления и теперь надо срочно созывать собрание кружка. К вечеру собрался кружок; что мы на нем решили, сейчас не помню. Было это за несколько дней до 1 Мая.

По моему предложению, заместителем моим в качестве организатора района Петербургский ко-

---

* Б. Горев (Гольдман).

митет назначил И. Н. Юникова, работавшего слесарем на одном из заводов Выборгского района. Покончив со всеми делами, я накануне 1 Мая⁹⁰ с маленьким узелком под мышкой уехал сначала в Выборг, где получил в тот же день паспорт и отправился с ним за границу. О том, куда и зачем я еду, я никому, кроме матери, не сказал, что было, как выяснилось по возвращении со съезда, весьма целесообразно.

В Гельсингфорсе купил билет до Любека, сел без всяких препятствий на пароход и через два дня благополучно высадился в Любеке. По железной дороге доехал до Гамбурга, где переночевал и купил билет до Женевы. На вокзале со мной случилась маленькая неприятность. Стоя у входа на перрон, где проверяют билеты, я, посмотрев на часы, заметил, что до отхода остается всего три минуты. Показываю свой билет контролеру, а он машет головой и не пускает на перрон. Когда же я заметил, что поезд трогается (он стоял как раз против открытой двери), я оттолкнул контролера, бросился к отходящему поезду и вскочил в один из вагонов. Когда я оглянулся назад, то там что-то кричали, указывая на меня. Проверивший билеты кондуктор, посмотрев на мой билет, начал мне что-то говорить, но я его не понял. На одной из больших станций ко мне подходят двое в мундирах и предлагают выйти. Я начинаю протестовать, но они, не обращая на меня внимания, берут мой чемоданчик, купленный в Гельсингфорсе, и уносят его из вагона. Я, конечно, пошел за ними, решив, что арестован. Проведя меня через какой-то мост под полотном, они привели меня на другой перрон и велели тут стоять, положив рядом со мной чемоданчик.

Немного погодя подходит посад, а через минуту ко мне подбегает человек в форме, берет чемодан, идет в вагон и приглашает меня за собой. Там он кладет мой чемоданчик на полку и, показывая мне свободное место, улыбается, хлопает меня по плечу и говорит: «Нах Генф, гут» *, показывая рукою по направлению поезда. Тут только я сообразил, что у меня не хватило терпения подождать три минуты, чтобы сесть в поезд, идущий на Женеву. В Германии я был первый раз (до этого я был в Англии, Италии и во Франции), и такая точность и организованность меня поразили.

Дальше ехал без каких-либо приключений и прибыл в Женеву рано утром.

Показывая время от времени прохожим клочок бумаги, на котором был написан адрес А. Н. Потрессова⁹¹, я довольно легко нашел его квартиру. Отворил мне, как я потом узнал, сам А. Н. Потрессов. Показав ему клочок бумаги, на котором был написан его адрес, я произнес условленный пароль. Потрессов очень обрадовался моему приезду, ибо я был, если не ошибаюсь, первым приехавшим на съезд делегатом. Он распорядился, чтобы мне дали помыться, почистить платье, занылившееся в дороге, и всячески выражал радость по случаю моего приезда. Когда мы сели за чай, он не стал сразу спрашивать, как я ожидал, про Питер, про знакомых, а только о том, как я доехал, здоров ли и прочее, говоря, что эти вопросы он откладывает до прихода Ю. О. Мартова⁹², за которым он уже послал.

Через несколько минут пришел Мартов, и меня засыпали вопросами. Обоих чрезвычайно

---

* «В Женеву, хорошо».

радовали рассказы о развитии рабочего движения, о котором они, конечно, знали в общих чертах. Но их интересовала каждая мелочь из жизни подпольной организации, особенно заводской. Оказались у нас и общие знакомые, с которыми я расстался всего с неделю назад. Опять вопросы: как живут, не грозит ли им арест, здоровы ли, что наказывали и прочее и тому подобное.

Оба они мне очень понравились; точно большие, добрые дети, радовались они всякому нашему, даже маленькому, успеху, удивлялись, что я проработал год в качестве организатора района и не провалился. Потом я часто встречался с ними, особенно с Мартовым, много нашел в них отрицательных черт, особенно во время съезда, но первая с ними встреча и почти двухчасовая задушевная беседа навсегда врезались мне в память.

Зная обоих, особенно Мартова, по нелегальной литературе, я смотрел тогда на них как на людей особенных, тем более что, несмотря на то что участвовал больше трех лет в революционном движении, я до этой встречи ни разу не беседовал по душам с такими знаменитыми литераторами да еще революционерами. Помню, как порастил меня тогда внешний вид Мартова. В то время как Потресов — широкоплечий, с легким румянцем на щеках, с тщательно подстриженной бородой, в хорошем костюме — выглядел настоящим европейцем, Мартов был похож на бедствующего русского интеллигента. Лицо его было бледное, с ввалившимися щеками, жидкая борода всклокочена, на носу едва держалось пенсне, костюм сидел точно на вешалке, из всех карманов торчали газеты, брошюры, рукописи и т. п. Ходил он как-то сгорбившись, одно плечо выше другого, и

вдобавок еще заикался. Внешне фигура непрглядная. Но когда с ним беседуешь или слушаешь его речь, все эти внешние недостатки как-то исчезают, остается только колоссальное знание, острый ум...

Как жаль, что такой большой ум отошел затем от рабочего класса, а в решительный момент, когда рабочий класс осуществил то, к чему он его призывал в начале своей революционной деятельности, начал борьбу против этого класса.

В этот же день было назначено собрание искровцев, на котором должны были присутствовать все руководители партии. Мартов и Потресов предложили мне пойти с ними на это собрание, на что я, конечно, с радостью согласился. Наговорившись досыта, мы распростились с Мартовым (он куда-то спешил) и остались вдвоем с Потресовым. Тут уж я перешел на вопросы, а он мне отвечал. Побеседовав вдвоем около часу, мы пошли на собрание. Шел я на это собрание, где, как мне сказал Потресов, я увижу Плеханова, Ленина, Засулич и др., с бьющимся сердцем и в несколько торжественном настроении. После недолгой ходьбы по женеvским улицам, где Потресов часто раскланивался со знакомыми встречными, мы вошли в небольшую, заставленную книгами комнату, где нас очень любезно встретил профессорского вида седой человек. Потресов меня представил ему, но я не расслышал его фамилии, да и не интересовался, так как полагал, что это один из сочувствующих либералов, который предоставлял свою квартиру для собрания революционерам. Я с волнением ожидал прихода Плеханова⁹³, Ленина, Аксельрода⁹⁴, Веры Засулич⁹⁵ и других руководителей партии.

Через несколько минут пришел Мартов, а вслед за ним Г. В. Плеханов, которого я сразу узнал по виденным мною его портретам. Он очень радушно со мной поздоровался, спросил, как я доехал. Я пожал ему руку с каким-то благоговением, и, когда он сел с краю большого стола, стоявшего посредине комнаты, я, не отрывая от него глаз, смотрел на него в каком-то телячьем восторге. Не верилось, что я сижу в одной комнате с Плехановым, о котором я так много слышал и читал. Он сидел рядом с Мартовым и, показывая ему какие-то исписанные листки бумаги, тихо, но с горячностью что-то ему начал говорить. Минуты через три пришли две женщины в сопровождении человека с большой лысиной и, едва со мной поздоровавшись, уселись в противоположном от меня конце комнаты и стали тихо между собой разговаривать. Об одной из них, с седыми волосами, весьма небрежно одетой, я спросил тихо на ухо у Потресова, кто она. Он так же тихо сообщил, что это Вера Ивановна Засулич. Совсем не такой ожидал я увидеть героиню, стрелявшую в 1878 году в царского сатрапа Трепова. Она, просидев с минуту рядом с пришедшей с ною вместе женщиной, как-то порывисто вскочила, побежала к Плеханову, что-то шепнула на ухо ему, тот засмеялся; потом подошла к Мартову, взяла у него папирску, закурила и села рядом со мною. Весело поглядывая на меня, стала меня расспрашивать, как я доехал, как себя чувствую, как поживает Елена Дмитриевна Стасова и т. п. Я чувствовал себя с нею хорошо, но отвечал невпопад, так как все мое внимание было обращено на присутствующих и проходящих. После Засулич вошли еще двое или трое, которым меня также представил Потре-

сов, но фамилий которых я не разобрал. Потресон объявил заседание открытым. Что это было за собрание, я так и не знал; я с нетерпением ждал прихода Левина, Аксельрода, Дейча. О чем говорили, совершенно не помню. Помню только, что собрание проходило спокойно, говорил больше всех Плеханов, а за ним Мартов. Собрание продолжалось не больше часа. Пришедшая с лысым человеком женщина записала постановление, и потом все быстро, не прощаясь, разошлись. Я остался один с седым хозяином квартиры. Показывая ему на большой портрет, висевший у него на стене, я спросил, кто это.

— Это Кравчинский, — ответил он мне.

Я с восхищением начал вспоминать о его замечательном террористическом акте в 1878 году, произведенном среди белого дня в центре города, — убийстве шефа жандармов Мезенцева. Это мое восхищение Кравчинским поправилось старику (он уже тогда был старик в моих глазах).

— Это мой лучший друг! — воскликнул он. — А меня вы знаете? — спросил он меня.

— Нет, не знаю.

— Я — Дейч⁹⁶, — сказал он, мягко улыбаясь.

Это было так неожиданно, я так оторопел, обрадовался, что бросился его обнимать и крепко, крепко расцеловал его.

Кто тогда из нас, молодых революционеров, не восторгался героями «Народной воли!»⁹⁷ Кто не читал тогда прекрасных рассказов Кравчинского-Степняка — «Домик на Волге», «Штупдист Павел Руденко» и др.! Мы, захлебываясь, зачитывались рассказами Л. Дейча о его побегах из тюрем. Неудивительно, что я пришел в такой восторг, когда увидел лично одного из героев, так

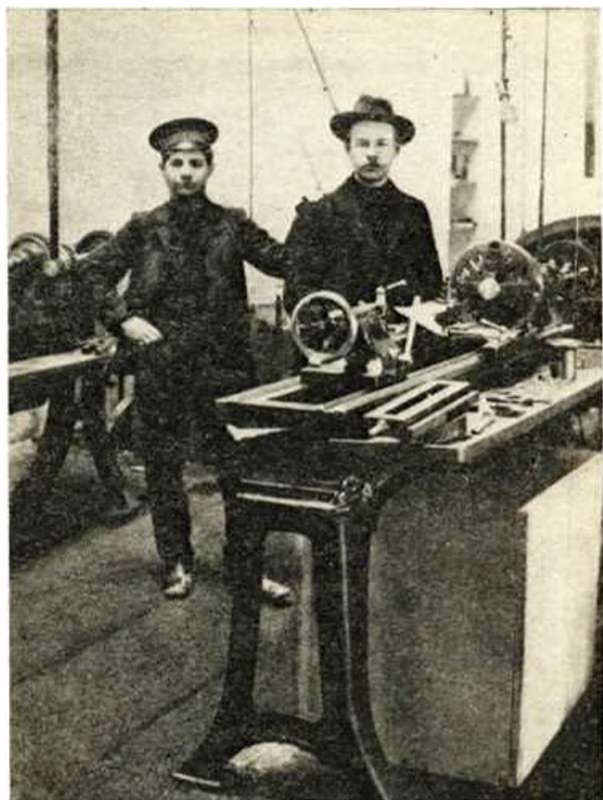
смело совершившего побег из киевской тюрьмы вместе с Фроленко и Стефановичем.

Когда Лев Григорьевич немного успокоился от моих неожиданных для него выражений восторга, мы уселись с ним за стол и долго беседовали на различные темы. Он очень подробно расспрашивал меня о подпольной работе в Петербурге, рассказал много интересного о жизни за границей. Перед тем как пойти на квартиру, которую мне уже подыскали где-то за городом, я стал расспрашивать его о присутствовавших только что на собрании. Признался ему, что почти половины фамилий я не расслышал, когда мне их рекомендовали.

Человек с рыжеватой бородкой и с большой лысиной, пришедший с Засулич и просидевший в углу во время собрания молча, был Ленин, а пришедшая с ним женщина — Надежда Константиновна Крупская. Только тут я вспомнил, что иногда Плеханов и Мартов обращались к нему как бы за подтверждением своих мыслей, и он нередко в знак согласия кивал головой.

Был ли Ленин в тот день, как говорится, не в духе или вопросы, обсуждавшиеся на этом собрании, были предварительно согласованы, не знаю, но он вспоминается мне при этой встрече молчаливым и немного суровым.

Делегаты на съезд понемногу съезжались. Приехал ростовский делегат Сергей Иванович Гусев⁹⁸, с которым мы с первой же встречи очень подружались. Это был не только хороший революционер, едва избежавший виселицы после знаменитых стачек в Ростове-на-Дону в 1902 году, где впервые в России комитет нашей партии собирал митинги, доходившие до нескольких тысяч человек, но он был еще и прекрасный, жизнерадостный

А. В. Шотман и И. С. Пятак * у станка. Одесса, 1905 г.

---

* См. о нем: «Радуга» (Киев), 1979, № 10, с. 144—148.

товарищ. Он был всегда в курсе всех совещаний и решений наших руководителей и всегда информировал нас, рабочих делегатов, об этих решениях. С ним мы иногда совершали большие прогулки в окрестностях Женевы, где вдали от чопорных женевских мещан распевали удалые русские песни, причем запевалой всегда был Сергей Иванович.

Незадолго до моего приезда в Женеву туда приехали и другие организаторы и участники ростовской стачки, за которыми, как за героями, стаями следовали русские курсистки и студенты, проживавшие в Женеве. Среди них выделялся Ив. Ив. Ставский, бывший душой ростовских событий. Вместе с ним приехал Афанасий — Мочалов, описавший тогда довольно подробно историю этих событий, и третий, приехавший с ними Зека — Михайлов, впоследствии оказавшийся злостным провокатором. Из конспиративных соображений нам, делегатам, было предложено воздержаться от знакомства с ними, как и вообще с проживающими в Женеве эмигрантами, за исключением очень узкого круга товарищей, которых нам рекомендовал Ленин или кто-либо из редакции «Искры».

Мы, рабочие делегаты, жили как-то обособленно от остальных приехавших делегатов, хотя и присутствовали почти на всех совещаниях делегатов, которые устраивались чуть ли не ежедневно. Смутно помню сущность споров на этих совещаниях, помню только, что споры иногда бывали весьма горячие.

Если на первом собрании, где я встретился с Лениным, он молчал, то о следующих собраниях этого сказать вельзя. Не помню хорошо, о чем шел спор на следующем собрании, где я впервые

А. В. Шотман с группой учащихся в училище «Труд». Одесса, 1905 г. Публикуется впервые.

слушал Ленина, но очень хорошо помню, что после первых же речей я был всецело на его стороне: так просто, ясно и убедительно он говорил.

Когда говорил Плеханов, я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина. Почему, право, не могу объяснить, но так было, и не только со мною, но и с другими рабочими-делегатами — Степановым и Андреем⁹⁹.

Когда мы втроем после таких собраний собирались у меня или у Андрея, мы каждый раз восхищались практическим чутьем Ленина, его знаниями и каким-то особенным умением излагать свои мысли.

Иногда Ленин после совещания предлагал нам пройтись с ним и побеседовать по душам. После этих бесед мы уходили еще более очарованными, хотя в этих беседах он ни разу не навязывал нам своих взглядов, не ругал инакомыслящих. Он очень ясно, как-то по-товарищески говорил, что он думает по данному вопросу.

По мере того как подъезжали делегаты, стали чаще устраиваться и собрания делегатов, иногда и без участия членов редакции «Искры», причем нас, рабочих делегатов, приглашали на все совещания, чему мы были очень рады, так как хотели добросовестно разобраться во всех малейших разногласиях и оттенках между делегатами. Очень хорошо помню споры, которые разгорались вокруг вопроса о популярном органе, т. е. нужен или не нужен, кроме «Искры», еще популярный нелегальный орган нашей партии в настоящий момент. Дело в том, что группа екатеринославских товарищей в это время издавала на юге популярную газету-журнал «Южный рабочий»¹⁰⁰. Мне ее приходилось читать еще в Петербурге, и, должен признаться, она мне нравилась, так как излагала те же мысли, что и «Искра», языком, понятным для широких масс рабочих, в то время как чтение «Искры» требовало некоторой подготовки. Так мне казалось. Но когда возник спор между Лениным и Плехановым о целесообразности издания двух органов и Ленин со всей присущей ему решительностью и настойчивостью стал доказывать бесполезность в данный момент параллельного, хотя бы популярного, органа, я захотел подробнее выслушать обе стороны.

По одному только этому спорному вопросу было устроено несколько собраний, и довольно бурных. Аргументы у той и другой стороны были убедительные.

тельные, и вам, рабочим делегатам, трудно было на первых порах стать на ту или другую сторону, так как «Южный рабочий» нам правился своим популярным изложением задач партии, а с другой стороны, мы в душе чувствовали, что два центральных органа — один за границей, другой в России — могут создать, пожалуй, осложнения.

На одном из наших собраний меня познакомили с Павлом Борисовичем Аксельродом. Он сразу завоевал мое сердце своим милым, каким-то отеческим обращением. Он подолгу беседовал с нами, то вместе, то с каждым из нас в отдельности. Он очень радовался, когда мы ему говорили, что брошюры группы «Освобождение труда» рабочими зачитываются до дыр. Мы очень с ним подружились и подолгу беседовали на всевозможные темы. Можно ли было ожидать тогда, что этот человек через 20 лет будет в рядах злейших врагов [российского пролетариата], будет бороться против того самого рабочего, которого он тогда с таким успехом учил бороться против гнета и угнетателей и который с таким успехом осуществил то, чему учил его тогда этот ныне предавший его учитель!

Однажды, не помню по какому случаю, я был приглашен «на чашку чая» на квартиру Георгия Валентиновича Плеханова.

В частной жизни Плеханов, как мне рассказывали, жил обособленно от остальной эмигрантской публики, и приглашения с его стороны кого-либо к себе на квартиру были чрезвычайно редки. Чем я заслужил такую честь, не знаю. Были на этом вечере, помню, Мартов, Засулич, Дейч, Потресов. Хозяин, по-видимому, был не в духе, так как разговор не клеился. Чувствовал я себя среди них на этот раз как-то неловко, не знал, куда руки

девать. Подавляла ли богатая обстановка и присутствие взрослых дочерей-барышень, не умеющих, как передавали, говорить по-русски (они с матерью при мне разговаривали только по-французски), или что другое, но чувствовал я себя на этом вечере весьма не по себе. К счастью, «визит» мой продолжался недолго, и я с облегчением вздохнул, выйдя на улицу.

Зато как хорошо я чувствовал себя у Ильича, куда я попал благодаря случайной встрече на одной из улиц Женевы, по которой Ильич несся на велосипеде. Шли мы в это время с Мартыном Николаевичем Лядовым, и Ленин, увидя нас, соскочил с велосипеда, взял нас под руки, и мы пошли к нему на квартиру¹⁰¹. Простая пролетарская обстановка, душевный прием, дружеская беседа за стаканом чая, а затем иногда маленькая прогулка за город. Но эти посещения Ленина были очень редки, так как Владимир Ильич был с утра до поздней ночи занят работой, главным образом подготовкой съезда. В перерывах между совещаниями я вместе со Степановым ходил в экспедицию «Искры» помогать работавшим там товарищам по отправке литературы в Россию. Там я познакомился с Литвиновым¹⁰², которого все называли почему-то Папашей. Папаша подробно познакомил нас с техникой экспедиции, отправлявшей огромное количество брошюр и газет в Россию. Довольно большое помещение на улице Каруж было завалено литературой, которую в одной из комнат паковали в специальной формы пакеты, тщательно заворачивая их в непромокаемую бумагу, так как пакеты эти, отправлявшиеся в Россию через контрабандистов, могли попасть в воду.

В одной из комнат Папаша вместе с Блюмен-

фельдом, заведовавшим искровской типографией, делал опыты над только что изобретенным способом печатать на цинковых листах. Способ этот заключался в следующем. На хорошо отшлифованный цинковый лист, чем-то смазанный, клали отпечатанный лист газеты (печаталась эта газета особой, коричневого цвета краской), тщательно его разглаживали, затем, в ясную погоду, газету с цинкового листа осторожно снимали, и на цинке оставался отпечатанный текст газеты. После этого проводили по цинку каучуковым валиком, обмазанным типографской краской, клали на цинк чистый лист бумаги, разглаживали ее чистым резиновым валиком и затем осторожно снимали. Получался чистый оттиск газеты. Особность цинка и краски состояла в том, что с этого листа, как бы стереотипа, можно было получить бесконечное количество оттисков газеты. С этим изобретением тогда очень возлились, предполагали, что во многих крупных центрах России можно будет таким способом воспроизводить не только «Искру», но и брошюры, а из-за границы будут посылать только оригиналы газет, отпечатанных особой краской. Почему этот способ не получил тогда у нас широкого распространения, не знаю. Было бы хорошо, если бы Литвинов рассказал подробнее об этом периоде искровской техники¹⁰³.

В это время партия социал-революционеров¹⁰⁴ была в зените своей славы. Убийства и покушения на царских министров, жандармов и губернаторов следовали одно за другим. Это увлечение единичным террором могло отрицательно отразиться на массовой агитации и пропаганде среди широких слоев рабочего класса, и как раз в такой момент, когда огромная волна массовых стачек и демон-

страций разливалась по России и все чаще и чаще раздавался на них лозунг: «Долой самодержавие!»

«Искра» учла это и открыла на своих страницах энергичную кампанию против такого одностороннего увлечения и призывала массы к организации своих рядов, призывала готовиться к организованному и массовому штурму самодержавия.

Между «Искрой» и «Революционной Россией»¹⁰⁵, органом эсеров, началась жестокая полемика. После очень ядовитого, талантливо и резко написанного фельетона «Тартюфы революционной морали», принадлежавшего перу Мартова и появившегося в очередном номере «Искры», эсеровская колония в Женеве, к которой присоединились и анархисты, вызвала «Искру» к общественному суду, вроде как на дуэль.

Редакция «Искры» вызов приняла, и в один из ближайших праздничных дней было решено устроить совместно с эсерами собрание и дать им решительный, словесный конечно, бой.

На совместное с эсерами собрание собралась чуть ли не вся русская колония в Женеве. Эсеры почему-то долго не появлялись, ждали их больше часа. Наконец мы решили объявить собрание открытым без эсеров. Плеханов поднялся на трибуну и, заняв председательское место, позволил и предложил открыть собрание. Тотчас же в задних рядах поднялся невероятный шум и крики. Что кричали, нельзя было разобрать, хотя и кричали во всю глотку. Этот шум и крики подняли, оказывается, анархисты, собравшиеся в довольно большом числе в зале.

Плеханов, окруженный на трибуне Лениным, Мартовым, Дейчем и др., спокойно ожидал, когда утихнут скандалисты. Но те не унимались. Мы,

искровцы, занимавшие переднюю часть зала, пытались себя сдерживать и молчали. Но какое-то брошешное Плехановым слово вдруг, точно взорвавшаяся бомба, подбросило анархистов, и те бросились к трибуне с поднятыми кулаками, а некоторые размахивали над головами растерявшейся публики схваченными стульями и даже револьверами. Положение становилось опасным, часть публики бросилась к выходу. Помню, как сейчас, как один известный в Женеве кавказский анархист, хромым на одну ногу, с дико вращающимися глазами, поднял над головой стул и, расталкивая публику, пробирался к трибуне. Я не утерпел, тоже схватил стул и стал пробираться на трибуну, чтобы встать на защиту Плеханова и других наших руководителей. Но они были уже окружены своими и продолжали спокойно смотреть на беснующихся анархистов. Я с поднятым стулом стал пробираться сквозь напирающую, бегущую к выходу толпу, чтобы сразиться с хромым анархистом, но как он, так и я были оттерты толпой в разные стороны к выходу. Эсеры так и не пришли, и эта довольно оригинальная дискуссия кончилась ничем.

Прожил я в Женеве в общем около полутора месяцев. К началу июля съехались почти все делегаты, часть из которых, не засажая в Женеву, направилась прямо в Брюссель, где решено было проводить съезд. Из многочисленных совещаний делегатов, на которых предварительно обсуждались все вопросы порядка дня предстоящего съезда, выяснилось полное единодушие съехавшихся искровцев. Казалось, что съезд пройдет дружно и не затянется. С этим настроением начали делегаты небольшими группами разъезжаться, чтобы встретиться в Брюсселе.

Мы, делегаты-рабочие (всего на съезд приехало только трое рабочих)¹⁰⁸, решили поехать вместе. К нам присоединился С. И. Гусев и, кажется, Царев — делегат от Донского комитета. Отъезд пришлось обставить конспиративно, чтобы не выследили место съезда, поэтому выезжали небольшими группами в продолжение нескольких дней. Билеты были заранее куплены, на вокзал пошли каждый в отдельности, но в вагон сели все вместе, причем в начале дороги старались не узнавать друг друга. Но уже в Германии забыли о конспирации и беседовали открыто.

По приезде в Брюссель остановились в гостинице, а дня через два нам подыскали комнату в одной из частных квартир, где мы трое поселились в одной большой комнате. Через несколько дней рядом с нами в маленькой комнате поселился также один из приехавших делегатов. Прописки паспортов в то время в Бельгии не требовалось, и нас никто не спрашивал, кто мы такие.

С обедами и ужинами устроились прекрасно. Какой-то бельгийский социалист, содержавший довольно солидный ресторан, предоставил этот ресторан в распоряжение съезда за приличную, конечно, плату. В этом ресторане собирались мы два раза в день, знакомились с вновь приезжающими делегатами и там же за столом продолжали наши беседы и споры, начатые еще в Женеве.

Иногда после ужина устраивали «концерты», на которых исполнителем являлся главным образом С. И. Гусев, обладавший прекрасным голосом. Не эти ли «концерты» обратили на нас внимание бельгийской полиции, через несколько дней после начала съезда организовавшей за нами слежку?

Наконец съехались все делегаты, кроме двух-трех арестованных в России, в числе которых, как мы узнали, был и третий делегат от Петербурга — Адель (Гольдман), тот самый, который провожал меня на съезд. Он был арестован на самой границе, при переходе через нее.

Помещение для заседаний съезда предоставляли нам бельгийские товарищи, главным образом профессиональные союзы. Помогал нам в то время и нынешний бельгийский министр Вандервельде¹⁰⁷. Помещения были весьма неудобны. По конспиративным соображениям заседания съезда происходили в различных частях города, большей частью в рабочих районах.

Не помню, при открытии ли съезда или на одном из первых заседаний нам пришлось по совершенно непредвиденному обстоятельству прекратить заседание. Собрались мы в довольно мрачном, почти без окон зале, где-то чуть ли не на чердаке. Сидеть пришлось на нестроганных сырых досках, стулья были только в президиуме, сидевшем тоже за столом из наспех сложенных таких же нестроганных досок. Едва открылось заседание, как среди делегатов началось какое-то странное движение, все начали как-то нервно вздрагивать, потом оглядываться. В президиуме тоже начали сначала переглядываться, потом шептаться. Через несколько минут один за другим делегаты стали вскакивать и нервно вздрагивать плечами и, как-то виновато оглядываясь по сторонам, быстро направлялись к выходу. Когда почти половина делегатов таким образом покинула «зал» заседания, кто-то из делегатов предложил прервать заседание и разойтись, так как сидеть стало совершенно невозможно... блохи кусали.

Когда выяснилась причина такой «нервной» обстановки, заседание помедленно было прервано, и все стремглав, почесываясь, бросились к выходу. Как потом выяснилось, бельгийские товарищи предоставили нам для заседания помещение, бывшее недавно складом не то шерсти, не то чего-то вроде этого, где блохи находили себе обильную пищу и расплодились в огромном количестве.

Недолго нам пришлось заседать под сенью бельгийской конституции. Насколько помню, удалось нам устроить всего 4—5 заседаний, на которых съезд успел только сконструироваться и принять порядок дня, или, как тогда говорили, «тагесордиунг».

В один далеко не прекрасный день бельгийская полиция предложила четырем нашим делегатам — Землячке, Гусеву, Кнупянцу и Зурабову — выехать из пределов Бельгии в 24 часа. Почему, зачем, никто не знал.

Ездили по этому поводу к Вандервельде, но тот тоже не знал причины высылки и обещал выяснить и заступиться. Из хлопот ничего не вышло, и четырем товарищам оставалось только собрать вещи и выметаться из «свободной» Бельгии. Кажется, дня на два им отсрочили пребывание в Брюсселе. Уже один этот факт расстраивал работу съезда, и встал вопрос о переезде в другое место. Но когда выяснилось, что и за остальными делегатами началась усиленная слежка, решено было переехать немедленно.

Наиболее подходящим местом для продолжения работы съезда признали Лондон; о продолжении же работы в Брюсселе нечего было и думать, так как слежка за нами приняла самый беззастенчивый, наглый характер. Мы, привычные к слежке в России, часто смеялись над неопытно-

стью бельгийских шпииков: они ходили за нами, совершенно не скрывая этого, и когда мы иногда, желая их подразнить, брали одиноко стоящего извозчика и уезжали, то шпиики некоторое время буквально бежали вслед за нами.

По дороге из ресторана до дому шпиики нас аккуратно провожали, и наконец однажды утром пришли к нам на квартиру два полицейских агента в штатском и затребовали у нас сведения, кто мы такие.

Так как мы не говорили по-французски, то оказались в несколько затруднительном положении; выручили зашедшие к нам Павлович (Красиков)¹⁰⁸ и Мартын (В. Розанов)¹⁰⁹, знавшие французский язык. Красиков часто к нам заходил и держал нас в курсе дел съезда, так как был в президиуме съезда.

Полицейские предложили нам заполнить опросный лист. Мне пришло в голову назваться нам всем трим... шведскими студентами. Я знал несколько шведских слов, а кроме того, знал, что шведы — народ благонадежный, никаких революций они не устраивают, и поэтому бельгийская полиция оставит нас в покое. Заполнив анкеты тут же мною выдуманскими фамилиями, вроде Сундстрем, Викстрем, Карлсон, родом один из Стокгольма, другой из Упсала, третий из Гетеборга, род занятий — студенты, по стольку-то лет, полицейские вежливо раскланялись и ушли. Степанов и Андрей только руками разводили, всожиданно превратившись в шведских студентов.

На следующее утро пришел полицейский чиновник и пригласил нас к начальнику полиции. С нами пошел, не помню хорошо, Красиков или Розанов. Начальник принял нас очень вежливо в большом кабинете, где сидело несколько полицей-

ских чиновников. У начальника на столе лежали наши анкеты. Он спросил, кто из нас Сундстрем, кто Карлсон, кто Викстрем. И тут среди нас произошло маленькое замешательство: мы забыли, кто из нас Сундстрем, кто Викстрем. Из беды выручил сам же начальник полиции. Он обратился к нам... на шведском языке. На очень ломаном языке он спросил, говорим ли мы по-шведски. Из этого вопроса я сразу сообразил, что он знает шведский язык так же, как и я, если не хуже, т. е. почти не знает. Я поспешил ему ответить по-шведски и что-то у него спросил. Он ответил невпопад: потом что-то спросил у меня, я тоже ответил ему ни к селу ни к городу, так как не совсем понял, что он спросил. Словом, «разговорились». Из того, как он гордо посматривал на своих подчиненных, я убедился, что он очень доволен, что мог на практике подтвердить свое знание шведского языка, чем он, вероятно, не раз хвастался перед своими знакомыми. После этого «разговора» все оказалось в порядке, и мы очень любезно распрощались, а на следующий день выехали в Лондон.

В Лондон приехало несколько человек в одном поезде. Сначала мы поехали по железной дороге до Остенде, оттуда на пароходе в Дувр, а из Дувра до Лондона опять по железной дороге.

Проживавшие в Лондоне Алексеев¹¹⁰ и Тахтарев¹¹¹ с женою заблаговременно подыскивали для нас квартиры, и все устроились довольно хорошо. Гусев, Степанов, Красиков, Андрей и я поехали прямо на квартиру Алексея, проживавшего где-то в районе Кингс-Кросс. Товарищ Алексеев проживал в Лондоне много лет, говорил хорошо по-английски и явился для нас незаменимым человеком. Он познакомил нас с обычаями и некото-

рыми достопримечательностями Лондона. Занял он небольшую комнату в третьем этаже и жил «по-студенчески» — как будто бы поселился на несколько дней и вот-вот уедет; питался он как будто одними консервами: пустые банки из-под консервов валялись у него во всех уголках комнаты...

Я со Степановым поселился в небольшой комнате, «в тихом семействе» англичанина, недалеко от квартиры Алексева, где мы часто затем собирались по нескольку человек и продолжали «преть» по поводу многочисленных выступлений на съезде.

Заседания съезда начались на второй день по приезде. Собирались, так же как и в Брюсселе, в разных частях города. Помещения нам предоставляли профессиональные союзы.

Однажды, в первые же дни после приезда, при выходе из одного заседания уличные мальчуганы начали бросать в нас гнилыми картошками, комками мокрой бумаги и прочей дрянью. Чем это было вызвано, не знаю. Вероятно, англичан возмутила эта разношерстная публика, продолжавшая на улице неоконченные споры, происходившие на съезде.

А толпа наша была действительно разношерстная. Какие только национальности и костюмы не были представлены делегатами! Одип Рашид-Бек (Аршак Герасимович Зурабов), ныне покойный, чего стоил, когда он со свойственной кавказскому темпераменту горячностью пачинал на улице убеждать инакомыслящих!

Когда мы на следующий день выходили из этого же помещения, у дверей стоял рослый английский полисмен, как оказалось, поставленный по просьбе профсоюза специально для охраны нашего съезда.

Заседания съезда происходили ежедневно с утра до вечера с небольшим перерывом на обед. Продолжался съезд почти полтора месяца¹¹².

Из 37 заседаний съезда в память врезались лишь заседаний десять, не больше. По неопытности ли или по каким другим причинам по некоторым, даже незначительным в конечном счете, вопросам прения чрезвычайно затягивалось, и казалось, им конца не будет. В таких случаях некоторые из нас, в том числе и я, грешный, незаметно скрывались и, гуляя по блестящим улицам, наблюдали за жизнью европейского города. Единственным, кажется, делегатом, не пропустившим не только ни одного заседания, но даже ни одного слова выступавших делегатов, был В. И. Ленин.

И действительно, как теперь известно, если бы Ленин не следил так внимательно за работами съезда и не вел почти протокольных записей, очель многое пропало бы для истории нашей партии.

Только благодаря Ленину некоторые вопросы, казавшиеся делегатам на первый взгляд несущественными, поднимались на принципиальную высоту, и в спорах по этим вопросам выявлялись иногда глубочайшие разногласия между будущими большевиками и меньшевиками. Многие ли, например, из делегатов придавали большое значение спору Ленина и Плеханова с Потресовым и Мартовым об отношении нашей партии к либералам? Многие из нас удивлялись горячности Ленина из-за «пустячной», как некоторым казалось, разницы в формулировках предложенных резолюций. К сожалению, этому важному вопросу не удалось уделить на съезде должного внимания, и прений по этому вопросу почти не было, так как

в порядке дня этот вопрос стоял в конце, а съезд и так очень затянулся. Помню, что голосовали предложенные резолюции в конце заседания, стоя, собираясь выходить. И в конце концов приняли обе резолюции одинаковым числом голосов.

Не прошло и двух лет после принятия этих двух «с пустячной разницей» в формулировках резолюций, как жизнь показала на практике 1905—1907 годов, насколько правильной было сформулировано предложение Ленина и Плеханова об отношении нашей партии к либералам и как не пустячна была разница в формулировках.

Смысл резолюции Ленина и Плеханова был, грубо, таков: используем либеральную буржуазию в борьбе против самодержавия, но вместе с тем будем объяснять рабочему классу, что либералы—враги рабочего класса, что и после свержения самодержавия они будут эксплуатировать рабочий класс и попытаются согнуть его в бараний рог.

Потросов же, поддержанный Мартовым и другими будущими меньшевиками, говорил приблизительно так: в борьбе с самодержавием мы должны идти вместе с либеральной буржуазией, а чтобы она нас не надула, мы поставим ей условие, чтобы она выставила в своей программе требование всеобщего избирательного права и вообще не выставляла бы таких требований, которые бы шли вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняли сознание их.

Только из вышедшей в 1904 году брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», прочитанной мною по выходе из тюрьмы в 1905 году, я понял, какая существенная разница заключалась в этих двух принятых съездом резолюциях. Предательство кадетов (либеральной буржуазии) в 1904—1907 и в следующие годы особенно убедительно

показало, как прав был Ленин, так горячо отстаивавший свою резолюцию.

Особенно затянулись и накалились прения по вопросу о месте Бунда в партии. Бунд¹¹³ через своих делегатов Либер, Медема, Коссовского и других (всего делегатов Бунда на съезде было 5 с решающим голосом и один с совещательным) доказывал, что он является единственным представителем еврейского пролетариата в России, и требовал, чтобы Бунд входил в нашу партию на федеративных началах, в то время как большинство съезда предоставляло Бунду такую же автономию, которой пользовались все организации партии. Вокруг этого вопроса пришлось «прететь» несколько заседаний.

Главным оратором от Бунда был Либер, тот самый меньшевик 1917 года, но без Дана¹¹⁴. Оратор он был первоклассный, и речи его, пылкие, красиво построенные, слушали мы с удовольствием, а ударным местам даже аплодировали, но по существу его выводов и предложений доставалось ему основательно от таких мастеров дискуссии, как Плеханов, Ленин и Мартов (Мартов к этому времени еще не успел объединиться с бундовцами, так как вопрос о Бунде обсуждался в начале съезда). Помню, как меня возмущали домогания бундовцев, и хотя я не решался выступить против них с трибуны, но репликами старался доказывать бундовским ораторам свое отрицательное отношение к их неправильной установке.

Отдавая должное прекрасной организации еврейских рабочих и ремесленников, с восхищением следя за их героической борьбой с капиталистами-эксплуататорами, мы все же не могли пойти на организацию нашей партии на федеративных началах, как того требовали лидеры Бунда. В со-

ответствии с такой постановкой вопроса, т. е. против федерации, и была принята резолюция. И все же, несмотря на такой, казалось бы, простой вопрос — автономия или федерация, на обсуждение его ушло много заседаний. Происходило это потому, что бундовские делегаты при обсуждении их вопроса говорили по поводу каждой запятой длиннейшие речи, прерывали заседания, чтобы у себя на делегации обсудить чуть ли не каждое выступление против них Лепина, Плеханова или Мартова. Если не ошибаюсь, больше всего времени отняло у нас обсуждение вопроса о месте Бунда в партии.

Напечатанный в «Искре» и «Заре»¹¹⁵ проект программы партии еще задолго до съезда и, как теперь говорят, «проработанный» в тогдашних комитетах и кружках, очень долго обсуждался в программной комиссии и не вызвал особенно больших и горячих споров, какие были почти по всем другим вопросам порядка дня съезда.

Хотя представителям «Рабочего дела», или «экономистами», и было внесено огромное количество мелких и мельчайших поправок и поправочек, но проваливались они как-то уж очень быстро и дружно. Между прочим, три делегата-рабочедельца — Акимов-Махновец, его сестра Брукэр и Мартынов — доставили нам много забавных и еще больше досадных минут.

Не только при обсуждении программы вносили они часто совершенно нелепые поправки, но буквально по всем вопросам. Хорошо, если бы они ограничивались только предложением поправки, но они каждое свое предложение мотивировали длиннейшими и скучнейшими речами.

Когда Мартынов, Акимов и Брукэр демонстративно ушли со съезда¹¹⁶, что означало то же,

что уйти из партии, не согласившись с постановлением съезда о ликвидации их рабочедельческой организации, никто не выразил по этому поводу сожаления. Наоборот, появилась надежда, что работа съезда пойдет значительно быстрее. А Плеханов даже сказал по этому поводу, как тогда рассказывали: «Ушел Мартын с балалайкой».

Также без какого-либо трагизма ушли и делегаты Бунда, когда съезд не согласился строить партию на федеративных началах.

Многие из делегатов даже выражали сожаление, что они раньше не ушли, тогда некоторые предложения антиленинцев не получили бы большинства голосов, как, например, при голосовании § 1 Устава партии.

Особенно горячие прения разгорелись при обсуждении Устава партии, главным образом по поводу формулировки § 1. Очень многим сначала казалось, что существенной разницы между редакцией, предложенной Лениным, и редакцией, предложенной Мартовым, нет.

Проект Ленина сформулирован так: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Проект Мартова гласил: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Действительно, на первый взгляд и необразишь особо существенной разницы. Даже Плеханов полусуто говорил: «Послушаешь Ленина — Ленин прав, слушаешь Мартова — Мартов прав».

Но когда открылись прения и по этому вопросу высказалось несколько ораторов, для всех стало ясно, какие глубокие разногласия таятся в этих двух резолюциях о членстве партии.

Ленин требовал, чтобы членом партии считался только тот, кто подчиняется партийной дисциплине как член той или другой партийной организации, а Мартов считал возможным называться членом партии, не входя в какую-нибудь организацию.

Нужно было слышать Ленина, с какой горячностью и настойчивостью отстаивал он свою формулировку, чтобы понять, какое огромное значение он придавал правильной организации партии. Он снова и снова доказывал, что партия будет сильна только тогда, когда все ее члены будут связаны между собою не только тем, что признают ее программу и платят членские взносы. Нужно, чтобы каждый достойный называться членом революционной пролетарской партии принимал бы активное участие в ее опасной работе, а не только оказывал какое-то содействие. Не может быть членом партии какой-либо либеральный буржуа, предоставивший свою квартиру под собрание кружка.

Как почти при всех вопросах, где будущее меньшевики спорили с Лениным, к ним присоединялись бундовцы, рабочедельцы Акимов и Мартынов и вносили такие поправки, от которых на первых порах даже некоторых не определившихся еще будущих меньшевиков коробило. Так случилось и с поправкой Акимова, который, будучи последовательным правым и не скрывая этого, предложил формулировку § 1 Устава в такой редакции, благодаря которой членом партии мог называться кто только желает. Его формулиров-

ка гласила: «Членом партии признается всякий, кто в основном признает программу», а дальше, как у Мартова.

После очень долгих и очень горячих прений § 1 Устава благодаря голосам еще не ушедших со съезда пяти бундовцев и трех рабочедельцев был принят в редакции Мартова.

Особенно ярко воскресают в памяти заседания, посвященные выборам центральных учреждений партии. К этому времени вполне определились принципиальные разногласия, разделившие съезд на две почти равные половины.

Еще до того как официально на съезде был поставлен вопрос о составе будущей редакции центрального органа, нам, делегатам, было известно о тех постоянных трениях, которые происходили между шестью редакторами «Искры». Редакция состояла из следующих лиц: Ленин, Плеханов, Мартов, Засулич, Аксельрод и Потресов. В редакции часто возникали разногласия, в которых Ленин очень часто подавлялся голосами Аксельрода, Засулич и Потресова, всегда голосовавших с Плехановым.

Помимо этого, нам было известно, что писали в «Искре» и вели практически организационную работу партии первые трое, а остальные очень редко помещали свои статьи (например, Аксельрод за три года поместил только три статьи, и те не руководящие), а в организационной работе совсем не принимали участия. Когда встал вопрос о выборе редакции центрального органа партии, каковым съезд утвердил «Искру», было внесено два предложения: выбрать старую редакцию и второе — выбрать тройку.

Совершенно правильное принципиально и практически предложение избрать редакцию по-

движную, из трех лиц, фактически работавших в «Искре» и фактически создавших революционное крыло социал-демократии, известное тогда под именем «искровцев», вызвало со стороны будущих меньшевиков невероятное озлобление против Ленина, внесшего такое предложение.

Каких только выражений мы, сторонники этого предложения Ленина, не слышали со стороны этих будущих предателей рабочего класса! Стыдно и больно было слушать от революционеров, каковыми они до этого были в наших глазах, обывательские рассуждения об обиде и неуважении к ветеранам революции. Такие люди, как Розанов, один из редакторов закрытого съездом органа «Южный рабочий», особенно бесновались, и мы, делегаты-рабочие, хотя еще и не опытные в политике, все же понимали, что беснуется он не только за обиду ветеранов, но и за то, что закрыли «Южный рабочий». Особенно как-то злило всех этих будущих меньшевиков, что к предложению Ленина в этом вопросе присоединились все три рабочих делегата. Во время голосования, когда мы голосовали за редакцию в числе трех — Ленина, Плеханова и Мартова, — к нам подбежал Л. Г. Дейч и с какой-то страшной жестикуляцией, с искаженной, точно от великого страдания, физиономией укорил нас за измену основателям группы «Освобождение труда»¹¹⁷, каковыми были Аксельрод и Засулич.

Было досадно, что все это было перенесено на личную почву, на обиду, тогда как мы, голосуя за тройку, вовсе не хотели кого-то обижать, кому-то изменять.

Съезд избрал ответственную редакцию из трех лиц: Ленина, Плеханова, Мартова. Мартов отказался вступить в редакцию. Съезд поручил Ле-

пину и Плеханову кооптировать в состав редакции, кого они пайдут необходимым.

Центральный Комитет был избран из трех товарищей, причем от голосования отказались все антилеппицы.

По конспиративным соображениям оглашена была только фамилия одного из избранных, покойного Вл. А. Носкова¹¹⁸, известного нам тогда под именем Бориса Николаевича.

Двое других, избранных в первый большевистский ЦК, были Г. М. Кржижановский¹¹⁹ и Ф. В. Ленгиник¹²⁰.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

II съезд партии закрылся, расколовшись почти на две равные части¹²¹. Последние дни съезда проходили в чрезвычайно накаленной атмосфере. Дело чуть не дошло до рукопашной, и только вмешательство В. И. Ленина предотвратило скандал, инициатором которого я чуть не оказался.

Произошло это таким образом.

Один из делегатов¹²², еще до открытия съезда, а затем в начале его шедший в тесном контакте с группой Плеханова и Ленина, к концу съезда переметнулся на сторону группы Веры Засулич, Аксельрода и др., т. е. будущих меньшевиков. Это меня страшно возмутило. Не умея тогда выступить против него словом, я решил его просто-напросто поколотить. Мускулы у меня были крепкие, и я был уверен, что взбучку я ему дам основательную.

Возмутило меня не только то, что он переметнулся, но главное то, что всего каких-нибудь две-три недели тому назад по одному спорному вопросу он так красноречиво и убедитель-

но говорил в защиту ленинского взгляда по этому вопросу, что убедил не только меня, но и других рабочих делегатов — Степанова и Андрея, колебавшихся в этом вопросе, а теперь с таким же красноречием и убедительностью говорил совершенно противоположное. Как раз незадолго до этого я прочел рассказ Лабуле «Принц-собачка». Там выведен буржуазный адвокат Стрекотуха-Говорун, который на пари произнес две речи — одну обвинительную против преступника, другую в защиту его. Обе речи были одинаково убедительны, и адвокат выиграл пари.

Незадолго до закрытия заседания я отвел Степанова и Андрея в отдельную комнату и там признался им, что сейчас же по выходе делегатов из зала заседания я ударю этого делегата по физиономии. Я был настолько потрясен всем происшедшим в этот день на заседании, дрожал как в лихорадке, и наконец нервы не выдержали — я разрыдался как ребенок. Степанов, сам едва сдерживая рыдания, уговаривал меня не учинять скандала, но я стоял на своем. За несколько минут до окончания заседания к нам в комнату вошла Надежда Константиновна Крупская и стала меня также отговаривать от моего дикого намерения. Оказывается, Андрей успел сбегать в зал и сообщить Надежде Константиновне о моем решении учинить драку.

Когда ее уговоры не подействовали, она ушла, а я вышел в коридор, где и намеревался приступить к действию, как только делегаты начнут выходить из зала. Через несколько минут заседание кончилось. Одним из первых вышел Владимир Ильич, подошел ко мне и, щуря свой левый глаз, дружески улыбаясь и покачивая головой, шутливо произнес:

— Ай-ай-ай! Что это, товарищ Берг*, вы задумали?

Затем взял меня под руку и повел к выходу.

Погода была отвратительная, обычная в Лондоне осенью: шел мелкий дождь, туман, хотя и не очень густой, едва позволял видеть другую сторону улицы. Продолжая держать меня под руку, Владимир Ильич повел меня по этим мокрым улицам и как-то по-отечески журил меня сначала за мое намерение пустить в ход кулаки и, объяснив, что только идиоты полемизируют кулаками, стал мне подробно рассказывать о наших партийных делах, о внутрипартийных разногласиях, в чем их суть, и затем откровенно поведал мне, как трудно ему было работать в редакции «Искры», где сидело шесть редакторов и почти по поводу каждой статьи у них были разногласия. Очень часто голоса в редакции делились поровну и нельзя было принять какое бы то ни было решение. Намерение же некоторых делегатов ввести в редакцию седьмого только осложнит руководство, и фактически репать будет этот седьмой. Лучший выход из положения — это выбрать редакцию центрального органа партии из трех лиц. Заговорил он о редакции потому, что на завтра или послезавтра съезду предстояло решить этот вопрос.

Разговаривая (вернее, говорил один Владимир Ильич, а я только изредка задавал вопросы) таким образом, мы прогуляли по лондонским улицам около часа. Само собой разумеется, после этой беседы весь мой воинственный пыл остыл. Я вернулся домой и подробно передал Степанову все, что Владимир Ильич мне говорил.

---

* Под этим именем я числился на съезде.

Большинством, хотя и небольшим, все предложения Лепипа, к которым присоединился и Плеханов, были приняты, и съезд закрылся, как я уже сказал, расколовшись на две почти равные части.

По окончании съезда стали торопливо разъезжаться. Атмосфера создалась нестерпимая, обе стороны между собой перестали разговаривать и даже здороваться.

Чуть ли не на второй день большинство делегатов разъехалось, причем меньшинство, т. е. «меньшевики», уехало общим поездом, а большинство — «большевики» — другим. Если не ошибаюсь, большинство делегатов-меньшевиков уехало в Париж, а большевики — в Женеву. Лично мне не было необходимости ехать в Женеву, откуда затем делегатов направляли через границу нелегально, так как я имел легальный заграничный паспорт и мог выехать прямо из Лондона в Финляндию.

Проводив Ленина и других большевиков, я остался в Лондоне дня на два, так как пароход из Гарлича до Гамбурга отходил только через два дня. Эти два дня я провел в обществе Л. Г. Дейча, несмотря на то что он был сторонником меньшинства. С ним мы осмотрели различные достопримечательности Лондона, побывали в некоторых музеях. По молчаливому уговору, споров, происходивших на съезде, мы не касались, чтобы не испортить друг другу настроения, и говорили мы с ним почти исключительно о том, что осматривали. На вокзал пришел меня провожать один только Л. Г. Дейч, остальные успели разъехаться. Дружески с ним расцеловавшись, я сел в поезд, чтобы через два часа сесть на пароход и направиться в Россию. Зная, что в Гельсингфорсе ме-

ня, как финляндского гражданина, обыскивать не будут, я захватил с собою кое-какую нелегальную литературу, в том числе книгу Владимира Ильича «Что делать?».

Несмотря на осень, море было спокойно, и я проехал на пароходе сначала в Гамбург, а затем через Любек на другом пароходе благополучно доехал до Гельсингфорса. По дороге я еще раз внимательно прочел «Что делать?», и на этот раз мне стало совершенно ясно, что делать — и делать именно так, как говорил В. И. Ленин. До Петербурга я доехал без помех. Прежде чем пойти домой, где я мог нарваться на шпиков, я зашел к одному товарищу, который до моего отъезда оказывал мелкие услуги нашей организации. От него узнал, что Н. Н. Юников, которого я оставил в качестве своего заместителя организатором Выборгского района, жив и здоров и прекрасно справляется со своей работой. По окончании работ на заводах я зашел к Юппкову, передал ему привезенную литературу, которую его жена немедленно отнесла в безопасное место, и стал подробно рассказывать ему о работах и решениях съезда. Он меня также информировал о положении дел в организации, радуясь успехам, гордился, что, по данным Петербургского комитета, Выборгский район как по количеству членов, так и по качеству стоит на первом месте. Разговаривая таким образом, мы и не заметили, как прошло время. Когда я собрался уходить, было уже далеко за полночь. Надежной квартиры, куда бы я мог пойти ночевать, да еще так поздно, у меня не было. Юников предложил мне остаться ночевать у него, на что я и согласился.

Не успели мы еще как следует заснуть, так как еще лежа мы продолжали беседу, раздался

сначала звонок, а затем громкий стук в дверь. Комната, которую занимал Юников, помещалась в первом этаже деревянного дома по Сампсоньевскому проспекту и, как теперь говорят, имела жилой площади не более девяти квадратных метров.

Кто-то из жильцов открыл дверь, и через минуту в папу комнату ворвалась орава полицейских и дворников во главе с приставом.

Я, лежа на полу, прикрывшись своим пальто, притворился спящим. Обыск произвели самый поверхностный, совершенно не тронув меня. Из допроса, который пристав учинял Юникову, я понял, что полиция имеет предписание, безотносительно от результатов обыска, Юникова арестовать. Когда допрос окончился и все было записано, пристав быстро встал, сказав Юникову:

— Одевайтесь, вы арестованы!

Я ухитрился одним глазом взглянуть на Юникова, стоявшего против пристава в одном белье, и, когда пристав заявил, что он арестован, Юников как-то спокойно сказал:

— Ну что ж, ехать так ехать.

Пока Юников одевался, наступила тишина. Вдруг слышу:

— А это кто тут на полу валяется?

— А это тут один мастеровой, знакомый жепы, завалился поздно к нам в пьяном виде и заснул, — говорит Юников.

— А ну-ка разбуди его! — сказал пристав.

Я сообразил, что надо притвориться пьяным. И когда один из дворников стал меня будить, я сначала не подавал признаков жизни и только мычал. Долго трясли меня дворник и городской. Накопец я «проснулся», не вставая промычал в ответ на вопросы пристава свою фамилию, местожительство и прочее и вновь, закутавшись в свое

пальто, захрапел. Назвал я свою настоящую фамилию, так как мой заграничный паспорт был при мне и в случае обыска все равно бы узнали, кто я. Конечно, если бы обыск производили жандармы, они бы меня без обыска не оставили, но полиция была еще в то время недостаточно опытная, и меня даже не обыскали. Юникова увели. Я, оставив его жене несколько рублей, поспешил через несколько минут покинуть квартиру. На Черной речке жил один мой приятель детства, куда я и направился. Там прожив два дня, я пошел на явку к Елене Дмитриевне Стасовой¹²³. Адрес этот я получил в Лондоне от Бориса Николаевича — В. А. Носкова, выбранного на съезде в ЦК. Елена Дмитриевна по-прежнему продолжала работать в качестве секретаря ПК. Одна из ее явок помещалась в больнице князя Ольденбургского на Литейном проспекте, в комнате не то врача, не то фельдшерицы. Увидав меня, она очень обрадовалась и закидала меня вопросами, так как я был первым делегатом, привезшим сведения о съезде. Без колебаний одобрила она мое поведение на съезде, погоревала несколько, что Мартов не пошел до конца вместе с Лениным. Долго мне пришлось рассказывать, как проходил съезд, она интересовалась всякой мелочью, касавшейся работы съезда, и отношениями каждого делегата к отдельным вопросам, обсуждавшимся на съезде¹²⁴. Мое сообщение об аресте Юникова заставило ее насторожиться. Расспросив подробно, как вела себя полиция, она пришла к заключению, что Юникова не просто выследили, а что тут что-то другое, возможно, тут имеет место предательство. Если не ошибаюсь, в это же время был арестован и член комитета А. А. Дивильковский.

А. В. Шотман с женой и сыном. 1917 г. Публикуется впервые.

— Надо предупредить публику, — решила она и заторопилась уходить.

Сначала было мы решили, что я сделаю доклад в ПК, но затем она решила посоветоваться по этому поводу с другими членами комитета, а меня просила никуда не ходить, чтобы не провалиться. Условившись встретиться тут же через два дня, я ушел к своему приятелю на Черную речку, где и провел эти два дня.

Когда я вновь встретился с нею, она была очень озабочена: сообщила об арестах в различных районах города, по преимуществу среди рабочих; мне посоветовала немедленно выехать из Петербурга в Псков в распоряжение нового ЦК, куда мне еще в Лондоне дал явку Борис Николаевич.

Перед отъездом мне удалось все же повидаться с матерью в квартире у одной нашей знакомой, не имевшей никакого отношения к организации и даже не знавшей о существовании таковой. Матушка моя страшно обрадовалась, увидев меня здоровым и невредимым, и, только когда я ей сказал, что приходится из Петербурга уезжать и неизвестно, когда увидимся вновь, слезы показались у нее на глазах. Оставив ей и брату-калеке несколько рублей из денег, полученных мною на дорогу, я распрощался с ней и в тот же день уехал. Встретился я с матерью только через два года, в течение которых она страшно бедствовала, как я потом узнал.

В Псков я приехал рано утром. Городе еще спал, когда я шагал по улицам, направляясь на явку. Адрес и пароль дал мне Борис Николаевич к местному ветеринарному врачу (фамилию забыл), который должен был устроить мне свидание с В. Н. Соколовым, ведавшим в то время техни-

Е. Ф. Шотман (Куркова),
жена А. В. Шотмана.
1908 г. Публикуется впер-
вые.

кой и складами пелегальной литературы искровской организации. Пароль, придуманный Борисом Николаевичем, был довольно курьезный и имел три степени или значения в смысле доверия, которого заслуживает присланный на явку.

Если, например, приехавший на явку знает только одну фразу и не знает продолжения, то я посвящается он в дела только третьестепенного значения, т. е. познакомят его с каким-нибудь рабочим из кружка, или студентом, или гимназистом, имеющим кое-какие связи среди своих сверстников. Две фразы — это уже человек, заслуживающий доверия настолько, что его направляли прямо в кружок, знакомили с некоторыми членами комитета и т. п. Те же, кто обладал полным паролем, заслуживали полного доверия наряду с членами ЦК.

К В. Н. Соколову у меня был полный пароль; к врачу же, который должен был меня познакомить с ним, у меня был пароль в две фразы.

Жил тот врач в Завеличье, занимая небольшой особняк на берегу реки Великой.

Проблуждав по городу порядочно времени, когда, по моим расчетам, врач должен был уже проснуться, я направился к нему. Одет я был более или менее прилично и поэтому пошел к вра-

Томсбург 23-го марта.

Здравствуй тебе, дорогой Борис
Юсевич!

Простите, пишу не милым Вам
клеткам советам вашим не читал! fully
интересно бы хотелось; со мной на деле буду.
В общем здесь очень весело, хотя
в общем иногда здесь все время
хорошо, тепло. Хочу на лекции,
но там, наша работа идет.

Очень приятно Вас свидеться к
Клину, уезжает, здоровья и она
доброе слово даю и так же как
люблю, не знаю, пишу с ней.

Присылаю откровенно по
адресу: Вильямовская улица,
Томсбург пер. 2. 8, кв. 8. Павел
Александр Шолохов. Присылаю
вам привет! И надеюсь на Кашу
оно будет у вас? Собираюсь!
Хорошо прощайте. Ваш А. Ш.

Получил ли письмо от Шотмана?

Письмо А. В. Шотмана в Одессу Б. Ю. Мирскому. 1908 г. Публикуется впервые.

чу через «парадный» ход. Открыл сам врач. Убедившись, что в комнате, кроме нас, никого нет, я произнес пароль: «Битва русских с кабардинцами», на что он должен был ответить: «Или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа».

Увидать впервые человека и ни с того ни с сего произнести эту чушь было так смешно, что

оба рассмеялись. Какие были дальше слова, сейчас не помню. Угостив меня чаем, он стал соображать, как бы конспиративнее обставить мое свидание с В. И. Соколовым. Кроме Соколова у меня был еще пароль к Сигарычу — В. Л. Горву...¹²⁵.

Врач решил, что лучше если я сначала встречу с Сигарычем, а тот уже сведет меня с Соколовым. На этом и порешили. Чтобы встреча моя с Сигарычем произошла с максимальной гарантией безопасности и чтобы, в случае если за кем-нибудь из нас будет слежка, не провалить его квартиру, он придумал следующий план. На противоположной стороне набережной, на берегу реки, стояла скамейка. Скамейка была видна из окна его квартиры. Часа через три, пока он разыщет Сигарыча, я должен прийти, сесть на скамейку и ждать, когда на нее сядет человек с черной бородой. Как только он сядет, я должен вынуть из кармана газету «Новое время» и синим, обязательно синим, карандашом водить по этой газете. Когда человек с черной бородой, т. е. Сигарыч, увидит это, он обратится ко мне со словами, не помню какими, на что я должен ему ответить тоже словами, тут же нами придуманными.

Делать нечего, пришлось идти в город коротать время. В городе купил «Новое время», синий карандаш, поспел в трактире, исколесил почти весь город и через три часа, ровно к назначенному часу, подошел к скамейке и сел ожидать человека с черной бородой. Прошло добрых полчаса, прежде чем явился человек с черной бородой. Как только он сел рядом со мной на скамейку, я вытащил из кармана газету и начал чертить на ней, делая вид, что я что-то отмечаю. Погода была хорошая, по реке молодежь каталась на лодках, иногда издали доносилась заушевная песня

с реки, а мы с соседом смотрим на катающихся и молчим. Прошло довольно много времени, я испытал чуть ли не всю газету, а человек с черной бородой... молчит. Я в недоумении оглядываюсь и случайно взглянул на дом врача. Там, в раскрытое окно, вывалившись на половину туловища, стоял доктор и бешено махал руками. Я немного близорук и носил очки. Но тут, как раз не доезжая Пскова, одно стекло у меня разбилось. Я вынул из кармана оставшееся стекло, приложил к глазу и увидел, что врач не просто машет мне руками, а делает знаки, из которых я понял, что сидящий со мной человек с черной бородой не Сигарыч, к каковому заключению и без сигнализации врача я пришел, когда исписал всю газету. Наконец мой сосед встал и медленно пошел вдоль набережной, а минуту спустя я тоже пошел по направлению к дому врача. Когда я проходил мимо его окна, он громким шепотом посоветовал мне свернуть в первый переулочек налево, что я и сделал. Когда я прошел несколько саженьей вдоль переулочка, меня нагнал врач и, не останавливаясь, прошептал мне сзади, хотя в переулочке не было ни живой души, чтобы я повернул обратно и шел прямо к нему на квартиру. Когда я вошел в кабинет, там сидел В. Н. Соколов, которому я и выпалил весь свой тройной пароль. И хотя же он над нашей «конспирацией». Ведь если бы в это время мимо нас проходил даже самый зашудалый шпик, он обязательно обратил бы на нас внимание и, конечно, учинил бы за нами слежку. Пока мы с В. Н. Соколовым сидели в кабинете, врач странно волновался, вскакивал, помянуто подбегал к окну, поглядывая зорко по обе стороны окна. По всему его поведению видно было, что трясит он до потери сознания. Не желая мучить

человека, мы с Соколовым поспешили распрощаться с гостеприимным хозяином и пошли на квартиру Сигарыча. Сигарыч жил на этой же стороне реки на даче. Идти было далеко. Встретил он нас приветливо. Я подробно рассказал им обоим, что произошло на съезде. Из обмена мнений по поводу происшедшего на съезде раскола я увидел, что Сигарыч очень доволен Лениным, причем очень удивлялся, как это Плеханов пошел на раскол.

Незадолго до моего приезда в Пскове были произведены аресты членов искровской организации, и поэтому публика наша была настороже. Мне было нечего делать в Пскове, так как центр нашей организации был переведен в Смоленск¹²⁶, куда я и должен был ехать на следующий день, где, по сведениям Соколова, уже находился Борис Николаевич.

Безопасную ночевку устроил мне все он же, неутомимый В. Н. Соколов, являвшийся в то время душой псковской организации. Поздно вечером привел он меня в довольно богато обставленную квартиру какого-то статского генерала. Встретила меня хозяйка дома очень радушно, познакомила со своей взрослой дочерью и сыном, учившимся в кадетском корпусе в Петербурге и приехавшим на побывку к родителям.

Чуть ли не с первых слов хозяйка, пожилая, в седицах, дородная женщина, сообщила мне, что она хорошо знакома с Верой Фигнер, Н. Морозовым, Лопатиным и др. пародовольцами, которым она в свое время тоже предоставляла ночевку. Перед тем как войти в эту квартиру, Соколов предупредил меня, что эта хозяйка замучит меня вопросами о революционных делах и что чем «страшнее» революционер, тем с большим востор-

гом и предупредительностью будет она к нему от-
поситься. Зная эту слабость хозяйки, В. Н. угово-
рился с нею, что приводить на ночлег будет толь-
ко таких революционеров, которым грозит боль-
шая опасность. Поэтому, приведя меня на квар-
тиру, он предупредил хозяйку, что я являюсь од-
ним из десяти революционеров, убежавших из ки-
евской тюрьмы. Этот знаменитый побег десяти
революционеров, среди которых были И. А. Пят-
ницкий, М. М. Литвинов, Н. Э. Бауман (убит в
Москве в 1905 году, бывший на II съезде делега-
том, голосовавший с большинством) и другие, на-
делал тогда много шума в России и окрылил то-
гда нас — молодых революционеров. Узнал я о том,
что являюсь одним из участников этого побега,
только перед уходом Соколова, так что ничего не
мог поделать. Сказать хозяйке правду тоже пель-
зя было. Это значило бы, что она больше не бу-
дет пускать нашего брата на ночевку.

Ругая в душе Соколова, пришлось волей-нево-
лей изображать на себя героя, так смело совер-
шившего побег из тюрьмы. А так как я еще в Же-
неве слышал подробности побега от самих участ-
ников, то врать мне было нетрудно. Позже при-
шел домой сам хозяин, и мы сели ужинать. Хозяин,
с большой раздваивающейся седой бородой, сидел
молча и, по-видимому, чувствовал себя не осо-
бенно хорошо в присутствии такого страшного
гостя, так как за весь ужин не проронил ни одно-
го слова. Хозяйка же с дочерью в каком-то те-
лячьем восторге угощали меня лучшими куска-
ми. После ужина дочь села за рояль и вместе с
братом-кадетом спела для меня «Марсельезу» и
несколько других революционных песен. Несмот-
ря на все это, чувствовал я себя весьма погано и
с большим облегчением покинул наутро этот госте-

примный дом, чтобы с первым же поездом уехать в Смоленск.

Поехал я через Витебск. В Витебске часовая остановка. Я вышел посмотреть город. Проходя по главной улице, я заметил впереди себя как бы знакомую фигуру. Ускорив шаги, я обогнал идущего, обернулся и увидел перед собою Гришу — Стернина, того самого Гришу, члена Петербургского комитета, которого арестовали в Петербурге незадолго до моего отъезда на съезд. Оба мы страшно обрадовались и тут же на улице, нарушив все правила конспирации, расцеловались. Рассказал он мне, как его арестовали (нашли небольшое количество нелегальной литературы). Продержав в доме предварительного заключения четыре месяца с небольшим, выслали его на родину, в Витебск, под особый надзор полиции, хотели было предать суду, но за отсутствием более серьезных улик, кроме хранения нелегальной литературы по одному экземпляру, ограничили высылкой.

Несмотря на то что приехал он в Витебск всего неделю тому назад, у него уже составилась хороший кружок искровцев из старых его знакомых ребят. Почва здесь, по его словам, для пропаганды благоприятная, так как в городе много ремесленников. Я обещал ему привезти литературу из Смоленска.

Явка в Смоленске у меня была к преподавателю... духовной семинарии. Этот преподаватель, как я потом узнал, был очень хороший знакомый Бориса Николаевича — Носкова; фамилии, к сожалению, сейчас не помню. Принял он меня очень хорошо, отвел мне отдельную комнату, заявив, чтобы я чувствовал себя как дома, так как никакому жандарму и в голову не придет явиться к нему с обыском. Через два или три дня приехал

Борис Николаевич и тоже остановился жить в этой же квартире. Днем Борис Николаевич большей частью бегал по делам организации, а вечером мы проводили время в беседах, из которых я много вынес знаний как теоретических, так и главным образом практических, которые так необходимы профессиональному революционеру, каковым я сделался, перейдя на нелегальное положение после ареста Ювикова.

Рассказав Борису Николаевичу о своей встрече со Стерниным, я вызвался сам доставить нелегальную литературу в Витебск. Дня через два, набив небольшой чемодан разными брошюрами и померами «Искры» и, кроме того, еще обвязав себя всякой нелегальщиной, я поехал в Витебск. Езды поездом от Смоленска до Витебска было всего три часа. В вагоне оказалось только одно свободное место против двух усатых жандармов. Поставив чемодан на пол, я запахнул пальто, чтобы скрыть неестественную толщину своего тела, обложенного нелегальной литературой, и устроился в окно. Через несколько минут завязался общий разговор, в котором и мне пришлось принять участие. Доставая из кармана папиросы и желая осторожно поправить на животе начавшую сползать литературу, я заметил, что у меня из-под жилета торчит угол какой-то брошюры в синей обложке. К счастью, жандармы, увлекшись разговором, не заметили этого. Я вышел в уборную, поправил связывавшие меня веревки и вернулся на свое место. На вокзале при выходе из вагона один из жандармов оказался настолько любезным, что помог мне вынести чемодан на перрон. Вышли мы с вокзала вместе, разговаривая как старые знакомые, так что ни одному из шпиков, обычно кишевших в это время на городских вокзалах,

и в голову не пришло бы утешить за мною слезку. Распрощавшись с жандармами, я направился прямо на квартиру Стервина, убедившись предварительно, что никакой слезки за мной нет. В тот же день Гриша — Стервин разнес привезенную мною литературу по надежным квартирам.

Перночевав у Гриши, я на следующий день вернулся в Смоленск. Через несколько дней Борис Николаевич направил меня в Ярославль, где незадолго до этого были произведены аресты. Поехал я через Москву, куда приехал рано утром. В Москве у меня не было ни одной знакомой души, так что в ожидании поезда, который уходил на Ярославль поздно вечером, мне пришлось весь долгий день провести на улицах города. Уже изрядно усталый, я забрел в Кремль и, осмотрев различные достопримечательности, залез на колокольню Ивана Великого, где, примостившись в одной из ниш колокольни, я и проспал часа два.

На следующий день я приехал в Ярославль. На явку, которую дал мне Борис Николаевич, идти было еще рано (около семи часов утра); пришлось опять знакомиться с городом, беспечно шагая по безлюдным еще улицам. Когда в восемь часов я постучал на квартиру, куда у меня была лямка, вышедшая прислуга сообщила, что «барин еще спит». Денег у меня в кармане было всего шесть копеек. Ходить по городу уже надоело, да и шпикеры могли обратить внимание; пришлось зайти в пивную, где за кружкой пива и просидел около часу, «пропив», что называется, последнюю копейку.

В девять часов «барин» все еще спал. И только в одиннадцатом часу, когда я пришел в третий раз, меня впустили в квартиру. Как потом признался мне хозяин квартиры, оказавшийся бра-

том Бориса Николаевича — Вас. А. Носковым, он видел меня из окна, когда я второй раз приходил, но я показался ему подозрительным, почему он и не решился меня впустить.

Так как пароль у меня был, так сказать, «первого класса», т. е. из трех фраз, то он решил меня отвести непосредственно к члену Северного комитета, в состав которого я был кооптирован еще в Смоленске. Товарищ, на квартиру которого привел меня «барин», был А. М. Стопани. До этого настоящей фамилии его я не знал, так как на съезде он назывался Дмитриевым (затем в протоколах съезда он фигурировал под фамилией Лавге). Стопани, отчасти обрадованный, отчасти смущенный неконспиративностью Носкова, так неосторожно приведшего меня прямо к нему на квартиру, принял меня очень тепло. Жил Стопани в очень скромно, если не сказать бедно, обставленной квартире из двух комнат с женой и тремя ребятишками. Работая, кажется, в земской статистике, Стопани являлся душой организации, объединившей Ярославль, Кострому, Иваново-Вознесенск, Кинешму и ряд фабричных поселков, как Шую, Кохму и др. Помимо чисто нелегальной работы, он являлся в то же время одним из руководителей ежедневной газеты «Северный край». Я еще на съезде близко сошелся с А. М. Стопани и теперь был очень обрадован, что придется вместе работать. За завтраком мы долго беседовали: он ввел меня в курс дела организации, предложил мне поменять паспорт, полученный мною в Петербурге, и обещал в тот же день познакомить меня с остальными членами комитета. Предоставив в мое распоряжение свою небольшую библиотеку, он куда-то ушел. Часа через три он вернулся и повел меня на заседание комитета.

На этом заседании было решено направить меня на работу в Кострому, куда я дня через три и поехал.

В Костроме в это время связи были почти на всех фабриках, хороший кружок молодежи был в ремесленном училище. В руководящую группу кроме Зеликсов и меня входили Софья Загайная, недавно вышедшая из тюрьмы, ведавшая техникой, «великий конспиратор»¹²⁷, фамилии которого я и тогда не знал, и еще один местный интеллигент.

Работа наша сводилась почти исключительно к пропаганде в кружках и лишь изредка к распространению прокламаций, напечатанных на гектографе в квартире Софьи Загайной. В печатании этих прокламаций приходилось участвовать чуть ли не всем членам руководящей группы, впрочем, не только в печатании, но и в распространении. Каждую новую прокламацию, напечатанную в квартире Софьи Загайной, мы обязательно рассылали почтой начальствующим лицам губернии: губернатору, прокурору, полицмейстеру, жандармскому полковнику и пр., одновременно разбрасывая их через наши кружки по фабрикам и мастерским¹²⁸.

Вскоре после моего приезда в Кострому мы узнали, что в губернской тюрьме голодают два политических заключенных¹²⁹, местные интеллигенты. Голодовка эта вызвала усиленные толки в городе и среди рабочих. Необходимо было на это реагировать. Было решено выпустить по этому поводу прокламацию. Написать ее взялись члены нашей группы. Одобрена была Соверным комитетом прокламация, написанная мною. К моменту выпуска прокламации заключенные голодали уже 16-й день. Написана прокламация было го-

рячо и кончалась чуть ли не призывом ко всеобщей стачке. Ее также разослали всем начальствующим лицам и широко распространили по фабрикам и мастерским, а также среди учащейся молодежи. На второй день после выхода прокламации оба были освобождены. Было ли это результатом нашего вмешательства или по каким-либо другим соображениям их освободили — не знаю.

Приезжал в это время на несколько дней к вам И. С. Белянчиков, бежавший из ссылки. Мы его использовали в качестве пропагандиста и в качестве техника по печатанию прокламаций. Уехал он от нас в Нижний Новгород, где незадолго до этого были большие аресты.

Прожил я в Костроме около 1½ месяцев. Вызвали меня в Ярославль с целью завязать связи с Корзипкинской мануфактурой¹³⁰, где, несмотря на все усилия Северного комитета, не удавалось не только кружка организовать, но даже простой связи завести хотя бы для распространения прокламаций. По приезде в Ярославль я переменял свой прежний паспорт служащего на паспорт рабочего Соловьева, нанял комнату и стал искать способа, как бы проникнуть на фабрику на работу. Все мои попытки кончались ничем. И когда однажды рано утром, несмотря на бдительную охрану, мне удалось с толпой рабочих проскочить на фабрику, разыскать мастера токарного цеха и переговорить с ним, мне все же не удалось поступить на работу, хотя там и требовался опытный токарь. Чтобы попасть туда на работу, необходимо было иметь рекомендацию по крайней мере трех человек, работавших на этой же фабрике, да кроме того удостоверения с тех заводов, где я раньше работал. Я, конечно, такой рекомендации и удостоверений достать не мог, и мне при-

шлось прекратить все попытки поступить на эту, так хорошо охраняемую от крамолы, фабрику.

Отсутствие связи с этой огромной фабрикой, где работало несколько тысяч человек, нам не давало покоя. Надо было во что бы то ни стало водворить туда своего человека. Для этого я предложил вызвать одного хорошего токаря из Петербурга, бывшего у меня в кружке на Выборгской стороне до моего отъезда на съезд, по фамилии В-н. Помимо того что он, как хороший токарь, имел много свидетельств с разных заводов, он вообще был парень, что называется, проныра. Поэтому я был уверен, что ему удастся завязать знакомство с корзинкинскими ребятами, а затем получить и рекомендацию от них. Комитет со мною согласился, и мы послали ему письмо и деньги на дорогу с моей просьбой немедленно приехать в Ярославль.

Приехал он уже после моего ареста. Как я потом узнал, с ним произошла такая история. Вскоре после приезда ему удалось завязать знакомство с корзинкинскими рабочими. По его словам, у него было много шансов, что он на работу поступит. Но случилось маленькое несчастье. В это время в Ярославле была устроена сельскохозяйственная выставка. Осматривая от нечего делать выставку, он встретил в одном из машиных павильонов своего питерского знакомого, присланного заводом устлавливать в павильоне машины. По случаю радостной встречи они пошли в трактир, где выпили довольно основательно. Как на грех, В-н должен был быть в этот день на явке с членом комитета в одном из парков города. Будучи аккуратным парнем, он и в пьяном виде не забыл о явке. Пошел в парк, сел на скамейку в условленном месте и... заснул. Явившийся на

явку член комитета, увидя спавшего В-на, сначала удивился, но когда разбудил его и убедился, что он пьян, то возмутился. На следующий день В-н припужден был уехать обратно в Петербург. Впоследствии Северному комитету все же удалось завести на Корзинкинской мануфактуре не только связи, но и создать хорошую организацию.

Прожил я в Ярославле в качестве организатора около месяца. За это время организация окрепла, кружки работали хорошо, литература поступала в большом количестве. В это же время в организацию Северного комитета влилась существовавшая в Ярославле социал-демократическая группа, имевшая до съезда какие-то принципиальные разногласия с «Искрой». У этой группы, состоявшей из нескольких интеллигентов, не было почти никаких связей с рабочими, но была довольно хорошая нелегальная типография. После слияния эта типография перешла в распоряжение Северного комитета, куда был кооптирован один из руководителей этой группы. О положении в нашей организации я в то время очень подробно писал в Женеву по разным адресам через Германию и Францию, откуда их затем пересылали в Женеву. Для более важных сообщений у меня был шифр, к которому мне, впрочем, редко приходилось прибегать.

Из-за границы мы не имели никаких сведений. О том, что Владимир Ильич ушел из редакции «Искры», я узнал только через полгода в тюрьме.

В одно прекрасное утро я заметил около своей квартиры шпика. Проверив сначала сам, заставив жалкого шпиона прогуляться за мною несколько верст по городу и окрестностям, я еще для верности попросил одного товарища про-

следить за нами, когда я водил за собой шпика. Когда я убедился, что за мною упорно следят, я сообщил об этом в комитет, где было решено немедленно перебросить меня в другой город.

Еще в Пскове Борис Николаевич дал мне на всякий случай явку к одному присяжному поверенному в Киев. Когда был решен вопрос о моем отъезде из Ярославля, я предложил отправить меня в Киев, но комитет постановил направить меня в Иваново-Вознесенск, где я должен был заменить двух засидевшихся товарищей, за которыми, по имевшимся у нас сведениям, началась слежка.

Поехал я в Иваново-Вознесенск с полным чемоданом нелегальной литературы¹³¹. Явка у меня была к проживавшему там члену Иваново-Вознесенского комитета А. Н. Андрееву.

Проживал Андреев в маленьком деревянном одноэтажном домике, скорее похожем на деревенскую избушку, недалеко от вокзала. Вся избушка состояла из двух малюсеньких комнат, одну из которых занимал Андреев, а в другой жила квартирная хозяйка, старушка вдова. Обменявшись паролями и потолковав о делах местной организации, решили перенести привезенную мною литературу в более надежное место. В тот же день перенесли литературу, а вечером устроили большое собрание на квартире одного рабочего.

Собралось человек двадцать, исключительно рабочих. Андреев познакомил меня с собравшимися, рекомендовал меня как своего будущего заместителя. Я сделал краткое сообщение о делах нашей партии в Петербурге и других городах. Товарищи со своей стороны информировали меня о делах местной организации. По их

словам, социал-демократические кружки имелись у них на каждой фабрике. Занятия происходят регулярно, на отсутствие литературы не очень жаловались. Вся организация примыкает к «Искре». Других партий, заявляли они с гордостью, у них нет. Вся работу в кружках ведут своими рабочими силами. Интеллигенции почти нет, если не считать Андреева, Ю. П. Бутягина, бывшего в это время в отъезде по делам организации, и местной фельдшерицы, изредка посещавшей кружки. Из присутствовавших на этом собрании помню только молодого рабочего Иванова, который по окончании собрания пошел с нами к Андрееву на квартиру.

Временно я поселился у Андреева, так как решено было, что я сначала объеду ряд фабричных поселков — Кохму, Шую и др., а затем найму постоянную комнату в городе. Перед отъездом из Ярославля я обменял паспорт и теперь назывался мещанином какого-то города Тульской губернии Кириллом Матвеевичем Морковкиным.

Два дня провел я у Андреева, усердно изучая обширный промышленный район, готовясь к предстоящей трудной работе среди текстилей, в культурном отношении сильно отличавшихся от петербургских металлистов, среди которых до этого пришлось мне главным образом работать.

На третий день после моего приезда рано утром приехал к нам с огромным чемоданом, набитым до отказа нелегальной литературой, «Василий Иванович» — И. А. Санжур. Это был высокий, с какими-то порывистыми, угловатыми движениями человек. На лице — большой шрам, полученный им в каком-то столкновении с полицией. Одет он был очень бедно, нестриженный,

весь какой-то помятый, говорил окая. Ввалился он к нам в комнату неожиданно, бросил перевязанный старый чемодан на пол, потряс нам до боли руки, выпалил пароль и сел с жадностью пить чай. После короткой беседы мы с ним сразу и крепко подружились. Как я потом узнал, И. А. Санжур был очень видный революционер, побывал в разных партиях — сначала у анархистов, затем у эсеров, участвовал в каком-то террористическом акте, бежал из тюрьмы и теперь, после долгих исканий, пришел к убеждению, что только в массовой политической борьбе рабочий класс и крестьянство завоюют социализм.

Пробыл он у нас часа два, много за это время успел нам рассказать и от нас узнать. Ушел он к каким-то своим знакомым, пообещав часам к двум-трем прийти. В этот день, часа в четыре, я должен был уехать в Кохму. Часть привезенной Санжуром литературы решили отправить со мной для распространения по району. Литература оказалась свежей: несколько десятков экземпляров «Искры», масса брошюр — одна очень популярная среди рабочих брошюра была в количестве 72 экземпляров. Мы радовались как дети, что сможем завалить литературой не только Иваново-Вознесенск, но и окрестные фабричные поселки. Рассортировав газеты и брошюры, мы разложили их на кровати, прикрыв одеялом, решили вечером отнести в надежные места. В ожидании обеда сидели мы за столом. Андреев писал, я читал какую-то брошюру Бебеля. Ровно в час дверь с шумом растворилась, и к нам в комнату ввалилась орава жандармов во главе с толстым полицмейстером. Андреев сидел спиной к двери. Услышав шум, он обернулся и, увидя жандармов, схватил исписанные листочки, смял их

и, сунув в рот, начал пережевывать. Жандармы, заметив это, бросились на Андреева, пытаюсь схватить его за горло и вырвать изо рта у него бумажки. Андреев всеми силами отбивался, мотал головой, размахивал руками, попадая иногда по физиономии кому-либо из жандармов. Я вскочил со стула, пытаюсь броситься на помощь Андрееву, но полицмейстер, несмотря на свою толщину, с быстротой молнии бросился на меня, толкнул меня на стул и всей своей тушей навалился на меня, не давая мне возможности шевельнуться.

Только когда Андреев после продолжительной борьбы, с окровавленной физиономией, гордо поднял голову и выплюнул мокрую, изжеванную бумагу, жандармы прекратили борьбу. Полицмейстер тоже выпустил меня из своих крепких объятий.

Жандармский ротмистр Тимофеев, выпув из портфеля бумаги, уселся за стол и стал допрашивать Андреева, приказав жандармам обыскать не только нашу комнату, но и всю квартиру.

Жил Андреев по фальшивому паспорту, но на вопрос Тимофеева об имени, отчестве и фамилии назвал свою настоящую — Андрей Никифорович Андреев.

— Напрасно вы, господня... Андреев, скрываете свою фамилию, — сказал Тимофеев, — мы хорошо знаем, кто вы. Инициалы вашего имени и фамилии А. Ш.

Я чуть не ахнул, услышав свои инициалы. «Значит, Андреева приняли за меня», — подумал я, сидя уже на кровати на разложенных под одеялом свежих газетах и брошюрах.

Пока обыскивали Андреева, я успел проглотить записанные на клочках бумаги адреса явок, данные мне Андреевым, и спокойно наблю-

дал, как жандармы переворачивали скудную обстановку комнаты.

Когда ротмистр окончил допрос, производившие обыск жандармы доложили, что, кроме четырех паспортов, ничего предосудительного не обнаружено.

Ротмистр, по-видимому, ожидал большего. Он как-то растерянно стал поводить глазами кругом и наконец остановил свой взгляд на мне.

— А это кто такой? — обратился он к старшему жандарму, показывая на меня.

— Не могу знать, ваше благородие!

— Его уже обыскали?

— Никак нет!

— Обыскать его! — рывкнул ротмистр, топнув ногой, и даже побагровел от злости, что так долго позволили мне сидеть спокойно.

Два жандарма бросились на меня, стащили с кровати и чуть не порвали на мне одежду, выворачивая мои карманы. Тщательный обыск ничего при мне не обнаружил. Когда я после обыска закурил, раздосадованный ротмистр грубо крикнул, чтобы я бросил папироску. Я ответил какой-то грубостью и отказался бросить папироску.

— Связать его! — закричал ротмистр.

Два жандарма схватили меня за плечи и стали выталкивать в кухню. В это время раздался радостный крик ротмистра; я оглянулся и увидел сброшенное на пол одеяло, а на кровати во всей своей разноцветной красе разложенные повешские брошюры.

Настроение ротмистра сразу изменилось: он стал приветливым, вернул меня в комнату, разрешил курить и очель ласково стал меня допрашивать.

— Вот видите, господин... Андреев, — обратился он к Андрееву, держа в руке отобранный у меня паспорт. — Напрасно вы скрываете свою настоящую фамилию. (У Андреева своего настоящего паспорта при себе не было). Возьмите пример с господина Морковкина — сразу назвался, не скрывает. Это учтется, меньше под следствием будет.

Я в душе хохотал.

После такой добычи ротмистр, по-видимому решив, что это еще не все, что где-нибудь у нас еще спрятано, приказал разобрать пол в нескольких местах во всей квартире, а также разобрать штабеля дров во дворе.

На вопросы ротмистра я, выполняя постановление II съезда¹³², отвечать отказался, Андреев тоже.

Обыск квартиры и двора, во время которого я волновался, боясь, что Санжур, обещавший прийти к двум часам, может попасть в руки жандармов, продолжался до семи часов вечера.

Потом, встретившись с Санжуром в Одессе в 1905 году, я узнал от него, что он едва не попался около нашего дома. Шел он к нам, медленно шагая, опустив голову. Подойдя к самому дому, он поднял голову и увидел, что наш дом был окружен копными казаками. Не останавливаясь, он прошел мимо и в тот же день уехал из Иваново-Вознесенска.

В восьмом часу вечера под эскортом казаков нас отвезли на извозчиках: меня в арестный дом, находившийся при одной из фабрик, если память не изменяет, Карелина, а Андрея — в жандармскую каталажку.

Дня через два или три получил я от одного из казаков (охраняли меня три оренбургских ка-

зака, служившие при фабрике по вольному найму) записку от Бутягина, приехавшего из командировки на другой день после нашего ареста. Произошел его арест таким образом. Пошел он с вокзала с чемоданчиком, наполненным литературой, через железнодорожные пути на квартиру Андреева. Когда открыл дверь, он увидел на полу трех или четырех типов. Сообразив, что Андреев арестован (о моем аресте ему сказал один из охранявших меня казаков, приставленный потом к нему в порядке очереди) и что лежащие на полу типы — шпики, оставленные в засаде, Бутягин бросился бежать обратно на вокзал. Пока шпики обувались, ему удалось добежать до вокзала, бросив на дороге чемодан в один из стоявших на путях пустой вагон. Когда он вечером хотел сесть в поезд, чтобы уехать из Иваново-Вознесенска, его на вокзале задержали жандармы. Только через четыре месяца ему предъявили чемодан, обнаруженный в Кинешме.

Продержав нас при фабричных арестных домах около двух недель, в течение которых после наведенных справок выяснилось, что паспорт на имя Морковкина — фальшивый и что Андреев назвался своим настоящим именем, нас отправили во Владимирскую губернскую тюрьму (в то время Иваново-Вознесенск входил во Владимирскую губернию), рассадив троих по разным камерам. На четыреста с лишним арестованных уголовных к моменту нашего приезда там находилось только двое политических: Баринов и Филиппов, приговоренные к пятимесячному заключению. Недели через две они кончили свой срок и освободились. В течение года и двух месяцев, т. е. с 10 ноября 1903 года до начала января 1905 года, когда меня жандармы увезли в Петербург,

а Андреева в Киев (Бутягин через четыре месяца был увезен в Тверь), ни одного политического не было доставлено в губернскую тюрьму. Арестованные почти одновременно с нами несколько рабочих содержались в Иваново-Вознесенске.

Первые дни сидеть было тяжело. Курить не разрешали, книг не давали, пища была отвратительная. После полуторадневной голодовки разрешили курить, но из книг давали читать только «божественные»: Библию, Евангелие, журналы «Русский паломник», «Вера и разум», «Кормчий» и т. д.

С особого разрешения прокурора тюремный поп приписал мне еженедельный журнал-газету «Гражданин», издававшийся махровым черпосотенцем князем Мещерским. Этой, с позволения сказать, «литературой» пришлось довольствоваться в течение первых шести месяцев. Никакие ходатайства не помогали, и только после 11-дневной голодовки, объявленной нами 10 мая и дружно проведенной, удалось несколько смягчить режим: увеличили прогулку, стали давать улучшенную пищу, так называемую «больничную», и разрешили пользоваться из тюремной библиотеки сочинениями Достоевского, Григоровича и Гончарова. Тургенева, Гоголя и Л. Толстого губернский прокурор не разрешил нам выдавать, хотя в библиотеке они имелись.

Обвинение мне и Андрееву было предъявлено по ст. 248, 252 и 318 старого Уголовного уложения, карающим до 10 лет каторги. Эти статьи в середине 1904 года нам были заменены ст. 126, 129 и 132, из которых ст. 126 (за принадлежность к тайному сообществу, поставившему своей задачей ниспровержение существующе-

го строя и т. п.) предусматривала 8 лет каторжных работ.

Приблизительно через три месяца после ареста однажды рано утром один из надзирателей, дежуривших в нашем коридоре, открыл еще до проверки мою камеру и с добродушной улыбкой передал мне две нелегальные брошюры, затасканный номер «Искры» и 10 рублей денег.

Я был поражен главным образом тем, что принес именно этот надзиратель, которого я считал самым строгим из дежуривших у нас. Как потом я узнал, это его сагитировал Ю. П. Бутягин. Литературу и деньги привезла из Твери сестра Бутягина.

Одна из брошюр была написана в виде отчета о II съезде. Из нее я впервые узнал, что голосовавшие за Ленина и Плеханова (большинство) стали называться «большевиками», а меньшинство — «меньшевиками».

В начале января 1905 года, на третий день после бойни 9 января, меня с двумя жандармами в обыкновенном пассажирском вагоне повезли в Петербург и водворили в доме предварительного заключения на Шпалерной улице¹³³.

Дня через два в закрытой карете доставили меня в жандармское управление на Тверскую улицу. Долго меня там не задерживали, так как я продолжал отказываться от дачи каких-либо показаний. Просидел я в предварилке всего три недели с небольшим, и 8 февраля я был освобожден до суда под особый надзор полиции.

Такое неожиданное освобождение до суда объясняется наступившей «политической весной», как тогда выражались, «объявленной» министром внутренних дел Святополк-Мирским¹³⁴, заменившим убитого министра Плеве. Когда я счал

А. В. Шотман (второй ряд, в центре) с группой ссыльных в Нарымском крае. Сидят справа — жена Екатерина Федоровна и сын Саша. 1914—1916 гг.

из предварилки в жандармское управление, мне один из сопровождавших меня жандармов, знавший, что я сижу с 1903 года, рассказал о «больших переменах», происшедших в России за это время.

— Вот освободитесь, сами увидите, что делается! — с каким-то удивлением говорил он. — Что пишут-то! А газеты «Наша жизнь»¹³⁵, особенно «Наши дни»¹³⁶, так те даже министров ругают.

Недели через полторы мне удалось поступить на телефонную фабрику Эриксона¹³⁷ на Выборгской стороне работать, за отсутствием свободно-

го токарного ставка, на фрезерном ставке. На фабрике оказалась хорошо налаженная партийная организация, в которую я, конечно, немедленно вошел.

Разногласия, проявившиеся на II съезде, проникли в организацию и эриксоновской фабрики, но формально организация была еще единой. Во главе ее стояли: Гагарин, сторонник большевиков, умерший от чахотки в 1906 году, и Комар, меньшевик, бывший впоследствии депутатом первого Совета рабочих депутатов.

Чуть ли не на второй день по выходе из тюрьмы я встретил знакомого интеллигента, работавшего в 1903 году в качестве пропагандиста при тогдашнем нашем искровском комитете.

Этот пропагандист очень обрадовался, увидев меня: рассказал о громадном подъеме среди рабочих и интеллигенции, говорил о необходимости организовать свою социал-демократическую легальную газету, наподобие «Наших дней», издававшихся народниками.

В конце беседы дал мне адрес, прося прийти по нему на следующий день в определенное время. Когда я на следующий день приехал по указанному адресу, я застал там собрание человек в 8—10. Встретили меня очень радушно и папербой начали рассказывать о партийных делах, и главным образом о разногласиях. К концу заседания я понял, что не туда попал, что это — сторонники меньшинства, т. е. меньшевики, хотевшие заполучить меня в свой лагерь, надеявшиеся на мою неосведомленность в происшедших после съезда группировках. Только после встречи с комитетчиками-большевиками я ориентировался в партийных делах. Связь с вашим большевистским комитетом мне удалось установить че-

рез сестру Ильи Тараева, проживавшую в Полюстрове; у нее же я встретил вернувшегося из Витебска Гришу — Стервина, поселившегося на Оренбургской улице, на Выборгской стороне. У Гриши были прочные связи не только на Выборгской стороне, но и в других районах, главным образом на Петербургской стороне, где он работал до своего ареста. На квартире у Стервина можно было всегда получить свежую нелегальную литературу, и через него же я скоро вплотную связался с кружками на других заводах и фабриках Выборгской стороны.

Приблизительно в середине апреля на фабрике Эриксона вспыхнула забастовка. Хотя к ней и делались приготовления, но вспыхнула она неожиданно. Насколько помню, саякдии на эту стачку мы от нашего большевистского комитета не имели, и требования, предъявленные администрации фабрики, были вначале весьма скромны. Делегацию для предъявления этих наших требований выбрали из пяти человек: Гагарина, Комара, меня, других не помню по фамилии. Администрация в лице одного из директоров категорически отказалась удовлетворить наши скромные требования. После отказа мы устроили на фабрике общее собрание рабочих, на котором почти единогласно постановили немедленно прекратить работу. По прекращении работы были выбраны представители разных цехов, которым и поручили выработать более существенные требования, в том числе требование и 8-часового рабочего дня (на фабрике работали 10 часов). В лесу, куда собрались выборные, требования были сформулированы в десятке с лишним пунктов, каковые было поручено предъявить администрации через пятерку, выбранную в первый раз.

В ответ на наши вторичные требования администрация объявила локаут и уволила всех рабочих.

Другие заводы и фабрики к нам не примкнули, так как готовились к 1 Мая, чтобы уже заодно выставить и политические требования. Бастуя, мы стали усиленно готовиться к празднованию 1 Мая.

В том, что механические заводы Выборгской стороны — Лесснера, Нобеля, Барановского, Металлический, Розенкрапца¹³³ и другие — примут участие в первомайской забастовке, мы не сомневались, так как на всех этих заводах были хорошие подпольные организации.

Бумагопрядильные же и ткацкие, как Шау, Мальцева, Воронина и другие, вызывали у нас сомнения ввиду слабых организаций на них.

Поэтому все наши усилия по подготовке первомайской забастовки мы направили на эти фабрики. Помимо листовок, в которых партия разъясняла значение 1 Мая, довольно широко нами распространяемых, мы считали необходимым устроить предварительно ряд митингов на этих фабриках. Понасть внутрь фабрик и там собрать во дворе митинг было почти немыслимо, так как не только администрация фабрик, но и полиция организовали прекрасную охрану, исключавшую возможность проникновения туда агитаторов, а тем более устройства общего собрания.

Тогда мы решили устроить ряд митингов на улице при выходе рабочих и работниц по окончании работ.

Начать серию таких уличных митингов решили с фабрик Шау и Мальцева, находившихся на Сампсониевском проспекте. Начать с этих фабрик решили потому, что они помещались рядом и

почти все рабочие и работницы, проживавшие в Нейшлотском (Глухом) переулке, находившемся против этих фабрик, заполняли этот переулок и шли по домам сплошной лавой.

Собрав человек тридцать, мы незадолго до окончания работ на этих фабриках собрались небольшими группами на углу Нейшлотского переулка и Сампсониевского проспекта. Как только рабочие повалили с фабрик, мы под разными предлогами стали их останавливать. Но усталые рабочие, а главным образом работницы, которых дома ждали проголодавшиеся дети, сердито отмахивались и даже ругали нас за приставание. Сразу как-то почувствовалось, что из нашей затеи ничего не выйдет. Кому-то из наших ребят пришла в голову «блестящая» мысль: устроить на улице инсценировку драки. Подговорили двух девиц с эриксоновской фабрики, пришедших вместе с нами останавливать рабочих, устроить драку и, когда соберется достаточное количество любопытных, открыть митинг. Оратор у нас был наготове. И действительно, как только девицы вцепились друг другу в волосы, их окружила большая толпа любопытных; даже прошедшие мимо нас возвращались, чтобы полюбоваться дракой.

В самый разгар драки наш оратор вскочил на какой-то чурбан, кем-то принесенный с ближайшего двора, и громовым голосом закричал:

— Товарищи! Слушайте! Скоро Первое мая, мы вас собрали, чтобы...

Дальше я не расслышал, так как, услышав о 1 Мая, толпа шарахнулась во все стороны. «Подравшиеся» девицы моментально скрылись, а через минуту послышались крики: «Полиция! Спасайтесь!»

А. В. Шотман среди членов Шушенского горсовета.
20 сентября 1926 г. Публикуется впервые.

Заметив приближающихся полицейских, наша группа тоже рассыпалась в разные стороны. Оратор, соскочив с возвышения, бросился бежать по переулку по направлению к Фивляндской железной дороге. Следом за ним побежали городовые и дворники. Я побежал следом за ними, желая так или иначе спасти оратора. Бежал он быстро и скоро оставил далеко позади городовых и большую часть дворников. Только один молодой дворник не отставал от него, а также и я. Так мы трое бежали несколько минут: оратор впереди, за ним дворник, а за дворником я. Когда дворник нагнал оратора и собрался схватить его, я сделал несколько отчаянных прыжков и со всего размаха ударил дворника по голове. От сильного удара он свалился, успев в последнее мгновение

уцениться за пальто оратора, который повалился вместе с ним. Я тоже, потеряв равновесие, свалился, затем быстро приподнялся и хотел бежать дальше. Но тут меня окружили добровольцы из публики, задержали и передали прибежавшим дворникам. Когда меня повели обратно по направлению к Сампсониевскому проспекту, навстречу шли эриксонские рабочие, которым после небольших препирательств удалось меня освободить. Освободившись, я пошел на этот раз не торопясь, чтобы не возбуждать подозрений, опять назад, рассчитывая скрыться через Куликово поле в Полюстрове.

Не успел я пройти несколько шагов, как кто-то из окна одного из домов крикнул мне: «Шотман, спасайся! Городовые бегут за тобою!» Кто крикнул, до сих пор не знаю. Я оглянулся и увидел группу городовых, несшихся по направлению ко мне.

Я бросился бежать, но, убедившись, что до поля мне не добежать — догонят или публика остановит, — я вбежал в какой-то двор, бегом поднялся на второй этаж одного из домов, открыл первую попавшуюся дверь и очутился в кухне. Там за столом сидели старик со старухой и пили чай. Я обратился к ним с просьбой разрешить мне у них укрыться на время, так как, дескать, на улице происходит драка и я еле удрал.

Старушка, не задумываясь, указала мне место между кухонной плитой и стеной, где стоял мусорный ящик и помойное ведро. Не прошло и двух минут, как с шумом раскрылась входная дверь, оставленная открытой, скрывавшая меня в моем кутке, и в квартиру ворвалась орава дворников, городовых и просто любопытных. Пробежали они прямо в большую комнату против кух-

ни, откуда моментально раздались возгласы: «А-а, сволочь, попался! Ишь, сукин сын, какой быстрый, даже раздеться успел!»

В ответ послышался жалобный голос: «Да что вы, братцы, я вторую неделю больной лежу, что вы!..» — «Ну, не разговаривай, вставай одевайся, а то...» — послышались грубые голоса.

Я чутко прислушивался к голосам и уже хотел выйти из своего убежища, чтобы не пострадал ни в чем не повинный больной, как услышал: «Это не тот. Это наш Иван Степанович, он, точно, вторую неделю хворает, на работу не ходит!»

После этого наступила некоторая тишина, а затем вся эта орава стала выходить из квартиры, удивляясь, куда это я мог так быстро скрыться.

По-видимому, для очистки совести один из уходивших спросил у старушки: «Сюда никто не забегал до нас?» — «Не, не, родимый, никого не видала», — ответила старушка, закрывая за ним дверь. Когда все утихло, из большой комнаты слышались голоса: «Ну, сволочь, сколько наделал делов! Попадись нам — не поздоровилось бы».

Я догадался, что это по моему адресу, и мне стало жутко. «Уж лучше пусть полиция забрет, — подумал я, — чем эти потревоженные в своем покое обыватели». И когда старушка подошла к плите, я шепнул ей, чтобы она открыла дверь на чердак, куда я хотел скрыться перед тем, как вбежал в эту квартиру, но так как на дверях висел замок, то я и вошел в эту ловушку. «Хорошо, родименький, сейчас», — шепнула она мне и вышла в коридор. Через минуту вернулась, сказав, чтобы я уходил, так как дверь на чердак открыта.

Я вышел в коридор — замок по-прежнему висел на дверях, — бросился обратно в квартиру,

так как услышал шум в соседней квартире, но добрая старушка заперла свою квартиру изнутри. Ничего не осталось делать, как попытаться выйти на улицу незамеченным.

Только я стал спускаться по лестнице, мне преградили путь дворники. «Ты откуда идешь, молодой человек?» — обратился ко мне один из них. «Не твое дело», — огрызнулся я, пытаюсь пройти мимо дворников. В этот момент открылась дверь около лестницы, откуда стали выходить городовые и дворники, и в тот же момент я оказался в их жестких лапах.

«Осторожнее, осторожнее с ним, надо его сперва обыскать! — закричал один из городских. — Может, бомбы у него в кармане».

После обыска вывели меня на улицу и, считая, по-видимому, меня очень страшным бунтовщиком и боясь, вероятно, что меня могут товарищи отбить, держали меня целых пять дворников. Вытащив мои руки как на распятия, три дворника вцепились в мою правую руку, двое в левую и повели меня в участок. Огромная толпа, среди которой я увидел свою плачущую мать, провожала меня до самого участка. В полутемной камере, куда меня втолкнули, я встретил нашего оратора в компании двух бродяг.

Минут через пятнадцать нас обоих вывели в капцелярию, тщательно обыскали, а затем пришел «сам» пристав.

Рядом с нами, в числе других дворников, стоял молодой дворник, которого я ударил по голове. Под правым глазом у него красовалась иссиня-красная опухоль — след моего кулака.

Пристав обратился к молодому дворнику, указывая на нас:

— Ну что они там делали?

— Так что, ваше благородие, вот этот, — указывая на оратора, рапортовал дворник, — кричал: «Да здравствует Россия и Франция!»

Мы с товарищем чуть не покатались от хохота.

— Ну, ну, хорошо! — сказал немного смущенный пристав. — Ну, а этот? — указывая на меня, спросил он.

— А этот, который меня ударил, все кричал: «Товарищи!»

На этом наш первый допрос и кончился. Когда мы повернулись, чтобы выйти, пристав, сжимая кулаки, закричал:

— Я вам покажу, как моих дворников бить! — и затем, обратившись к городовым, добавил: — Проучите их хорошенько!

Бить нас, по-видимому, не посмели ввиду того, что около участка до поздней ночи толпились рабочие соседних заводов. Повели нас в Выборгскую часть только в третьем часу утра, когда на улице уже не было ни души¹⁹⁹.

На одиннадцатый день меня повели в жандармское управление на Тверскую улицу, где меня встретил знакомый жандармский полковник, всего два месяца назад освободивший меня из тюрьмы.

— Как же это вы, господин Шотман, ввязались в такую кашу? — обратился он ко мне, и в голосе его я почувствовал нечто вроде укора, что, дескать, такой серьезный революционер, член Петербургского комитета, и вдруг попался за драку. Я объяснил ему, что не мог же я оставаться простым зрителем, когда дворники избивают рабочего.

— А здорово вы ударили дворника? — спросил он с любопытством.

— Здорово! — ответил я.

— Ну, держать мне вас нечего. Пусть этим делом ведает градоначальник. Вы свободны, можете идти. До свидания, — сказал он мне и велел одному из жандармов выпроводить меня.

По выходе из каталажки я познакомился с А. Г. Правдиным, только что вернувшимся вместе с М. И. Калининым из олонецкой ссылки, где они вместе прожили три года. Калинин уехал на время к себе на родину в Тверскую губернию, а мы с Правдиным собрались ехать на юг, так как оба знали, что в Петербурге нам жить не разрешат. У меня уже все было готово к отъезду — были деньги, паспорт и явки, — но, зайдя домой, чтобы захватить кое-какие вещи, я был на квартире арестован сидевшей там засадой городских. В участке мне объявили, что по распоряжению градоначальника я подлежу двухмесячному аресту и затем высылке из Петербурга с запрещением проживать в целом ряде губернских городов и промышленных центров.

Отбывать двухмесячный арест меня водворили в арестный дом Выборгской части. В небольшой камере, рассчитанной на 15 человек, помещалось человек 70. Теснота, грязь, духота нестерпимые. Ночью не мог заснуть от полчищ паразитов. Среди арестованных преобладали задержанные за нищенство и беспаспортные. Эта публика спала под парами и на полу. На варах помещалась «аристократия» — воры, громилы, помещенные временно до перевода в тюрьму, несколько человек «непомнящих», т. е. бежавших из разных мест заключения и не желавших до поры до времени открывать своей настоящей фамилии. Политический оказался один я. Двое приговоренных в административном порядке к ме-

А. В. Шотмап и М. И. Калппин на Копдопожском канале (Карелия). Июль 1924 г. Публикуется впервые.

сячному аресту за сопротивление полиции считали себя также политическими, хотя «аристократы» нашей камеры и называли их в отличие от настоящих политических «хомутными политиками».

Помимо ужасающей грязи, духоты, тесноты, паразитов, делавших нашу жизнь в этом бедламе невыносимой, она стала кошмарной благодаря зверскому режиму, установленному в камере не столько начальством каталажки, сколько группой арестантов-«аристократов». Во главе этой группы (человек 7—8) стоял младший брат знаменитого в свое время босняка Петьки Рыбака — Пашка Рыбак. Он после своего умершего старшего брата стал на Выборгской стороне как бы главарем босяков, а главным образом хулиганов.

Арестованный по обвинению в убийстве с целью ограбления, он ждал в ближайшем будущем каторжного приговора, считал себя «отпестым» и среди части окружающей его шпаны поэтому пользовался особым почетом. Вот из этой-то публики он и организовал тесно спаянную между собою группу, которая, имея при себе кое-какое оружие — финки и просто ножи, терроризировала остальную братию.

Под нажимом этой шайки Пашка был выбран старостой камеры, и, пользуясь этим званием, он вошел в деловой контакт со старшим надзирателем, вместе с которым они потом обкрадывали заключенных. Делалось это просто. Вместо полагавшегося по казенной норме довольственного пайка арестованный стал получать сначала три четверти, потом две трети, затем половину, и наконец наш староста с надзирателем так обнагдели, что совершенно перестали класть в щи мясо, в кашу масло, а хлебный паек превратился в крошку. Кроме такого обворовывания Пашка Рыбак со своей шайкой стал чуть ли не открыто отбирать у вновь прибывающих арестованных принадлежащие им вещи и «сплавлять» их на волю. Зная Пашку с детства, я несколько раз предлагал ему прекратить эти безобразия, но он то отрицал свое участие во всех этих делах, то просто отругивался и продолжал грабить народ.

Вот тут-то, в этой обстановке, мне и пришлось в голову применить свои теоретические познания в отношении государственных переворотов на практике.

Налицо были все данные, чтобы на практике произвести государственный переворот. Узурпатор — староста, войско — шайка вооруженной шпаны, беспощадная, наглая эксплуатация наро-

да, сам народ — я, революционер, и два парня, считавшие себя политическими. Привлекши на свою сторону этих двух парней и при их помощи вооружившись приличными финками, мы повели массовую агитационную работу среди жалких нищих и беспомощных босяков, соблюдая при этом, конечно, величайшую конспирацию.

Программа у нас была идеально ясная и простая: свергнуть Пашку с его шайкой и восстановить полновесный казенный паек.

Когда, как мне казалось, большинство заключенных освоило нашу программу и было готово за нее пойти в бой, я назначил один из ближайших скромных дней (по средам и пятницам была постная пища) днем переворота.

Когда в назначенный день дежурные принесли обед и, как обычно за последние дни, в щах не было мяса, а в каше масла, я, окруженный преданными заговорщиками, предложил всем задержаться от принятия пищи и вызвать начальника.

Пашка и его шайка, почуяв недоброе для себя, тоже сидели не дотрагиваясь до пищи.

Когда пришел начальник, мы показали ему наши бачки с пустыми щами и с сухой кашей и потребовали у него объяснения по этому поводу. Не успел начальник слова сказать, как выскочил вперед Пашка и, показывая на мяски, предназначенные для его шайки, с густо плавающими кусками мяса и с жирной кашей, закричал, что мы сами повытаскивали мясо из щей.

Услышав это, начальник насмешливо сказал: «Я выдаю паек полностью, вы сами не умеете распределять между собою» — и с гордо поднятой головой вышел из камеры.

Как только начальник вышел, мы набросились на Пашку с его шайкой, конфисковали у них мис-

ки и бачки с жирными щами и кашей, распределив мясо поровну на всех, отобрали финки и ножи, а самих властителей во главе с Пашкой загнали под вары, где они потом и находились, пока их не отправили в тюрьму. Вместо Пашки старостой выбрали меня, в каковой должности я и пребывал до отправки меня в тюремную больницу.

Дня через два или три после моего выхода на свободу в эту камеру посадили несколько рабочих-революционеров во главе с К. Н. Бедняковым.

Как я потом слышал, заведенный мною порядок сохранялся в камере довольно долго.

Отбыв таким образом положенные мне начальством два месяца ареста, я должен был уехать из Питера.

На сборы мне дали всего три дня.

На второй день после освобождения я пошел в часть, чтобы передать оставшимся чай, сахар и прочее; в коридоре встретил знакомого товарища, который сообщил, что арестован Стернин, сидит здесь, в части, и просил меня сбегать к нему на квартиру предупредить квартирную хозяйку, чтобы она очистила Гришину комнату от нелегальщины до прихода полиции. Квартирная хозяйка была свой человек. Когда я добежал до квартиры, открыл дверь, меня встретила полиция, производившая в комнате Гриши обыск. Руководил обыском околоточный надзиратель Феофанов, мой старый знакомый, всего два с половиной месяца назад отправивший меня в часть. Это был перво-разрядный мерзавец, ненавидимый всеми рабочими Выборгского района, говоривший, между прочим, хорошо по-фински. В первые же дни еще Февральской революции он был расстрелян восставшими рабочими.

— Вы к кому пришли?— обратился он ко мне.

— Здесь комната сдается,— сказал я,— хочу посмотреть, не подойдет ли она.

— Хозяйка! — закричал он в кухню.

Когда хозяйка вошла, она сразу узнала меня и на вопрос околоточного, сдается ли у нее комната, ответила, что сдается.

— Как ваша фамилия?— обратился околоточный ко мне.

Если бы я назвал свою настоящую фамилию, он мог бы, пожалуй, вспомнить, кто я, а мне показалось, что он меня не узнал, потому я и назвался Егоровым. Тут же я придумал ответы на вопросы об имени, отчестве, где проживаю, где работаю и пр. Когда все это было записано, он приказал меня обыскать, а сам уткнулся в изучение найденных у Гриши бумаг.

В кармане у меня были паспорт и кой-какие документы на мое собственное имя. Перед тем как поднять руки, я выхватил из бокового кармана эти документы и, держа их в руке, поднял руки. Городовой, обыскав мои карманы, заявил, что ничего нет. Я, положив документы обратно в карман, спросил околоточного, смогу ли я осмотреть комнату сейчас или прийти в другой раз. Он разрешил осмотреть сейчас. Выйдя из комнаты в прихожую, я заглянул в соседнюю комнату и, узнав плату, повернул к выходу, сказав хозяйке громко, чтобы слышали полицейские, что очень дорого. При выходе никто меня не задерживал.

Местом высылки, по указанию Петербургского комитета, я избрал себе Одессу. Незадолго до этого, когда я сидел в части, в Одессе произошло знаменитое восстание броненосца «Потемкин». После ухода «Потемкина» в городе были произве-

дены массовые аресты, и наша организация там была сильно разгромлена. Несмотря на то что в Одессе было объявлено военное положение, а Петербург находился только на положении «усиленной охраны», мне почему-то разрешили ехать в Одессу под особый надзор полиции¹⁴⁰.

Вместо разрешенных мне трех дней прожил я в Петербурге около двух недель, ночуя где придется, собирая старые связи, сколачивая кружки там, где их не было, и т. п.

В Петербургском комитете в это время — июнь 1905 года — работали старые знакомые: Е. Д. Стасова, Зверь — М. Розенберг-Эссеь, Абрам — Н. В. Крыленко, Петр — Г. Алексинский, * других фамилий не помню¹⁴¹. В это время я познакомился с Максимом Горьким, к которому меня вместе с С. В. Малышевым послала Е. Д. Стасова. В это время наш комитет переживал очередной финансовый кризис. Нас послала Е. Д. Стасова к Горькому за деньгами, которыми он время от времени снабжал нашу организацию тогда в очень крупных размерах. Проживал Горький в то время на даче в Финляндии, около станции Куоккала (или Оллила)¹⁴². Приехали мы рано, Горький еще спал. Встретила нас его жена — М. Ф. Андреева — очень любезно. Несмотря на наш внешний вид, напоминавший несколько типы, описанные Горьким в его рассказах о босяках, распорядилась угостить нас чаем, сказав, что Алексей Максимович сейчас выйдет, он умывается.

Вошедший через несколько минут Горький поздоровался с нами точно со старыми приятелями. Прочитав переданную нами записку от Еле-

---

* Теперь известный контрреволюционер, черносотенец, проживающий в эмиграции.

А. В. Потмап в
минуты отдыха.
1936 г. Публи-
куется впервые.

ны Дмитриевны, он еще раз пожал вам руки и, взяв нас под руки, повел в парк, окружавший его дачу. Там он познакомил нас с гостившим у него писателем А. И. Куприным и знаменитым в то время борцом Н. Куприн, по-видимому, был не в духе и почти не принимал участия в нашей беседе. Борец же был занят преподаванием искусства борьбы маленькому приемышу Горького.

Оставив Куприна, Н и малыша, мы втроем пошли в парк и долго беседовали на разные темы, гуляли по аллеям парка. Меня поразила тогда осведомленность Горького в наших партийных делах. Я не знал тогда, что Горький принимал весьма деятельное участие в нашей партийной работе. Он, оказывается, не только помогал нам, добывая деньги, но принимал и непосредственное участие в нелегальной деятельности.

Горький в это время был в зените своей сла-

вы: к нему приезжали поклонники его таланта не только со всех концов России, но из-за границы. Эти поклонники приезжали не только повидать Горького, но старались пробыть около него как можно дольше, оставаясь у него часто и ночевать. Горькому, может быть, это и надоедало иногда, но в гостеприимстве он никому не отказывал. В наш приезд у него гостило человек пятнадцать, с которыми он нас познакомил во время обеда. Были тут и какие-то иностранцы. Помню, как, познакомив нас с какой-то буржуазной четой, приехавшей из Венгрии или Румынии со специальной целью повидать Горького, он потом, когда мы остались одни, остроумно рассказывал о своих беседах с этими европейскими мещанами.

Пробыли мы с Малышевым у Горького до вечера. Горький передал нам деньги, что-то около двух тысяч рублей, которые Малышев повез Елепе Дмитриевне, а мне он предложил поехать на соседнюю станцию Келломяки¹⁴, где, по его словам, местные дачники устраивают литературно-музыкальный вечер в пользу революционных организаций. Горький дал мне записку к одному из организаторов вечера и посоветовал произнести там речь и постараться заполучить деньги для нашей большевистской организации. Никакого литературно-музыкального вечера там не оказалось, а собралась просто дачная публика выпить, закусить и пофлортовать. Потолкавшись с полчаса около этой публики, вызывая удивленные взгляды своей внешностью, я уехал в Петербург. В конце июля я наконец уехал в Одессу, куда попал в первых числах августа. Одесская организация большевиков переживала в это время кризис из-за массовых арестов, произведенных в связи с восстанием на броненосце «Потемкин».

Из прежних работников комитета я застал только Е. М. Ярославского, работавшего в то время под фамилией Лапин.

Весь состав Одесского комитета пришлось обновить, так как товарищи, оставшиеся на свободе, не могли работать из-за усиленной слежки за ними шпиков.

В новый комитет большевиков в это время входили С. И. Гусев — секретарь, А. Г. Правдин, работавший организатором Пересыпского района под кличкой Кирилл, Пятницкий — организатор Городского района, Готлобер под кличкой Анатолий и я — организатор Дальницкого района под кличкой Данило.

Не имея возможности в данный момент останавливаться более подробно на работе и деятельности одесской организации, которая вела подпольную работу по свержению существовавшего строя, я думаю, что мне еще удастся об этом периоде и дальнейшей работе нашей партии поговорить более подробно.

Идя под руководством нашего вождя товарища Ленина шаг за шагом, преодолевая встречающиеся на нашем пути трудности и уясняя себе марксистско-ленинскую линию, в октябрьские дни 1905 года мне лично пришлось быть одним из активных участников этой «репетиции революции», как назвал ее Владимир Ильич¹⁴. Не отступая ни на шаг от указаний Ленина, мне пришлось в рядах нашей партии участвовать в завершении в 1917 году дела всей жизни Ленина — участвовать в захвате власти твердыми рабочими руками.

¹ Села Александровского пр. — ныне пр. Обуховской Обороны.

² Обуховский завод — ныне завод «Большевик».

³ Завод Л. Побеля — ныне завод «Русский дизель».

⁴ Роченсальмский пер. — ныне ул. Смолячкова.

⁵ Б. Сампсоньевский пр. — ныне пр. Карла Маркса.

⁶ Симбирская ул. — ныне ул. Комсомола.

⁷ Финляндия тогда входила в состав России под официальным названием Великого княжества Финляндского. Она занимала особое положение в Российской империи: имела свою конституцию, свой сейм и пользовалась некоторой автономией. А. В. Шотман, как сын подданного Финляндии, имел право беспрепятственного проезда через границу, что он и использовал в дальнейшем для своей революционной работы.

⁸ Выборгское шоссе — ныне пр. Энгельса.

⁹ Сампсоньевская наб. — ныне наб. Фокина.

¹⁰ Продолжительность рабочего дня на предприятиях Петербурга в середине 90-х гг. XIX в. колебалась от 11 до 15½ часов. Особенно продолжительным был рабочий день у текстильщиков. См.: История рабочих Ленинграда, т. 1. Л., 1972, гл. IV, V.

¹¹ Фабрика Мальцова — ныне прядильно-ткацкая фабрика «Октябрьская».

¹² Стачку текстильщиков, проходившую в Петербурге в мае — июне 1896 г., В. И. Ленин назвал «знаменитой петербургской промышленной войной» (*Ленини В. И. Полн. собр. соч.*, т. 6, с. 29). Поводом к стачке явился отказ фабрикантов выплатить заработную плату за нерабочие дни по случаю корона-

дни Николая II. Начавшись на Российской бумаго-придильной мануфактуре, стачка вскоре охватила свыше 30 тысяч рабочих. Впервые петербургский пролетариат выступил на борьбу с предпринимателями таким широким фронтом. Стачкой руководил петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», издавший за период стачки 13 листовок и прокламаций, в которых были определены основные требования бастующих: сокращение рабочего дня до 10¹/₂ часов, новышенные расценок и др. Петербургская стачка, способствовавшая развитию рабочего движения во всей России, заставила правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать в 1897 г. закон об ограничении рабочего дня на фабриках и заводах до 11¹/₂ часов. (См.: *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 138—142; В. И. Ленин и питерские рабочие. Л., 1982, с. 65—67).

¹³ Мемуарист ошибается: стачка текстильщиков вызвала широкий отклик и на металлообрабатывающих заводах Петербурга. Однодневная забастовка была проведена на Александровском заводе, в некоторых мастерских Путиловского завода, на заводе Нобеля, о чем автор сам рассказывает ниже; рабочие Балтийского, Невского судостроительного и других заводов проводили денежные сборы в фонд бастующих и участвовали в собраниях стачечников. (См.: *Суслова Ф. М.* Петербургские стачки 1895—1896 гг. и их влияние на развитие массового рабочего движения. — В кн.: История рабочего класса Ленинграда. Вып. II. Л., 1963, с. 53—73).

¹⁴ Завод Лесснера — ныне машиностроительный завод им. К. Маркса.

¹⁵ Бастовавшие рабочие завода Нобеля требовали сокращения рабочего дня. Заводчик не выполнил требования рабочих, но небольшую уступку вынужден был сделать: в субботние дни работы на заводе стали кончатся на 2 часа раньше.

¹⁶ Завод Барановского — ныне завод «Красная звезда».

¹⁷ Семяшиковский — ныне Невский машиностроительный завод им. В. И. Ленина.

¹⁸ «Рабочая мысль» — газета, орган «экономистов», выходила с октября 1897 по декабрь 1902 г. — сначала в Петербурге, затем в Берлине и Варшаве.

Вышло 16 номеров. Критику взглядов «Рабочей мысли» как русской разновидности международного оппортунизма В. И. Ленин дал в статье «Попытки направления в русской социал-демократии» (см.: *Ленин В. И. ПСС*, т. 4, с. 240—273) и в книге «Что делать?» (там же, т. 6, с. 19, 34—38, 44, 45, 60, 72 и др.).

¹⁹ «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был образован В. И. Лениным осенью 1895 г. «Союз» объединял около 20 марксистских рабочих кружков Петербурга и впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением, связывая борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма и капиталистической эксплуатации. Это был, как писал В. И. Ленин, первый серьезный зачаток революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата.

К 1899 г., когда А. Шотман стал его членом, «Союз борьбы» организационно и политически не был едиен. После арестов 1896 г. к руководству «Союзом» пришли новые люди. Многие из них стремились ограничить рабочее движение экономической борьбой, отрицали руководящую роль пролетариата в борьбе с самодержавием. Однако не все члены петербургского «Союза борьбы» шли за его оппортунистическим руководством. Внутри «Союза» все большее влияние приобретало левое, революционное крыло, руководимое В. П. Красухой, М. И. Калининским, Е. Д. Стасовой. М. И. Калинин создал марксистский кружок среди рабочих-путников. За Невской заставой активно работал марксистский кружок В. П. Ногина. Такой же революционный кружок был и на заводе Лесенена. В нем и начал свою партийную работу А. В. Шотман. (См.: В. И. Ленин и «Союз борьбы». М., 1978; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. т. 1. Л., 1980, гл. 1.)

²⁰ Е. М. Ярославский вспоминал: «В тех условиях, в каких мы работали в подполье, не могло быть и речи о том, чтобы иметь точный список всех членов организации. Нигде тогда почти не было никаких членских билетов, никаких членских книжек. Каждый заводской организатор знал членов заводской организации по памяти. Очень редко он передавал список членов районному организатору или секретарю». (Цит. по кн.: Слово о партийном биле-

то. Ист. очерк о главном документе коммуниста. Худ. проза. Стихи. Сост. П. А. Петровичев и др. М., 1980, с. 9. О партийных документах в период подполья см. также: *Бондаревская Т. П., Обычкин О. Г., Степанов В. И., Угаров И. Ф.* Некоторые вопросы истории партийного билета и организация учета РСДРП в период подполья. — Вопросы истории КПСС. 1981, № 2, с. 70—81.)

²¹ Шлессельбургский тракт — ныне пр. Обуховской Оборона.

²² Цифра ошибочна. На Обуховском заводе в этот период было 3600 рабочих.

²³ Ермаков А. И. (1878—?) — токарь Семянниковского завода, социал-демократ с 1897 г., один из руководителей Обуховской обороны в 1901 г., за что был осужден на 5 лет каторги, которую отбывал на Сахалине. В 1919 г. вступил в ряды РКП(б).

²⁴ Воробьев Б. И. (род. 1882—?) — рабочий, в 1899 г. привлекался по делу петербургского «Союза борьбы», в 1901 г. — за участие в Обуховской обороне, в 1904 г. — как член Донского комитета РСДРП.

²⁵ К 1900 г. оппортунистические элементы, усилившиеся в руководящем ядре «Союза борьбы», предприняли некоторые меры по изменению организационной структуры «Союза», создали центральную агитационную группу под названием «Рабочий комитет» из представителей рабочих и центральную союзную кассу, которые должны были работать независимо от «Союза». «Молодые» (так стали называть новый состав «Союза») стремились подменить боевой, революционный «Союз борьбы» широкой беспартийной организацией. В деятельности «Союза» наступил спад: сократился выпуск листовок, ослабла пропагандистская работа. (См.: Марксизм-ленинизм и петербургские рабочие. Из истории идеологической работы марксистов-ленинцев Петербурга — Петрограда в 1883—1917. Л., 1977, с. 85—99.)

²⁶ Юников П. Н. (1880—1918) — рабочий-слесарь, один из руководителей Обуховской обороны 1901 г., член партии с 1903 г. В 1903 г. — организатор Выборгского партийного района в Петербурге. 2 сентября 1903 г. арестован по делу Петербургского комитета РСДРП и выслан в Архангельскую губернию. В 1917 г. — командир отряда Красной гвардии в Самаре, убит белочехами.

²⁷ Малышев С. В. (Пожарный) (1877—1938) — рабочий Обуховского завода, вместе с А. В. Шотманом, Н. Н. Юпиковым, И. П. Тараевым входил в революционный кружок, в котором изучал книгу Ленина «Что делать?». По словам Малышева, она являлась для него «прямым откровением» (*Малышев С. Встречи с Лениным*. М., 1933, с. 5, 7). С 1902 г. он — социал-демократ. Активный участник первой русской революции, председатель Петербургского Совета безработных, член ЦК РСДРП. После Октября работал в Наркомпроде, председатель Нижегородской и Ирибитской ярмарок. Его хорошо знал и ценил В. И. Ленин. (См.: ПСС, т. 41, с. 8; т. 44, с. 362.) В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина хранится книга Малышева «Нижний — Лион. Путевые заметки». (М., 1923).

²⁸ Пыне соответственно — Тампере, Порв, Турку, Хельсинки.

²⁹ «Рабочее дело» — журнал, орган «экономистов», выходил с апреля 1899 по февраль 1902 г. в Женеве. Редакция «Рабочего дела» являлась заграничным центром «экономистов». Критику журнала см.: Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 318, 356, 389, 394—385; т. 6, с. 5, 13, 14, 15, 19 и др.

³⁰ «Работник» — неперподический сборник, издавался в 1896—1899 гг. за границей группой «Освобождение труда». Инициатором издания был В. И. Ленин. Всего вышло 6 номеров «Работника» и 10 номеров «Листка „Работника“». (См. подробнее: Курбатова И. И. Начало распространения марксизма в России. М., 1983.)

³¹ В. И. Ленин приехал в Петербург 31 августа 1893 г. По его инициативе разрозненные марксистские кружки Петербурга объединились в единую социал-демократическую организацию — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Делу объединения Ленин отдал всю свою энергию и организаторский талант. В. И. Ленин возглавил руководящий центр — Центральную группу, был редактором всех изданий «Союза». Ленин не прекращал руководить «Союзом борьбы» и тогда, когда царское правительство арестовало его. Из тюрьмы Владимир Ильич помогал «Союзу борьбы» советами, пересылал зашифрованные письма и листовки, написал брошюру «О стачках», составил проект Программы партии и т. д. (См.:

В. И. Ленин и «Союзы борьбы», с. 65—75; *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге — Петрограде. Место жизни и деятельности в городе и окрестностях. Л., 1980, гл. 1.)

³² «Tuomies» («Рабочий») — газета финских социал-демократов, выходила в Гельсингфорсе.

³³ Пернафорт В. П. (1881—?) — рабочий-токарь Обуховского, затем Путиловского заводов; в 1905 г. депутат Петербургского Совета рабочих депутатов.

³⁴ Преображенское кладбище — ныне кладбище им. Жертв 9 Января.

³⁵ Села Смоленского пр. — ныне пр. Обуховской Обороны.

³⁶ Палелский пр. — ныне пр. Елизарова.

³⁷ Фабрика Максвелля — ныне прядильно-ткацкая фабрика «Рабочий».

³⁸ Варгунина фабрика — ныне бумажная фабрика № 2 им. В. Володарского.

³⁹ Афанасьев Н. И. (1875—?) работал на Семяшовском заводе; в конце 1901 г. уехал за границу и возвратился через год с транспортом рабочедельческой литературы; примкнул к петербургской «экономистской» группе. В 1903 г. арестован в Ростове-на-Дону с транспортом литературы и сослан в Восточную Сибирь.

⁴⁰ Очевидно, И. И. Радченко (1874—1942) — профессиональный революционер, член партии с 1898 г. В Петербург приехал в декабре 1901 г. для налаживания транспорта литературы и контактов с редакцией «Искры». Сыграл большую роль в завоевании на сторону «Искры» петербургского «Союза борьбы», вел большую работу среди рабочих Выборгской стороны. (См.: Перовская В. И. Ленин и редакция газеты «Искра» с соц.-дем. организациями в России, 1900—1903, т. 3, М., 1970, с. 711.)

⁴¹ 4 (17) марта 1901 года в Петербурге, на площади у Казанского собора, состоялась демонстрация в знак протеста против отдачи в солдаты 183 студентов Киевского университета за участие в революционном движении. В демонстрации участвовало несколько тысяч студентов и рабочих. Царское правительство устроило кровавую бойню: несколько демонстрантов было убито, свыше ста ранено и искалечено; 1050 участников демонстрации было заключено в тюрьмы. (См.: *Гусятников П. С.* Революционное

студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971, с. 57—58.)

Жестокая расправа над демонстрациями вызвала широкий общественный протест. «Неужели, — говорилось в листовке объединенной группы «Социалиста» и «Рабочего знамени», — петербургское образованное общество будет равнодушно смотреть на то, как в столице среди белого дня полиция убивает людей?» Около 100 известных писателей, ученых, общественных деятелей, в том числе А. М. Горький, В. В. Вересаев, Д. П. Мамин-Сибиряк, С. А. Венгеров, П. Ф. Лесгафт, Д. В. Стасов, А. А. Шахматов и другие, выступили с гневным протестом против провала царского правительства. (См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, с. 59). «После этой демонстрации, — вспоминал товарищ Шотмана обуховец А. И. Ермаков, — у нас в заводе только и говорили о событиях на Невском, комментируя все мельчайшие подробности. Нужно ли говорить, что настроение у рабочих поднялось и многими овладел воинственный дух. Стало гораздо легче вести революционную пропаганду (Ермаков А. Обуховская оборона. М.—Л., 1928, с. 13).

⁴² «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса. Ленин был фактически ее редактором и руководителем. «Искра» стала центром сплочения партийных сил, собрания и воспитания партийных кадров; она возглавила борьбу за созыв II съезда РСДРП. Последний номер «Искры» (№ 51) вышел в октябре 1903 года. После этого «Искра» попала в руки меньшевиков. (Подробнее см.: Волин М. С. Ленинская «Искра» (1900—1903). М., 1964; Степанов В. Н. В. И. Ленин и русская организация «Искры». М., 1968.)

⁴³ «Экономизм» — оппортунистическое направление в русской социал-демократии конца XIX — начала XX века, русская разновидность международного оппортунизма. «Экономисты» выступали под лозунгом «свободы критики» Маркса, требовали пересмотра (реvisions) его учения. «Экономисты» ограничивали задачи рабочего класса экономической борьбой за повышение заработной платы и улучшение

условий труда, утверждая, что политическая борьба является делом либеральной буржуазии. «Экономисты» стремились превратить социал-демократию из партии социальной революции в партию социальных реформ.

Против «экономистов» решительно выступил В. И. Ленин. См. его работы: «Протест российских социал-демократов», «Насущные задачи нашего движения» и др. Окончательный разгром «экономизма» был завершен книгой В. И. Ленина «Что делать?». См. также: *Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р.* Борьба В. И. Ленина против экономизма. М., 1980.

⁴⁴ После I съезда (1898 год) РСДРП переживала период разброда, организационного распада и шатаний. Особенно резко кружковщина и кустарничество проявлялись в Петербурге. Кроме продолжавшего работу «Союза борьбы» здесь появилось несколько новых социал-демократических организаций: «Группа самоосвобождения рабочего класса», «Рабочее знамя», «Социалист», «Рабочая организация» и др. «Группа двадцати», возникшая в 1899 году, организационно была связана с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; она не была единой и в 1901 году распалась. Часть «Группы двадцати» слилась с «Союзом борьбы», а некоторые члены впоследствии примкнули к эсерам и меньшевикам. (См. подробнее: История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 216—232; *Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975, гл. 1.)

⁴⁵ В одной из листовок, распространенных на Обуховском заводе, говорилось: «Над нами все время занесен самодержавный кулак, и он обрушивается на наши спины, как только мы пробуем словом или делом заявить, что нам живется не сладко. Для всех слов русского общества ближайшую, насущнейшую нужду составляет политическая свобода. В день 1 мая (18 апреля) мы ставим ее во главе наших требований и зовем под наши знамена всех, кто не хочет быть бесправным рабом» (цит. по кн.: *Розанов М. Д.* Обуховцы. Л., 1985, с. 95).

В предмайские дни полиция Петербурга изъяла около 22 тысяч экземпляров революционных воззваний, листовок и брошюр, изданных в основном «Искрой». В ночь на 18 апреля 1901 года полиция

устроила форменный погром, арестовав свыше 100 пропагандистов и рабочих-активистов.

⁴⁶ Екатеринбургский канал — ныне канал Грибосдова.

⁴⁷ Иванов К. И. (1881—1906) — рабочий, член партии с 1897 г., один из руководителей Обуховской обороны 1901 г., затем в эмиграции в Париже. С 1904 г. снова в Петербурге, активный участник революционных событий 1905 г.; в 1906 г. — агитатор ЦК РСДРП в Кропштадте; 7 августа 1906 г. расстрелян за участие в Кропштадтском восстании.

⁴⁸ Автор недооценивает события, происходившие на Выборгской стороне 1 мая 1901 года. Здесь шли настоящие сражения рабочих с полицией и войсками. Впервые были построены баррикады. На подавление выступления рабочих были брошены две роты гвардейского Московского полка, рота кавалерии, эскадрон жандармов и отделение копполицейской стражи. 1 мая 1901 года в Петербурге бастовали также рабочие Невского судостроительного, Александровского, Металлического и других заводов. (См.: История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 239—242; *Корольчук Э., Соколова Е.* Хроника революционного рабочего движения в Петербурге. 1870—1904. Л., 1940, с. 284—287.)

⁴⁹ Цифра, очевидно, ошибочна: на другой день после забастовки с Обуховского завода было уволено 28 рабочих. (*Розанов М. Д.* Обуховцы, с. 100.)

⁵⁰ Это было совещание представителей социал-демократических кружков завода, в проведении которого активно участвовал А. В. Шотман.

⁵¹ На собрании присутствовали не все члены социал-демократической организации завода, поэтому автор так несимпатично и оценивает ее количественный состав. Исследователь истории Обуховского завода М. Д. Розанов по этому поводу сообщает: «К началу 1901 года почти в каждой мастерской завода работал подпольный кружок, а в таких мастерских, как ставочная, млиная, пушечная, было по два кружка» (*Розанов М. Д.* Обуховцы, с. 88). Утром 7 мая, когда проходило собрание, о котором пишет Шотман, многие социал-демократы оставались в мастерских, организуя рабочих на стачку.

Совершенно ясно, что начало массовой вооруженной борьбы русского рабочего класса с самодер-

живно-капиталистическим строем положило не обороне, а сама Обуховская оборона.

⁵² Очевидно, рабочий станочной мастерской Фома Кармазов, активный участник Обуховской обороны.

⁵³ Здесь автор допускает неточность: требования рабочих к администрации были выработаны на совещании социал-демократов 6 мая. Всего было 12 требований. На первом месте стояли политические требования: свободное празднование 1 Мая и 8-часовой рабочий день. (См.: *Розанов М. Д.* Обуховцы, с. 101.)

⁵⁴ Калинин А. — рабочий-металлист, участник революционного движения; погиб под Гатчиной при подавлении контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова.

⁵⁵ Среди требований обуховцев были и такие, как вернуть на завод 26 уже уволенных рабочих, учредить на заводе совет уполномоченных от рабочих.

⁵⁶ Как отмечает автор выше, в полевой мастерской работала в основном привилегированная часть рабочих — «старожилы», имеющие собственные дома, свое хозяйство. Их труднее всего было вовлечь в революционную борьбу.

⁵⁷ «Снимать рабочих с заводов и фабрик» — этот метод вовлечения масс в революционную борьбу применялся и позднее. Рабочие нередко сами просили уже забастовавших товарищей «спясть их с работы».

⁵⁸ Неточность: около шлагбаумов руководители стачки организовали тогда отпор полиции и войскам; рабочие трижды отбивали атаки врага. А когда войска стали одолевать, рабочие отступили к Карточной фабрике.

⁵⁹ Рабочие начали заваливать ворота фабрики бревнами и ящиками. Вскоре дна флпголя Карточной фабрики были превращены в крепость. У работницы фабрики Марфы Яковлевой в руках появился красный платок, и над огромной баррикадой взвился красный флаг. (См.: *Розанов М. Д.* За братьев! Подвиг героини Обуховской обороны Марфы Яковлевой. Л., 1980, с. 68.)

⁶⁰ Автор, очевидно из желания не преувеличивать свои заслуги как руководителя обороны, несколько снижает остроту и размеры развернувшегося на Шпассельбургском тракте сражения; подробнее и точнее см. об этом в книге М. Д. Розанова «За братьев!», с. 60—74.

Силы врагов также преуменьшены: против обуховцев тогда были брошены в бой два эскадрона жандармов, двести полицейских, несколько рот Омского полка, конная полиция и казаки. Они пустили в ход все имевшееся в их распоряжении оружие, в том числе пистолеты, сабли, ружья.

⁶¹ Автор ошибается: убито было 7 рабочих и 13-летний мальчик Коля Евдокимов; больницы Обуховского завода и соседних предприятий были переполнены ранеными.

После Обуховской обороны В. И. Ленин в статье «Новое побуждение», обращаясь к питерским рабочим, писал: «Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7-го мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!» (*Ленин В. И. ПСС*, т. 5, с. 19).

⁶² Знаменская пл. — ныне пл. Восстания.

⁶³ Села Михаила Архангела пр. — ныне пр. Обуховской Обороны.

⁶⁴ 29 участников Обуховской обороны были приговорены в общей сложности к 108 годам каторжных работ, тюрем и арестантских рот; 800 человек высланы из Петербурга (*Розанов М. Д. Обуховцы*, с. 138).

В статье «Каторжные правила и каторжный приговор», опубликованной в 10-м номере «Искры», В. И. Ленин дал исчерпывающую оценку царского приговора.

«Нет, — восклицал он, — каторга не устрасит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: мы стоим за братьев!» (*Ленин В. И. ПСС*, т. 5, с. 294). В 1902 г. социал-демократы за границей выпустили специальную брошюру «Обуховцы».

Когда наша страна отмечала 30-летие Обуховской обороны, М. Горький прислал рабочим бывшего Обуховского завода — участникам и потомкам героической обороны — приветствие, в котором с гордостью писал: «Память о героях 7 мая 1901 года говорит нам сегодня, что ни одна капля крови, проли-

тая за дело революции, не исчезла бесследно. Эти капли крови — искры, которые зажгли огонь, освещающий путь свободе пролетариата всего мира».

⁶⁵ Тараев И. М. — рабочий-металлист, социал-демократ с 1898 г., искровец, активный участник революции 1905—1907 гг. в Петербурге.

⁶⁶ Беляничков И. С. (1881—1953) — рабочий-слесарь, в 1902 г. — член ПК РСДРП. В январе 1903 г. арестован и выслан в Архангельскую губ., в сентябре бежал из ссылки. Работал в Екатеринбурге. В 1904 г. — член транспортной группы ЦК РСДРП, затем — Московского комитета партии.

⁶⁷ Зубатовские организации — легальные рабочие организации, создававшиеся в 1901—1903 гг. по инициативе начальника Московского охранного отделения Зубатова в целях отвлечения рабочих от политической борьбы с самодержавием. Зубатовцы стремились направить рабочее движение в русло узких экономических требований, уверяли рабочих, что правительство выполнит их требования. Первая зубатовская организация была создана в Москве в 1901 г., затем они возникли в Минске, Одессе и других городах. В Петербурге попытка создания таких организаций «полицейского социализма» провалилась. Под влиянием подъема революционного рабочего движения правительство вынуждено было в 1903 г. ликвидировать зубатовские организации.

⁶⁸ Егоров И. И. (Нял, Большак) (1874—1937) — рабочий-слесарь, в революционном движении с 1889 г., в 1902 г. был организатором Василеостровского партийного района. После II съезда РСДРП — большевик, член Творского комитета. После Октябрьской революции — на хозяйственной работе. (См.: *Егоров И. И. В рядах петербургских социал-демократов накануне второго съезда. — Красная летопись, 1928, № 2.*)

⁶⁹ Псевдоним не раскрыт.

⁷⁰ Генкина О. М. (1882—1905) — студентка Женского медицинского института в Петербурге, член партии с 1902 г. В 1903 г. — организатор техники Выборгского партийного района, в 1904 г. — организатор района. 9 января 1905 г. арестована, в мае освобождена под надзор полиции. 16 ноября 1905 г. в Исааково-Вознесенске убита черносотенцами. Некролог о ней был опубликован в большевистской газете

те «Новая жизнь», 1905, № 21, 25 ноября. «Нет больше милой, хорошей Ольги Генкиной, нет больше одного из товарищей по партии, — говорилось в некрологе. — ...Ольга Генкина отдала делу рабочего класса всю свою молодость, все свои силы и знания, она отдала ему самое ценное и дорогое — свою жизнь. И долго будет помнить русский рабочий прекрасный образ дорогой девушки, убитой за его счастье, его свободу и его великую борьбу!». (См. также: *Ольминский М. С.* Памяти погибших. Спб., 1907; *Позмонова Л.* Ольга Генкина. Горький, 1963).

⁷¹ Широкая ул. — ныне ул. Ленина.

⁷² Таймин (Вастен) А. П. (1881—1955) — рабочий-металлист, член партии с 1902 г., активный участник трех революций в России, один из основателей Коммунистической партии Финляндия.

⁷³ Изотов Е. М. (1881—1942) — рабочий-металлист, член партии с 1902 г., активист, вел революционную работу на Выборгской стороне, Васильевском острове и за Нарвской заставой; в 1917 г. — член Петербургского комитета РСДРП(б) и депутат Петроградского Совета.

⁷⁴ Судаков П. И. (1877—1950) — рабочий-металлист, организатор рабочих кружков, социал-демократ, член партии с 1897 г., депутат Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 и 1917 гг.; в 20-е годы — зам. Председателя ВСНХ.

⁷⁵ Завод братьев Экваль — ныне станкостроительный завод им. Ильича; завод Барановского — ныне завод «Красная звезда»; завод Стружка — ныне абразивный завод «Ильич»; текстильная фабрика Чешера — ныне комбинат «Красный маяк».

⁷⁶ Е. М. Изотов рассказал о партийной работе на Выборгской стороне в этот период в книге «Как мы боролись» (ЛОИЗ, 1933). Фамилии пропагандиста, о котором пишет А. В. Шотман, Изотов также не помнит, называя его по кличке «Степан Степанович».

⁷⁷ Искровский Петербургский комитет РСДРП был создан в июле 1902 г. В его состав вошли Е. Д. Стасова, В. А. Краспуха, И. И. Радченко и др.

⁷⁸ Стасова Е. Д. (Абсолют, Гуца, Варлара Ивановна) (1873—1966) — в революционном движении с начала 90-х годов, член партии с 1898 г. Работала в петербургском «Союзе борьбы», затем в искровском комитете — сначала заместителем секретаря (И. И. Рад-

ченко), ведала конспиративной техникой, а затем секретарем ПК; агент «Искры». За революционную деятельность неоднократно подвергалась арестам, ссылалась в Восточную Сибирь. После Октябрьской революции работала в Коминтерне, МОПР, участвовала в создании Всемирного антивоенного и антифашистского комитета, Герой Социалистического Труда. (См.: *Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969.)

⁷⁹ Инна Львовна, Зверь — партийные псевдонимы М. М. Эссен (1872—1956), видной деятельницы большевистской партии. В конце 1902 — начале 1903 г. она ведала пропагандистской группой искровского ПК РСДРП; 1 апреля 1903 г. была арестована. См. ее воспоминания: *Эссен М. М.* Петербургская организация в конце 1902 и первой половине 1903 года (Красная летопись, 1926, № 2), а также: *Первый штурм.* М., 1955.

⁸⁰ Дивильковский А. А. (1873—1932) — социал-демократ, в 1902—1903 гг. — искровец, член ПК РСДРП, редактор листков комитета. 29 июля 1903 г. арестован и выслан в Архангельскую губ. После II съезда РСДРП — большевик, затем меньшевик-партиец. В 1918 г. вступил в РКП(б).

⁸¹ Эссен А. М. (Бур, Степанов) (1880—1930) — после II съезда РСДРП большевик, член ПК РСДРП. В 1905 г. делегат III съезда с совещательным голосом, кандидат в члены ЦК и агент ЦК РСДРП.

⁸² Об издании первомайской листовки ПК РСДРП в 1902 г. ничего неизвестно. В 1903 г. ПК издал «Майский листок» с призывом к организации первомайских демонстраций и листовку «Первое мая 1903 г.» с призывом к стачке в этот день.

⁸³ Двухсотлетие печати отмечалось в январе 1903 г. — в связи с тем, что 2 января 1703 г. в России начала регулярно издаваться первая русская газета «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». Петербургский комитет РСДРП 3 января 1903 г. выпустил 2 листовки — «Двухсотлетие подневольной печати» и «К 200-летию юбилею русской печати», в которых клеймил позорную систему цензуры, описывал борьбу за свободное слово (начиная с Радищева), широкое развитие революционной печати в конце XIX —

начале XX в., призывал к борьбе за уничтожение самодержавия (в «Искре» № 33, 1 февраля 1903 г., было сообщение о выходе листовок ПК). В противовес отмечаемому либералами «200-летию кабалы печатного слова» ПК организовал празднование славного юбилея — исполнявшегося в 1903 г. пятидесятилетия со дня основания в Лондоне Вольной русской типографии. (См.: Листовки петербургских большевиков, т. 1. 1902—1907. Л., 1939, с. 15—20).

⁸⁴ Фурштадтская ул. — ныне ул. Петра Лаврова.

⁸⁵ Книга В. И. Ленина «Что делать?» в Петербурге пользовалась огромным спросом. Полученных Петербургским комитетом 75 экземпляров постоянно не хватало. И. И. Радченко, сообщая В. И. Ленину о «громдном успехе» книги в борьбе с петербургскими «экономистами», писал: «Везде оперирую ленинским плугом как самым лучшим, производительным возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутвы, разрыхляет почву, обещающую произвести злаки. Раз повстречаются на пути плевелы, посеянные «Рабочим Делом», он всегда уничтожает их с корнем. Замечательно!» (Переписка В. И. Ленина с редакцией «Искры» с соц.-дем. организациями России, т. 2, с. 104).

В одном из писем (от 6 июня 1902 г.) И. И. Радченко рассказал В. И. Ленину о встрече с рабочими в кружке, во время которой он услышал «если не буквально, то в духе... „Что делать?“» высказывания.

«Снизу я радуюсь за Ленина, — пишет Радченко, — вот, думаю, что он наделал. Мне ясно было, что говорить со мной его читатели и выкладывать свое резюме мне не для чего. Указываю только на некоторые принципиальные места, конкретно излагаю план общерусской работы, какой рекомендует Ленин. Причем упомянул: «Вы вот читали „Что делать?“».

— Что такое? Мы такой брошюры не читали.

— Может быть, кто-нибудь из товарищей?

— Нет, — в один голос ответили, — мы не встречали. (Канальи комитетцы, они сожрали 75 штук, а рабочим и не дали.)

Я был поражен, передо мной сидели типы Ленина. Люди, жаждущие профессии революционной. Я был счастлив за Ленина, который за тридцать лет

мель, забаррикадированный штыками, пушками, гранатами, таможнями и прочими атрибутами самодержавия, видит, кто у нас в мастерских работает, чего им нужно и что с них будет. Верьте, дорогие, вот-вот мы увидим своих Бебелей. Действительных токарей-революционеров. Передо мной сидели люди, жаждущие взяться за дело не так, как берется выпешняя интеллигенция, словно сладеньким закусывает после обеда, нет, а взяться так, как берутся за зубило, молот, пилу, взяться двумя руками, не выпуская из пальцев, пока не кончат начатого, делая все для дела с глубокой верой «я сделаю это». Повторяю еще раз, что таких счастливых минут в жизни у меня не было еще.

Несколько часов прошли незаметно. Я начинаю говорить — меня останавливают, продолжают и заканчивают сами, я в свою очередь подхватываю их мысль. Мы понимали друг друга, мы были давно знакомые якобы, мы были родные, свои, по всему сходящиеся, вооруженные одинаково от пяток до головы одним и тем же оружием. Не хотелось уходить, но утренняя заря загорелась, через несколько часов мои товарищи должны идти» (там же, т. 3, с. 28—29).

В. И. Ленин 9 июля отвечал Радченко: «Дорогой друг! Прочел еще Ваше длинное письмо от 6 июня, и хочется добавить кое-что к предыдущему моему письму (от 3 июля. — См.: Ленин В. И. ПСС, т. 46, с. 192—197). Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими... Передайте это непременно рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам не только для печати, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания. Меня лично особенно интересует при этом, как отнесутся рабочие к „Что делать?“» (там же, с. 201).

⁸⁶ Избирать делегатов от Петербурга единственно был правомочен искровский Петербургский комитет: он существовал более года, имел достаточное количество кружков в районах и печатные задания. Но на представительство претендовали также две организации оппортунистов: литературная группа Луковского, именовавшая себя вторым «С.-Петербургским комитетом РСДРП», и «Рабочая организация», назы-

павшая себя «Петербургской группой русских социал-демократов». (Подробно о выборах делегатов см.: *Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге, с. 331—335).

⁸⁷ Организационный комитет по созыву II съезда.

⁸⁸ 17 мая 1903 г. Е. Д. Стасова писала в редакцию «Искры», что делегатами на съезд избраны «Адель [Б. Горев] и рабочий Шотман, последнего управляем теперь же». А 26 мая из Петербурга сообщили, что Шотмана «мы уже послали». 9 июня И. К. Крупская информировала Стасову о свидании с Шотманом, писала, что «парень Ваш нам очень понравился» (см.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с соц.-дем. организациями в России», т. 3, с. 385, 400, 410). Б. Горев был арестован на границе 22 июня 1903 г. и на съезде не присутствовал.

Горев (Гольдман) Б. И. (Адель, Дама) (1874—1937) — социал-демократ, с 1895 г. принимал участие в техническом обслуживании петербургского «Союза борьбы». В 1897 г. арестован и на четыре года сослан в Восточную Сибирь. После возвращения посылки уехал в Женеву, с февраля 1903 г. — в Россию, кандидат в члены Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП; после съезда — большевик; в 1907 г. примкнул к меньшевикам. В 1920 г. вышел из меньшевистской партии. Был на преподавательской и издательской работе.

⁸⁹ Оппортунистическую «Рабочую организацию» на съезде представляла ярая антиискровка Л. П. Махновец (Брукэр). По всем вопросам на съезде она выступала вместе со своим братом, лидером «экономизма» В. П. Акимовым.

⁹⁰ Автор здесь сам себе противоречит: на с. 93 он пишет о том, что был делегирован на II съезд «в мае 1903 г.».

О времени выезда А. В. Шотмана за границу см. примечание 88.

⁹¹ Потресов А. Н. (Старовер) (1869—1934) — социал-демократ, член редакции «Искры» и «Заря», на II съезде РСДРП — делегат от редакции «Искры» с совещательным голосом, один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской революции эмигрировал, выступал против СССР.

⁹² Мартов Ю. О. (Мартов Л.) (1873—1923) — в социал-демократическом движении с 90-х гг. Принимал участие в подготовке издания «Искры», член ее редакции. Делегат II съезда РСДРП от организации «Искры», меньшевик и с тех пор один из лидеров меньшевизма. После Октября выступал против Советской власти, в 1920 г. эмигрировал в Германию, один из организаторов 2½ Интернационала.

⁹³ Плеханов Г. В. (1856—1918) — выдающийся деятель российского и международного рабочего движения. В 1883 г. создал в Женеве русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». Боролся против народничества и ревизионизма в международном рабочем движении. В начале 900-х гг. вместе с В. И. Лениным редактировал «Искру» и «Зарю», участвовал в выработке проекта Программы партии и в подготовке II съезда РСДРП, на котором был делегатом от группы «Освобождение труда». Входил в бюро (президиум) съезда, искровец большинства. Позднее занял примиренческую позицию по отношению к оппортунистам, а затем примкнул к меньшевикам. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но в борьбе против Советской власти не участвовал.

В. И. Ленин, высоко оценивая философские работы Плеханова и его роль в распространении марксизма в России, в то же время резко критиковал его за отступления от марксизма и крупные ошибки в политической деятельности. (См.: *Иовчук М. Т., Курбатова И. И.* Георгий Валентинович Плеханов («ИЗЛ»). М., 1977; *Тютюкин С. В.* Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. М., 1981.)

⁹⁴ Аксельрод П. Б. (1850—1928) — один из оппонентов группы «Освобождение труда». С 1900 г. — член редакции «Искры», от которой присутствовал на II съезде РСДРП с совещательным голосом. Октябрьскую революцию встретил враждебно; находясь в эмиграции, пропагандировал вооруженную интервенцию против СССР.

⁹⁵ Засулич В. И. (1849—1919) — представительница народнического, а затем социал-демократического движения в России. В 1883 г. принимала участие в создании группы «Освобождение труда». В 1900 г.

пошла в редакцию «Искры» и «Зари». Делегат II съезда РСДРП с совещательным голосом. Один из лидеров меньшевизма. К Октябрьской революции отнеслась отрицательно.

⁹⁶ Дейч Л. Г. (1855—1941) — участник народнического, затем социал-демократического движения. Один из основателей группы «Освобождение труда» в 1883 г. В 1884 г. осужден на каторжные работы, в 1901 г. с каторги бежал в Мюнхен, участвовал в издании «Искры» и «Зари». Делегат II съезда РСДРП от группы «Освобождение труда», меньшевик. После Октябрьской революции от политической деятельности отошел, занимался историко-литературным трудом.

⁹⁷ «Народная воля» — народническое тайное общество, организованное в 1879 г. для революционной борьбы с самодержавием. Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет (А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов и др.) (см.: Волк С. С. «Народная воля». М.—Л., 1966). Вскоре после убийства Александра II (1 марта 1881 года) «Народная воля» была разгромлена царским правительством. Большинство народников после этого отказалось от революционной борьбы с царизмом, стало проповедовать примирение, соглашение с царским правительством.

⁹⁸ Гусев С. И. (Нация, Харитон) (1874—1933) — профессиональный революционер, член партии с 1896 г., революционную деятельность начал в петербургском «Союзе борьбы», будучи еще студентом Технологического института. Делегат II съезда РСДРП от Допского комитета, большевик. В 1905 г. — секретарь Бюро комитетов большинства и ПК РСДРП. В годы Советской власти — на ответственной партийной работе.

⁹⁹ Степанов С. И. (1875—1935) — рабочий-токарь, член партии с момента ее образования, член Тульского комитета РСДРП, делегат II съезда, большевик; делегат XIII—XVII съездов партии. Автор воспоминаний «Из встреч с В. И. Лениным на II съезде партии».

Андрей — И. К. Никитин (1877—1944) — рабочий-токарь, делегат II съезда от Киевского комитета, искровец большинства.

¹⁰⁰ «Южный рабочий» — социал-демократическая пепериодическая газета, издавалась нелегально в Кисло группой того же названия с января 1900 по апрель 1903 г. Группа «Южный рабочий», несмотря на ряд разногласий принципиального характера, признала «Искру» своим руководящим органом. На II съезде делегаты группы (В. Н. Розанов и К. Я. Левин) заняли позицию «центра» («оппортунисты среднего» — как называл представителей «центра» В. И. Ленин). II съезд РСДРП распустил группу «Южный рабочий», как и все другие самостоятельно существовавшие социал-демократические группы и организации.

¹⁰¹ Владимир Ильич с семьей с весны 1903 и до осени 1904 г. жил в пригороде Женевы, в рабочем поселке Сешерон, в отдельном домике, состоявшем из трех комнат. Кухня, расположенная вблизи дома, служила одновременно столовой и гостиной. Подробно см.: *Кудрявцев А. С.* и др. Ленин в Женеве. М., 1967.

¹⁰² Литвинов М. М. (Папаша) (1876—1951) — партийный и государственный деятель, член партии с 1898 г., профессиональный революционер. Работал по транспорту нелегальной литературы и в экспедиции «Искры». После Октябрьской революции на ответственной дипломатической работе.

¹⁰³ Об искровской технике и участии М. М. Литвинова в ней подробно рассказал М. А. Сильвин в своих воспоминаниях «Ленин в период зарождения партии» (Ленинград, 1958).

Сам М. М. Литвинов писал о более позднем периоде партийной техники в «Страничке воспоминаний» («Новая жизнь», 1905. Вып. 1. Прибой, 1925).

¹⁰⁴ Социалисты-революционеры (эсеры) — мелкобуржуазная партия, возникшая в 1902 г. в результате объединения различных пародических групп и кружков. Отрицая классовые различия между пролетариатом, крестьянством и интеллигенцией, эсеры затрудняли уяснение рабочим классом его руководящей роли в революционной борьбе, отвергали идею диктатуры пролетариата. Аграрная программа эсеров сводилась к требованию «социализации» земли; они обманывали рабочих и крестьян рассуждениями, будто можно и при сохранении капитализма ввести социализм в деревню путем отмены частной собствен-

ности на землю и раздела ее поровну между крестьянами. Эсеровская тактика индивидуального террора наносила большой вред революционному движению.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции эсеры вели контрреволюционную, подрывную работу, поддерживали белогвардейцев и интервентов, участвовали в антисоветских заговорах, совершали террористические акты против советских деятелей.

¹⁰⁵ «Революционная Россия» — нелегальная газета эсеров; издавалась сначала в России, затем в Женеве в качестве официального органа партии.

¹⁰⁶ На II съезде РСДРП всего присутствовало 43 делегата с решающим голосом от 26 организаций; некоторые делегаты имели по два голоса, и поэтому число решающих голосов на съезде составляло 51.

¹⁰⁷ Вандервельде Э. (1866—1938) — один из лидеров бельгийских социалистов; пост министра иностранных дел занимал в 1926—1927 гг., в 30-х гг. был профессором Брюссельского университета.

¹⁰⁸ Красиков П. А. (Игнат, Павлович, Музыкант, Шпилька) (1870—1939) — профессиональный революционер, член партии с 1892 г. В 1897 г. познакомился с В. И. Лениным. Агент «Искры», член Бюро Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, делегат съезда от Киевского комитета, вместе с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым входил в бюро (президиум) съезда. После Октября — на ответственной работе в органах юстиции. Член ВЦИК и ЦИК СССР ряда созывов (см.: Гиндин А. М. Рядом с Ильичем. Красноярск, 1963).

¹⁰⁹ Розанов В. И. (Мартыи) (1876—1939) — врач, социал-демократ, входил в группу «Южный рабочий», оказывал содействие в транспортировке «Искры». На II съезде РСДРП — делегат от группы «Южный рабочий», центрист, после съезда — активный меньшевик. К Октябрьской революции отнесся враждебно, за антисоветскую деятельность был осужден. После амнистии от политической деятельности отошел, работал врачом.

¹¹⁰ Алексеев Н. А. (1873—1972) — член партии с 1897 г. В 1899 г. сослан в Вятскую губ., откуда бежал за границу. С 1900 по 1905 г. жил в Лондоне, помогал издавать «Искру». После II съезда РСДРП —

представитель большевиков в Лондоне. После Октября — на политико-просветительной и научно-исследовательской работе. Герой Социалистического Труда.

¹¹¹ Тахтарев К. М. (Петербуржец) (1871—1925) — литератор, социал-демократ, сторонник «экономизма», член петербургского «Союза борьбы». В 1897 г. эмигрировал за границу. редактор «Рабочей мысли», делегат II съезда РСДРП с совещательным голосом, стоял на нейтральных позициях. Позднее от политической деятельности отошел. После Октября занимался литературным трудом.

¹¹² Съезд продолжался с 17 (30) июля по 10 (23) августа 1903 г., т. е. менее месяца.

¹¹³ Бунд — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, был создан в 1897 г., объединял преимущественно еврейских ремесленников западных областей России. В 1898 г., на I съезде РСДРП, Бунд вошел в РСДРП. На II съезде партии Бунд потребовал признать его единственным представителем еврейского пролетариата. Съезд отверг бундовский организационный национализм, тогда Бунд вышел из РСДРП.

В 1906 г., на IV съезде партии, Бунд формально снова вошел в РСДРП, но фактически являлся организацией буржуазно-националистического характера. Бундовцы постоянно оказывали поддержку меньшевикам, блокировались с ними и вели непрерывную борьбу с большевиками. В 1917 г. Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство; в годы гражданской войны бундовцы примкнули к силам контрреволюции. В 1921 г. Бунд самоликвидировался. Часть его рядовых членов, еще до этого начавшая сотрудничать с Советской властью, вступила в РКП(б).

¹¹⁴ Имеется в виду ироническая кличка — либердапы, укрепившаяся за меньшевистскими лидерами — Либером и Даном и их сторонниками после того, как в московской большевистской газете «Социал-демократ» 25 августа (7 сентября) 1917 г. появился фельетон Д. Бедного под названием «Либердан».

¹¹⁵ «Заря» — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре но-

мера. (См.: *Ольховский Е. Р. В. И. Ленин и журнал «Заря»*. Л., 1980.)

¹¹⁶ Со съезда ушли два делегата «Союза русских социал-демократов за границей» — рабочедельцы В. П. Акимов (Маховец) и А. С. Мартынов (Пикер).

¹¹⁷ Группа «Освобождение труда» — первая русская марксистская группа, основанная Г. Плехановым в Женеве в 1883 г. В группу входили также И. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. И. Игнатов. Группа проделала большую работу по распространению марксизма в России. (См.: *Жуйков Г. С. Группа «Освобождение труда»*. М., 1963.)

На II съезде РСДРП группа «Освобождение труда» заявила о прекращении своего существования.

¹¹⁸ Носков В. А. (1878—1913) — в революционном движении с 90-х гг., социал-демократ, один из организаторов Северного союза РСДРП. Возглавлял транспортное бюро «Искры» в Вильно, участвовал в подготовке II съезда РСДРП, делегат съезда с совещательным голосом, большевик, был избран членом ЦК РСДРП. Позднее примиренец, в годы реакции от партийной деятельности отошел.

¹¹⁹ Кржижановский Г. М. (Клер. Лавь) (1872—1959) — известный советский ученый-энергетик, член партии с 1893 г. Вместе с В. И. Лениным был организатором петербургского «Союза борьбы», в 1897—1900 гг. был в ссылке в Енисейской губ., в числе 17 ссыльных социал-демократов подписал лепинский протест против «Кредо» оппортунистов. Один из руководителей Бюро Русской организации «Искры» (Самара). Член ОК по созыву II съезда. На съезде заочно избран членом ЦК РСДРП. Активный участник трех революций в России. После Октября — на ответственной советской и хозяйственной работе. Академик, Герой Социалистического Труда.

¹²⁰ Левиник Ф. В. (1873—1936) — профессиональный революционер, член партии с 1893 г. В 1898—1901 гг. был в ссылке в Сибири по делу петербургского «Союза борьбы», подписал протест против «Кредо» оппортунистов. В 1901—1903 гг. работал в Русской организации «Искры» (Самара, Киев, Харьков). На II съезде РСДРП заочно избран в ЦК и Совет партии, большевик. После Октября — на научной и педагогической работе.

¹²¹ «Искра» имела на съезде большинство — 33 голоса. У антиискровцев было 8 голосов (3 «экопомпста» и 5 бундовцев); «болото» — 10 голосов. Однако не все искровцы были настоящими искровцами-ленинцами. Твердые и последовательные искровцы, сторонники В. И. Ленина, имели 24 голоса: так называемые «мягкие» искровцы, шедшие за Мартовым, будущие меньшевики, имели 9 голосов.

¹²² В книге Н. Д. Кондратьева «Заслуживающий абсолютного доверия» сказано, что этим делегатом был Русов. Сын и дочь Шотмана, Александр Александрович и Ольга Александровна, вспоминали, что отец рассказывал, что этим делегатом был Троцкий. Это подтверждают и протоколы II съезда РСДРП: 2 августа на вечернем заседании съезда, заключал споры по § 1 Устава, В. И. Ленин выступил с резкой критикой Троцкого и Мартова (Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 276).

¹²³ В первом письме, посланном редакцией «Искры» после возвращения со съезда в Россию, А. В. Шотман писал так: «Я приехал в Питер, три дня искал Гуцу [Е. Д. Стасову], пока нашел, потом ночевал у одного товарища, и в эту ночь пришли к нему «голубые» — его взяли, а меня оставили» (Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг., т. 1. М., 1974, с. 169).

На торжественном заседании, посвященном 25-летию II съезда партии, состоявшемся в Таврическом дворце в Ленинграде 15 августа 1928 г. А. В. Шотман, выступая с воспоминаниями о работе съезда, сказал: «Когда я вернулся со Второго съезда, двадцать пять лет назад, то, к сожалению, мне не удалось сделать полного отчета о своей поездке, так как полицейские условия были таковы, что товарищ Стасова меня помедленно выпроводила из Петербурга; поэтому разрешите мне сейчас сделать этот отчет». — «Нева», 1963, № 7, с. 123. (Публикация Л. И. Ильиной. Степнограмма заседания хранится в Ленинградском партийном архиве.)

¹²⁴ В письме от 31 августа 1903 г. Е. Д. Стасова сообщила редакция «Искры»: «Парень [А. В. Шотман] был только проездом, скоро вернется, на днях увижу. Грустно все, что пришлось услышать, но надеюсь, что все наладится и придет в порядок при

дружной работе. Что можно было, сообщили комитету. Целиком высказались за то, что более ортодоксально, т. е. и впредь остаемся надежными ортодоксами». (Там же, с. 81.)

¹²⁵ Горп В. Л. (Сигарыч) (1875 — ?) — с 1901 г. член группы содействия «Искре» в Пскове. После II съезда РСДРП — меньшевик. Впоследствии враг Советской власти, член правительства Юденича, белоэмигрант.

¹²⁶ В этот период Смоленск играл важную роль в сношениях социал-демократических организаций России с центром партии за границей. «Районом Северо-Западного комитета, — отмечается в протоколах III съезда РСДРП, — ЦК очень пользовался. В этом районе при содействии Северо-Западного комитета ЦК получал паспортные книжки и бланки, здесь же доставался в большом количестве шрифт, заказывались печати для паспортов, здесь же ЦК нашел много товарищей, которые принимают и принимают деятельное участие в его технической работе. В этом же районе очень часто производились получки литературы» (Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 429).

¹²⁷ Зеликсон-Бобровская Ц. С. (1876—1960) — профессиональная революционерка, член партии с 1898 г. Вела партийную работу в Твери, Баку, Тифлисе и др. городах. В конце 1903 г. была членом Костромского комитета РСДРП. В советское время — на партийной и научной работе.

Загайная С. К. (1879—1930) — статистик, член партии с 1901 г. Работала по технике Костромского комитета РСДРП. В годы Советской власти работала по специальности.

«Великий конспиратор» — Сапежко В. М. (1869—1941), помощник присяжного поверенного, в революционном движении с 80-х гг., социал-демократ. После II съезда — меньшевик. В годы реакции от политической деятельности отошел. После Октября работал в государственных учреждениях.

¹²⁸ Из Костромы 7 октября 1903 г. А. В. Шотман послал письмо редакции «Искры». Это было первое его письмо после возвращения в Россию со съезда. «А что до сих пор не писал, так, каюсь, отчасти виноват. — писал Шотман. — Но я находился в таких условиях, что невозможно было писать ничего... Те-
204

перь я нелегальный, работаю не покладая рук. Здесь почти непечатый угол. Рабочие еще только начинают просыпаться, хотя тут и велась агитация, но очень плохо — передовые рабочие так плохо спропагандированы, что приходится и с ними почти с азав начинать. Литературы сравнительно тут порядочно. Громадным успехом пользуется «К деревенской бедноте», недавно получено. Ее много идет к крестьянам» (Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений... 1903—1905, т. 1, с. 212).

Брошюра «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы» написана В. И. Лениным в первой половине марта 1903 г., издана в Женеве в мае 1903 г., затем неоднократно перепечатывалась местными организациями РСДРП в России.

¹²⁹ В письме от 7 октября Шотман по этому поводу писал так: «В прошлом месяце сидящие в здешней тюрьме (23 человека) объявили голодовку, вот уже две недели голодают, и по этому поводу выпустили прокламацию, отпечатали на гектографе» (Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений, т. 1, с. 213).

¹³⁰ Был комбинат технических тканей «Красный порекон».

¹³¹ В записке начальника жандармского управления указывалось, что к одному из руководителей иваново-вознесенской группы Андрееву прибыл в начале ноября 1903 г. А. Шотман и в то же время у местных рабочих появились совершенно новые листовки Северного комитета (Центральный Гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства в Ленинграде, ф. Ленсовета, д. 4, л. «А. Шотман»).

¹³² А. В. Шотман имеет в виду резолюцию, принятую II съездом РСДРП, «О показаниях на следствии»: «Принимая во внимание: а) что всякие показания, даваемые революционерами на жандармском следствии, независимо от воли революционеров, служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц; б) что отказ от показаний, если он широко применяется, будет содействовать в сильной степени революционному воспитанию пролетариата; — II съезд РСДРП рекомендует всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний на

жандармском следствии» (Второй съезд РСДРП. Протоколы, с. 429).

¹³³ Шпалерная ул. — ныне ул. Войлова.

¹³⁴ П. Д. Святополк-Мирский (1857—1914) министром внутренних дел был с августа 1904 г. до 18 января 1905 г. Освобождение А. В. Шотмана объяснялось не объявленной Святополк-Мирским осенью 1904 г. «политической песней», а начавшейся в России революцией.

¹³⁵ «Наша жизнь» — ежедневная политическая газета, близкая к левому крылу партии кадетов; выходила в Петербурге в 1904—1906 гг.

¹³⁶ «Наши дни» — ежедневная газета либерально-направленная; издавалась в Петербурге в 1904—1905 гг.

¹³⁷ Эриксопа завод — ныне завод «Красная заря».

¹³⁸ Розенкранца завод — ныне завод «Красный выбожец».

¹³⁹ А. В. Шотман и А. П. Соловьев, рабочий Главных вагонных мастерских, большевик, оратор на митинге на углу Б. Сампсониевского (ныне К. Маркса) пр. и Нейшлотского пер., о котором вспоминает Шотман, были арестованы 22 апреля 1905 г. В записке начальника жандармского управления указывалось, что они задержаны за распространение прокламаций, что «у Шотмана по обыску отобрана — рукописная тетрадь с прелюдительными стихами» (ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, оп. 202, 1905 г., д. 2120; ЦГАОРЛ, ф. Ленсовета, д. 4, л. «А. Шотман»). Содержались в доме предварительного заключения. А. В. Шотман был освобожден в мае (А. П. Соловьев — в сентябре) под особый надзор полиции.

Об этом митинге и аресте Шотмана и Соловьева рассказал также И. В. Попов, участник событий (Попов И. В. Воспоминания. М., 1974, с. 77).

¹⁴⁰ По воспоминаниям А. В. Шотмана получается, что он в Одессу приехал лишь во второй половине июня 1905 г. — после восстания матросов на бронепосе «Потемкин» (которое произошло 14—19 июня). В действительности Бюро комитетов большинства еще в феврале направило его в Одессу, 19 февраля 1905 г. Л. М. Изялович, секретарь Одесского комитета РСДРП, сообщила В. И. Ленину, что Николай Петрович (такой псевдоним имел Шотман в Одессе) «мы контрировали... по рекомендации

Бюро» в комитет. В письме от 25 февраля Лидия Михайловна сообщала в Женеву, что Николай Петрович они посылают в Николаев. 5 марта Л. М. Княпович и А. В. Шотман послали совместное письмо редакции «Вперед». 16 марта Л. М. Княпович писала В. И. Ленину, что в комитете «технику передали Николаю Петровичу» (Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг., т. 1, кн. 2. М., 1979, с. 39, 87, 141, 220, 264). Шотман участвовал в заседании Одесского комитета 20 марта, на котором делегатом от Одессы на III съезде РСДРП был набран В. И. Ленин (там же, т. 2, кн. 1. М., 1982, с. 190). Далее, по документам, Шотман появляется на заседании Одесского комитета 21 мая 1905 г. Вероятно, в этот период — между 20 марта и 21 мая — он приезжал в Петербург и за участие в организации забастовки рабочих завода Эриксона был арестован.

В период восстания на бронепоседе «Потемкин» Шотмана действительно не было в Одессе. В письме Одесского комитета РСДРП В. И. Ленину и Н. К. Крупской, посланном ранее 5 июня, сообщалось, что Шотман, «недовольный уступчивостью комитета» меньшевикам, вышел из комитета и снова приехал в Петербург.

¹⁴¹ В июне 1905 г. в ПК РСДРП входили Е. Д. Стасова, Р. С. Землячка, Н. В. Дорошенко, Н. А. Скрышник, С. И. Капатчиков и др. М. М. Эссен (Зверь) была выслана в Архангельскую губ., откуда бежала 27 июля 1905 г. Н. В. Крыленко входил в ПК с октября, Г. Алексинский приехал в Петербург в конце 1905 г.

¹⁴² Летом 1905 г. М. Горький жил в Куоккало (ныне Реппо) на даче «Ливтула» (до наших дней сохранилась). Здесь он закончил начатую еще в Петропавловской крепости пьесу «Дети солнца», которая тогда же была поставлена в летнем театре поселка Оллила (ныне Солпечное).

¹⁴³ Келломяки — ныне пос. Комарово.

¹⁴⁴ В. И. Ленин писал: «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская. Октябрьская, были бы невозможны» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 306).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Кружковая работа	14
От кружка к партии	45
Второй съезд партии	93
После съезда	128
Примечания	180

Александр Васильевич Шотман

ЗАПИСКИ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

Редактор Н. К. Новиков
Младший редактор Е. Б. Никагорова
Художник И. Г. Архипов
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Н. Н. Фоменко

ИБ № 2969

Сдано в набор 02.06.83. Подписано к печати 16.09.83. М-36253.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов. Печать
высокая. Усл. печ. л. 7,61. Усл. кр.-отт. 7,90. Уч.-изд. л. 8,23.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 139. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.